

4170

1845 ТУЛЬСКАГО *года*

УСПЕНСКАГО ДѢВИЧЬЯГО

№ МОНАСТЫРЯ. ~~*1845*~~

708

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
къ
ИСТИННОМУ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ СЧАСТІЮ,
или

О П Ы Т Ъ
нравоучительныхъ и отчасти фило-
софическихъ
РАЗСУЖДЕНІЙ
О
БЛАГОПОЛУЧІИ
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
и
О СРЕДСТВАХЪ
къ приобрѣтенію оного.

Часть I.

Изданіемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1784 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Униперситета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Пушеводитель къ истинному человѣческому счастью часть I, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Униперситетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Секретникъ, Касноорѣчій Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Униперситетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Стран.

Вступленіе.	- - - -	I
I. Разсужденіе о благополучіи вообще и о исканіи онаго.	-	17
II. — О томъ, въ чемъ бы собственно состояло благополучіе человѣческое.	- - - -	36
III. — О разныхъ степеняхъ благополучія человѣческаго.	- -	62
IV. — Касающееся вообще до средствъ къ достиженію до благополучія.	- - - -	77
V. — О существѣ и свойствахъ желаній человѣческихъ вообще.		105
VI. — О начальныхъ и врожденныхъ желаніяхъ и о происходящихъ отъ нихъ другихъ желаніяхъ.	- - - -	190
VII. — О состояніи, въ какомъ находятся въ насъ наши главные желанія вообще.	- -	223

VIII. Разсужденіе о нравственномъ
злѣ, или о худыхъ нашихъ
склонностяхъ. - - 246

IX. — О вредныхъ слѣдствіяхъ,
происходящихъ отъ худыхъ на-
шихъ склонностей и желаній. 289.

X. — О возможности уменьше-
нія нравственнаго зла и о испра-
вленіи нашемъ вообще. - - 315

XI. — О существѣ и порядкѣ
исправленія вообще. - - 348

ПРЕДИСЛОВІЕ

Здѣсь видите вы, дорогой читатель, предѣ собою Опытѣ нравоучительнымѣ разсужденіямѣ о такой матеріи, копорая не инако какѣ важною почесться можетѣ, а именно о Благополучіи или Блаженствѣ человѣческой жизни. Я бы могѣ ихѣ безѣ всякаго предисловія оставить, естлибѣ нѣкоторыя общояшельства не принуждали меня сказать вамѣ слова два напередѣ обѣ оныхѣ. Можетѣ быть подумаете вы, что я сочиняя оныя подгрѣвалѣ только старыя щи, или говорилѣ о сей матеріи то, что говорено было уже довольно и безѣ меня въ свѣтѣ; но сіе меня не беспокоитѣ. Ежели удостоите ее проченіемѣ, то найдете можетѣ быть, что это и другаго рода кушанье, или по крайней мѣрѣ щи, да не такимѣ манеромѣ сваренныя, какѣ вы думаете.

Вкусны ли они или не вкусны, о томѣ надобно вамѣ, а не мнѣ разсуждать. Повару всякое свое кушанье хо-

рошо кажется, и ему какъ о помѣ судить, шакъ и шого желашъ не можно, чшобъ онъ на вкусъ всякаго ѣдока пошрафилъ. Эшо дѣло извѣстное, и было бы излишнее шого шребовашъ. Сколько людей, шолько разныхъ вкусовъ, и чшо одному хорошо, шо другому дурно кажется. Чшо о помѣ говоришь! — Но ешть другой вопросъ, кошорой поважнѣй онаго: а именно: пишашельно ли оно или не пишашельно, здорово ли или вредно человѣку? Но о семъ не всѣ ѣдоки, а одни врачи разсуждашъ могушъ, и поваръ не всѣмъ, а имъ шолько въ семъ случаѣ ошвѣтсшвовашъ долженъ.

Но какъ и врачи бываюшъ не всѣ равные, а пришомъ будучи шакимъ же подвержены слабостямъ какъ и другіе человѣки, легко, либо по какимъ нибудь предразсудкамъ, либо по одному наружному виду поспѣшно заключаая, погрѣшшъ могушъ, и не рѣдко называя кушанье шакимъ, шакимъ оно не бывало, и погрѣшаюшъ: шо легко спашься можешъ, чшо и съ моимъ шоже самое случштся.

числѣ. Для сей причины за нужное почелъ я симъ господамъ на ухо шепнуть, чѣмъ они пожаловали не много оспереглись и не съ лишкомъ скоро дѣлали свои рѣшенія, но благоволилибъ припомнить, что наружность бываетъ иногда и обманчива, да и повару иногда и самому опчаспи врачебную науку знать, или по крайней мѣрѣ по предписанію какого нибудь Доктора кушанье свое составлять можно. — Мое точно такого рода. И такъ пожаловалибъ они по одной только новоспи сего кушанья, и по наружнымъ его и можетъ быть съ ихъ правилами и мыслями не согласующимся признакамъ, не скоро заключали, но изслѣдовалибъ оное въ тонкость, да и тогда, буде что несходное съ ихъ правилами имъ покажется, не со мною бы, а съ шѣмъ господиномъ Докторомъ имѣли дѣло, котораго предписаніямъ я слѣдовалъ. Я тому уже не виноватъ, что лечилъ онъ людей иною мѣтодою, а виноватъ ли или не виноватъ только пошому, что слѣдовалъ его предписаніямъ.

Но

Но въ семъ случаѣ пускай сами они разберушъ, долженъ ли я былъ, или не долженъ о безвредности оныхъ бышъ увѣренъ, когда будучи самъ долгое время боленъ и искавъ тщетно опъ многихъ Докторовъ и лекарей помощи, не пользу, а вѣщшей только вредъ опъ нихъ получилъ, и предписаніями помянушаго только Доктора при помощи Божеской наконецъ избавился, обмогся и благодарилъ Бога мало по малу прихожу въ состояніе и выздоравливаю? И великая ли въ томъ моя вина, когда я зная, что и многіе такой же болѣзни подвержены, а метода помянушаго Доктора въ нашемъ любезномъ опечесствѣ не гораздо извѣстна, по долгу человѣческа вдумалъ и для нихъ такое же кушанье сварилъ, какое самому мнѣ принесло пользу, а не слѣдовалъ правиламъ и предписаніямъ иныхъ, коихъ о бесполезности, а опчаспи и вредности испыталъ также собственнымъ своимъ опытомъ? Кто помянушой Докторъ и какъ онъ прозывается, о томъ не для чего мнѣ имъ сказывать. Если они о должности своей

своей прямо радѣющѣ , и исторія ихъ науки ; нынѣшнее оной въ свѣтѣ состояніе и всѣ обстоятельство касающіяся до ней имѣ свѣдомы , то не можно , чтобъ новой сей Докторъ былъ имѣ не извѣстенъ , онъ довольно знаменитъ въ свѣтѣ.

Но сего довольно для господъ лекарей. Что касается до прочихъ ѣдокъ , то имѣ о кушаньѣ моемъ слѣдующее только въ предувѣдомленіе скажу. Оно здорово , эшо правда. Яду въ немъ и осправы никакой нѣтъ. Съ сей стороны не можно имѣ ничего опасаться , и вредъ отъ него тогда только они получаютъ , когда сами уже съ лишкомъ много его обѣѣдаются спанутъ. Но въ такомъ случаѣ и всякое кушанье и не только кушанье , но и лучшее лекарство въ ядъ обратиться можетъ , и тому уже не я буду виновенъ. Сколько имѣ вѣсть , сама натура и разумъ ихъ научитъ. Вольно будетъ имѣ не слѣдовать оной. Однако и то долженъ сказать , что оно не множко грубоваго , и пошому не на
вся-

всякаго вкуса придетъ. Инымъ можетъ быть покажется оно суровенько, другимъ съ лишкомъ солоно, претъимъ горьковаго, инымъ кисло и шакъ даѣе. Но что дѣлать, когда я поваръ не по модѣ и кушанье мое не Французское, а Нѣмецкое. Кто имѣетъ вкусъ съ лишкомъ нѣжной или желудокъ привыкшей къ однимъ только Французскимъ кушаньямъ, и о здоровьи своемъ мало радѣетъ, или будучи боленъ себя считаетъ совершенно здоровымъ: тогда пожалуй себѣ онаго не кушай, а оставляй шѣмъ, копорые радѣя лучше о своемъ здоровьи соглашаются охотно глотать и горькія пилюли и кушать самыя грубыя и невкусныя имъ пищи, когдабъ только они имъ пользовали и они моглибъ увѣрены быть, что получаютъ отъ того великія выгоды.

Наконецъ осталось мнѣ сказать, что можетъ быть я въ приуготовленіи моего кушанья учинилъ многія поварамъ обыкновенно свойственныя и простиительныя погрѣшности, но есть, иныхъ

иныхъ приправъ не доложилъ, иныхъ переложилъ, иное не доварилъ, другое пережегъ и такъ далѣе. Но въ семъ случаѣ надѣюсь пріобрѣстѣ мнѣ извиненіе то, когда чистосердечно признаюсь, что я еще не совершенной поваръ, но не иначе себя считаю, какъ ученикомъ поварскимъ, по которой причинѣ и не опважился я назвать кушанье мое кушаньемъ, а назвалъ его только опытомъ кушанья. Дальнѣйшее упражненіе и когда оно придетъ на вкусъ многихъ, побудитъ меня спараться о приведеніи впредъ искусства своего въ лучшее совершенство.

Вопіѣ все, о чемъ хотѣлъ я васъ, дорогой читатель, предупредить. Аллегорія сія столь удобопонятна, что вы надѣюсь избавите меня отъ труда изъяснять оную далѣе. Теперь судите сами какъ хошите, и дѣлайте, что вамъ угодно. Вы будете неоптѣнно принадлежать къ числу либо проспыхъ и разнаго состоянія ѣдоковъ, либо врачей, то есть ученыхъ и Философовъ. Сіе слово можетъ вамъ служить

жить свѣчкою, кошорою въ состояніи
вы будете разогнать темноту пред-
слѣдующей Аллегоріи. Я желая вамъ
получить такуюжѣ пользу, какую
самъ имѣлъ: есмь.

Всегдашній Вашъ

Доврожелатель

Писано въ моей кухнѣ

1772 года.

ВСТУПЛЕНІЕ

Истинное благополучіе или блаженство нынѣшней человѣческой жизни, было всегда великимъ предметомъ, къ которому и древнихъ и новыхъ вѣковъ многіе ученые люди равно какъ къ нѣкоей знаменистой цѣли направляли свои мудрствованія. Ежели безпристрастно разсудить: то матерія объ ономъ по справедливости и доспойна того, чѣмъ бытъ ими такъ много уважаемою, и къ изслѣдованіямъ до сего пункта принадлежащимъ прилагаемы были такіе усердные труды и старанія, какіе они въ разные времена о томъ прилагали. Ибо кто не согласится въ томъ, что благополучіе есть такой пунктъ, котораго важность довольно изображена бытъ не можетъ? Не всего ли надобнѣе; не всего ли полезнѣе для насъ благополучіе наше? И надобно ли къ тому какія доказательства? Но когда благополучіе для насъ такая важная и столь

надобная вещь; то можешъ ли что полезнѣе и нужнѣе шѣхъ изслѣдованій бытъ, какія о немъ ученые и прежде предпринимали и нынѣ предпринимаютъ? Поиспиритъ можно сказать, что сколькобъ о томъ ни говорено было, но никогда не можно сказать, чтобъ было довольно. Матерія сія такъ обширна и сопряжена съ такими обстоятельствомъ, что всегда найдется многое, о чемъ говорить и надобно и можно. Однимъ словомъ, она можешъ всегда ученымъ людямъ подавая поводъ къ испытанію силъ разума своего въ разсужденіяхъ касающихся до сего пункта, шѣмъ наипаче, что сколь много о томъ по сіе время славными учеными мужами говорено ни было; однако она далеко еще вся не только не изчерпана, но такъ сказать и совершенно еще не изслѣдовано, въ чемъ бы собственно истинное благополучіе состояло и какими точно способами или путями моглобъ наиудобнѣе пріобрѣтаемо бытъ.

Причиною тому были многія обстоятельства, а между прочимъ наиболѣе разноша и неосновательностьъ Философическихъ системъ, которыми помянушыя въ древности ученые люди въ ученіяхъ своихъ слѣдовали. Всякой изъ нихъ держался той, которую имѣлъ онъ случай въ молодости своей выучить и зашвердить, а потому уже и о сей матеріи разсуждалъ такъ какъ его система ошъ него претовала: а какъ по нещасію не рѣдко мѣшались въ томъ и пристрастія ихъ сердецъ: то и произошла ошъ того та удивительная разноша, какая въ разсужденіяхъ ихъ о семъ пунктѣ примѣчается. Ибо иное ли что могло ошъ того происчеъ, кромѣ того, что всякой старался ковать желѣзо по своему образцу и приводить его въ такую форму, какая у него имѣлася обжимка.

Ошъ сего натурально и происпекло то слѣдствие, что многіе изъ нихъ не избавились ошъ великихъ погрѣшностей, и забродили мыслями своими въ такіе Лабиринты, изъ которыхъ не

могли на конецъ ни какъ выдраться. Но сіе въ разсужденіи слабостей чело-вѣческаго разума было бы и проспи-тельно, естѣлибъ не дѣлалось чрезъ то въ сей важности сего пункта велика-го ущерба и уменьшенія. Люди уви-дѣвъ между лучшими людьми шоль великую въ разсужденіи сей маперіи несогласицу, не осмѣливались ни ко-порому изъ нихъ швердо вѣрить: но паче болѣе склонны были къ заключе-нію, что всѣ они едва ли не кругомъ и не околоть себя ходятъ и сами чего ищутъ и что говорятъ подлинно не знаютъ. А изъ того впадали въ извинительное сомнѣніе, что истин-наго благополучія на свѣшѣ нѣтъ, или оно состоитъ не въ томъ, въ чемъ они ушверждали, но въ томъ, въ чемъ большая часть смертныхъ людей оное полагаетъ и ищетъ.

Естѣли въ тонкость и безприспра-стно разобрать: то найдемъ, что причиною помянутыхъ погрѣшностей было наиболѣе: во первыхъ, удаленіе отъ натуры и недосматочное согласо-ваніе

ваніе мыслей своихъ съ видимымъ распоряженіемъ оной, и нынѣшними ея обстоятельствомъ: во вѣсѣхъ, недостаточное знаніе о внутреннихъ произшествіяхъ въ душѣ нашей и о дѣйствіяхъ силъ ея и желаній, и неприлаганіе о удобовозможномъ познаніи онаго надлежащаго спаранія. Отъ перваго произошло то, что люди насильно спарались черное бѣлымъ и обратно бѣлое чернымъ дѣлали и въ томъ незнающихъ людей увѣряли. А отъ втораго то, что глодали они по большей части одну скорлупу на орѣхѣ, а до ядра мало или вовсе не допрогивались, и чрезъ то мимо самой вещи ловили и разсмащивали ея шѣнь и по оной дѣлали свои разбирашельства.

Правда не лѣзя того сказать, чтобъ новѣйшіе вѣки не имѣли въ томъ предъ прежними несказаннаго преимущества. Науки пробудившись отъ своего прежняго и споль долговременнаго сна, и просвѣтивши умы человѣческіе, научили уже ихъ порядочнѣе мыслить и разсуждать: по чему мнѣнія новѣйшихъ

шихъ Философовъ и въ разсужденіи сей матеріи , не только здравѣе и основательнѣе прежнихъ , но гораздо уже обстоятельнѣйшія. Но какъ и сіе просвѣщеніе не вдругъ сдѣлалось совершенно , а мало по малу приходило и приходишь въ совершенство : то не могло и въ сіи вѣки того миновать , чтобъ нѣкоторыя не впадали хотя другаго роду , однако въ подобныя помужъ погрѣшности. Къ вникновенію въ сокровенную внутренность души нашей , пребывалось великаго искусства , глубокихъ разумовъ и долговременныхъ и прилѣжныхъ примѣчаній и опытовъ. Ибо когда сія благородная часть существа нашего , опѣ глазъ нашихъ , такъ на примѣръ какъ воздухъ и другія невидимыя вещи , скрыта ; то и не осталось другаго средства , какъ наиприлѣжнѣйшимъ образомъ и въ самую тонкость примѣчать ея видимыя и примѣшныя дѣйствія , предпринимаешь къ объясненію иныхъ вещей собственные опыты , и по тому уже дѣлалъ какъ о существѣ , такъ о силахъ и свойствахъ оныхъ свои заключенія.

ченія. Но какъ не всякой имѣетъ довольно охоты пуспиться на шоль великой и шоль многихъ предосторожности пребующей подвигъ, и не всякой имѣлъ довольно въ шомъ терпѣнія: шо натурально и не могло сіе познаніе инако какъ весьма шихими спопами опъ времени до времени возрастать и увеличиваться, и пришомъ не быть со многими замѣшательствами сопряженно. А по шому чѣмъ прилѣжнѣе принялись спараться о познаніи души, шѣмъ основательнѣйшія разсужденія начали появляться въ свѣтѣ и о благополучіи нашемъ.

Нынѣ прешей уже вѣкъ идетъ, какъ учинено было шому прямое начало, и во все сіе время не было безъ людей, копорые приводя прочія часпи наукъ въ лучшее совершенство, между прочимъ и о приведеніи помянушаго познанія въ лучшее совершенство прилагали свои спаранія. Успѣхи ихъ въ шомъ были разные. Чѣмъ болѣе наблюдаема была кѣмъ безпристрастность, шѣмъ лучшей и успѣхъ шомъ въ шомъ

А 4

полу-

получалъ. На конецъ срединѣ нынѣшняго вѣка предоставлено было шѣмъ въ особливости прославиться. Нѣкоторые люди имѣли особливое счастье получить въ помѣ успѣхъ возжеленной, и съ сего времени попали мы на лучшую пропу ведущую насъ, такъ сказать, къ окну, въ кошорое мы нѣсколько болѣе въ тайное сіе свѣпилище заглянушь и о внутренности его разсуждать можемъ. Потомки наши и послѣдующіе вѣки, можетъ быть, будутъ еще насъ въ семъ случаѣ счастливыѣ.

Между шѣмъ должны мы довольствоваться шѣмъ, что имѣемъ. И какъ самое сіе сдѣлало людей способнѣйшими уже и къ основательнѣйшимъ разсужденіямъ о истинномъ благополучіи и о средствахъ къ доспигенію онаго, и показало, имъ такъ сказать надежнѣйшей и прямѣйшей пушъ къ оному ведущей: то самое сіе и побудило меня въ пользу моихъ согражданъ испытать силы свои въ разсужденіяхъ о поль великой и важной маперіи: шѣмъ наипаче, что новыя сіи отккрытія не такъ
еще

еще въ свѣшѣ знакомы, чшобѣ были всѣмѣ вѣдомы, а шого меньше въ нашемѣ любезномѣ опечесшвѣ, гдѣ и прежнія предѣ шоль малымѣ и корошкимѣ временемѣ сдѣлались извѣсшными.

Сіе въ состояніи уже пріобрѣсш мнѣ извиненіе въ шомѣ, что я опваживаюсь говорить о такой матеріи, о кошорой говорено было уже довольно въ свѣшѣ и шакими людьми, предѣ кошорыми я себя не инако какѣ мо-локососомѣ почишаю. Всѣмѣ извѣсшно, коль многіе на свѣшѣ ученые люди пріобрѣли себѣ шѣмѣ безсмершную славу! Но Боже меня сохрани, что бы я похощѣлъ оную у нихѣ похищашь или ихѣ опорочивашь. Слава ихѣ да ошпанешся всегда съ ними и въ своемѣ цвѣшѣ! Однако сіе не мѣшашь мнѣ сказашь, что и они были шакіежѣ люди, какѣ я, и всѣ мы, шо есшъ, способные къ погрѣшностямѣ. Испочникѣ сихѣ погрѣшностей я изобразилѣ, и признаваю, что они въ шомѣ не виновашы, что иногда погрѣшали. Не они причиною шому были, что въ

А 5

ихѣ

ихъ времена не болѣе о душѣ нашей знали нежели нынѣ. Они сами, можешъ бышъ, перемѣнилибъ свои мнѣнія ешъ-либъ жили въ нынѣшнее время. И пакъ я не иное что предпринимаю дѣ-лашъ какъ вкратцѣ говоримъ о томъ, что они говорили, съ тою только раз-ницею, что слѣдовашъ буду не ша-кимъ правиламъ какимъ, они слѣдова-ли, но въ основаніе всѣмъ разсужде-ніямъ своимъ положу помянушыя учи-ненные вновь въ душевныхъ нашихъ силахъ и свойствахъ оныхъ откры-тія и примѣчанія, которыя имъ бы-ли неизвѣстны: и все сіе единствен-но только на опытъ и для того, дабы подашъ чрезъ то поводъ другимъ и разумнѣйшимъ меня людямъ, къ даль-нѣйшимъ о сей матеріи размышленіямъ и побудитъ къ приведенію ея въ луч-шее совершенство.

Но какъ всякая новая вещь сопря-жена съ шѣмъ слѣдствіемъ, что бы-ваешъ съ начала темновата ешъли не сказано будешъ нѣсколько словъ напе-редъ объ оной; то самое сіе и при-
нуди-

нудило меня какъ сіе Вступленіе разсужденіямъ моимъ предпослать, такъ нѣсколько словъ и объ нихъ читателю моему сказать въ предувѣдомленіе. --- Въ нихъ находишься будущъ двоякаго роду изслѣдованія. Во первыхъ есть ли или нѣтъ истинное благополучіе въ свѣтѣ и можетъ ли оно или не можетъ человекомъ пріобрѣтаемо быть? Во вторыхъ, какими средствами оное наиудобнѣе пріобрѣтается бы можно было. Въ обоихъ родахъ сихъ испытаній буду я слѣдовать помянутымъ отккрытіямъ и правиламъ новѣйшихъ Философовъ. Извѣстное отвлращеніе, какое имѣемъ мы обыкновенно къ сочиненіямъ великаго просвѣщенія, и опасность, чтобъ одинъ видъ величины книги не прогналъ у многихъ охоту къ прочтенію оной, не дозволилъ мнѣ входить въ самую подробность, и утверждать всѣ предложенія мои ясными доводами и тонкими Философическими доказательствами; но принуждаетъ станеть стараться вмѣщать ее сколько можно въ нѣсколько предѣловъ. Я готовъ бы для сего

сего согнуть все, такъ сказать, въ колечко, и сдѣлать книгу мою такъ малую, какъ хотѣлъ бы можешь быши читашель: но со всѣмъ тѣмъ предвижу, что всѣ старанія мои въ семъ случаѣ будутъ безплодны. Ибо хотя то и правда, что можнобъ все на корешкахъ словахъ пересказать, но что будетъ отъ того пользы? Не одни ли верхушки я принужденъ буду въ семъ случаѣ схватывать, и не дамъ ли ядро орѣха только на языкъ подержать, а о вкусъ онаго узнать опѣшиму способъ? Нѣтъ! къ такому роду сочиненій я не привыченъ, да и за самую излишность почиаю и шрудиться въ таковыхъ. Я оставляю то другимъ, кто желаетъ время и шруды свои симъ образомъ по пустому шрашить, а самъ не хочу людей, такъ сказать, только по губамъ мазать. Желаніе мое напрошивъ того состоитъ въ томъ, чтобъ читателямъ моимъ подать обо всемъ столь ясное понятіе, какое только мнѣ безъ дальнаго увеличиванія книги имъ подать можно: дабы сдѣлать чрезъ то книгу свою

свою для нихъ сколько можно полезнѣйшею.

Для сихъ причинъ и прошу благосклонныхъ чипашелей мнѣ по отпущишь, естъ ли я въ послѣдующемъ не всегда держась буду главнаго моего предмета, но входись иногда въ нѣкоторыя посторонности. Важность и надобность иныхъ вещей можетъ быть спанелъ меня къ тому иногда по не обходимости принуждать: а желаніе принести чрезъ то чипашелямъ вящую и существишельнѣйшую пользу побуждать къ такимъ предпріятіямъ, и посторонностямъ. Объ одной изъ сихъ посторонностей я напередъ уже вижу, что мнѣ ее предпріять будетъ надобно: а именно, чтобъ прежде приступленія къ предложенію собственныхъ средствъ и правилъ къ удобнѣйшему пріобрѣтенію благополучія предпослать нѣсколько цѣлыхъ разсужденій, касающихся вообще до существа нашихъ желаній, до ихъ свойствъ и до другихъ касающихся до нихъ примѣчанія достойныхъ обстоятельствъ: какъ

какѣ на примѣрѣ о природномѣ оныхъ состояніи, о сдѣлавшемся между нимъ замѣшательствѣ и поврежденіи, о произшедшемъ отъ того такѣ называемомѣ нравственномѣ злѣ, о вредныхъ отъ него слѣдствіяхъ, и о генеральныхъ правилахъ къ удобнѣйшему истребленію и уменьшенію онаго и такѣ далѣе. Не поскучайте ими дорогой читатель! Но паче, прочтите ихъ со вниманіемъ, буде хошите прямо прочими разсужденіями моими пользоваться. Они сушь камни, положенные въ фундаментъ всему моему зданію, и знаніе объ нихъ будетъ вамъ не бесполезно. Вы найдете въ нихъ то, чего въ другихъ книгахъ не скоро найдете можете, а сверхъ того они нѣкошорымъ образомъ въ состояніи будутъ наградить весь шопъ недоспашокъ, кошорой въ сей книгѣ находитьсѣ будетъ и кошорой принадлежишь до самаго подробнаго пракшическаго руководства, къ кошорому не входя въ великое пространство мнѣ ни коимъ образомъ приступить будетъ не можно. Ибо изъ помянутыхъ раз-

разсужденій можете вы буде пожелаете сами уже послѣ, какъ изъ нѣкаго источника почерпаетъ заключенія, что вамъ дѣлать и какъ къ чему съ начала приступать надобно.

Но не одну сію пользу вы отъ нихъ получите. Они правда хотя и не со всѣмъ тѣсно сопряжены съ главнымъ моимъ предметомъ: но по крайней мѣрѣ къ великому объясненію прочей матеріи служить будутъ, а сверхъ того получите вы чрезъ нихъ хотя не полное, а нѣкоторое уже понятіе о самыхъ тѣхъ новыхъ открытіяхъ, о которыхъ я упоминалъ выше; слѣдовательно отчаспи уже узнаете, что по изслѣдованіямъ новѣйшихъ философовъ о внутренности души нашей и о свойствахъ ея силъ извѣстно. Однимъ словомъ вы можете чрезъ то уже познакомиться нѣсколько съ своею душою, спрассъми, склонностями и желаніями, и узнаете что это въ насъ за звѣри, и какъ съ ними намъ лучше ладить и подѣ свою влассть ихъ приводить можно, и чрезъ то

сдѣ-

сдѣлаешесь способнѣйшими къ поль-
нужному, славному, и похвальному
самихъ себя обладанію: умалчивая о
томъ, что безъ того и вся прочая
матерія будетъ вамъ темна и не-
удобопонятна, и вы не зная сего не
можете прямо и оною пользоваться.

Вопъ все, о чемъ хотѣлъ я упо-
мянуть въ семъ первомъ отдѣленіи
моей книги. Теперь время присту-
пить мнѣ къ самому дѣлу.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О благополучіи вообще и о ~~судьбѣ~~
онаго.

Всѣмъ намъ по сродно, чѣмъ благополучія себѣ желать, и я не надѣюсь, чѣмъ нашелся кто нибудь на свѣтѣ, коимъ бы счастливымъ быть не хотѣлъ. Сіе природное всѣмъ желаніе является въ насъ съ самаго младенчества, и тогда еще, когда мы сами себя совершенно не познали, и продолжается до тѣхъ поръ, покуда смерть глаза наши закроетъ. Какого бы званія кто ни былъ, или въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, но ежели дѣла его разсмотримъ: то найдемъ, что всѣ они на желаніи благополучія основаны были. Однимъ словомъ, не погрѣшая сказать можно, что желаніе благополучія не только каждому человеку

свойственнѣно , но и знапнѣишее предѣ
всѣми прочими желаніями еспѣ.

Сіе общее желаніе сродное себѣ
и дѣйствіе во всѣхъ производитѣ.
Ибо какѣ каждое желаніе насѣ кѣ удо-
влепворенію себя понуждаешѣ , такѣ
равномѣрно и желаніе благополучія без-
преспанно принуждаешѣ насѣ всѣ свои
силы и возможности кѣ пріобрѣшенію
благополучія своего употребляшѣ , и
всякой часѣ о шомѣ спарашѣся , по чему
и натурально каждой человѣкѣ не
только благополучія желаетѣ но его
и ищешѣ.

По симѣ двумѣ обстоятельствамѣ
казалосѣ бы шѣ безсомнѣнно , чшо
благополучію на свѣшѣ бышѣ и отѣ
многихѣ сыскивану и пріобрѣтаему
бышѣ надлежалѣ. Ибо когда изѣ опы-
та видимѣ , чшо вѣ каждомѣ че-
ловѣкѣ желаніе кѣ нему еспѣ : шѣ не
должно ли заключашѣ , чшо оно отѣ
великаго Создашеля нашего не впу-
нѣ намѣ данѣ. Когда мы о семѣ все-
высочайшемѣ сущесшвѣ довольно зна-
емѣ ,

емъ, что всѣ дѣла его премудры и совершенны, и ни одного изъ нихъ напраснаго и неспройнаго нѣтъ и быть не можетъ: то лѣзя ли намъ подумать, чтобъ онъ такое всеобщее и во всѣхъ нашихъ дѣлахъ навеличайшее участіе имѣющее желаніе щедно въ насъ вложилъ, и мы совершенія онаго напрасно ищемъ? Таковое мнѣніе конечно бы незаконно и такое было, которое съ свойствами великаго нашего Зиждителя несогласно.

Но не должно ли по справедливости удивляться, когда столь великой истинѣ мы, такъ сказать, пропивное видимъ? Не извѣстно ли, что сколько мы благополучія своего усердно желаемъ и ищемъ, столько же и жалуемся на то, что его нѣтъ и мы никогда найсти его не можемъ? Ибо хотя то и правда, что мы многихъ людей на свѣтѣ счастливыми называемъ, и совершенно благополучными ихъ быть думаемъ: но можетъ ли сіе довольнымъ почтеться?

ся? Мы какъ поспороніе люди по внѣшнему только виду и обстоятельству шакъ обѣ нихъ заключаемъ; но какъ мы всего скорѣй въ такомъ случаѣ обмануться можемъ: по сего конечно недоспащочно. А надобно чшобѣ они сами въ шомъ могли признашья, и о себѣ по бесприсрашно засвидѣшельспивовашь: но сего - по мы почти и не находимъ. Человѣкъ какими бы преимуществами счастья одаренъ ни былъ и сколь бы много не имѣлъ причины себя благополучнымъ почишашь, но никогда сего не сдѣлаешъ. Всегда ему чего нибудь не достаешъ, и онъ благополучіе свое несовершеннымъ почишашь, завсегда онаго еще ищешъ. Спроси кого хочешъ или короче войди въ самага себя и чистосердечно разсмошри, доволенъ ли шы совершенно своимъ состояніемъ, шакъ всегда шому прошивное увидишъ. Поди въ огромныя палашы, кошорыя шы благополучія обишалищемъ почишашь, и спроси шамъ у самыхъ шѣхъ, кои любимцами счастья бышъ кажущя: шы шакъ
кой

кой же отвѣшъ, какъ въ самой мизирнѣйшей хижинѣ отъ бѣднѣйшаго человѣка получишь. А именно: что состояніе ихъ весьма еще нешаково, какимъ ты его считаешь: и что къ благополучію ихъ еще очень многого не доспаетъ. Однимъ словомъ: кого бы ты ни спросилъ, всѣ по же тебѣ, буде не захопятъ сами себя обманывать, скажутъ. Не должноли жъ по сему прошивное первому положенію и по заключающъ, что благополучія на свѣшъ нѣшъ, когда шоль многіе миліоны людей оное щещно сыскашъ спаряются?

Но отъ чегожъ бы такое удивительное несогласіе, или лучше сказать противорѣчіе дѣлалось? И которой же спороны при шоль сомнительныхъ обстоятельствевахъ наилучше держатъ, когда первая неоспоримымъ доказательствомъ, а вторая ежедневными опытами подтверждается? Какія мѣры въ такомъ случаѣ принимаешъ: когда слѣдуя одной согрѣшишь предъ Создателемъ, а слѣ-

довать другой ежедневные опыты или такъ сказать, собственные глаза наши намъ запрещаютъ? . . .

Для самаго сего, и былъ сей пунктъ всегда предметомъ многихъ трудовъ наичуновеннѣйшими и мудрыми людьми единственно для того предпринимаемыхъ, чтобъ какое нибудь посредство шупъ сыскать. И вошъ что изъ всѣхъ ихъ разсужденій и заключеній выходило на конецъ. А именно :

Во первыхъ, что совершенное благополучіе есть и ему не быть не можно. Во вторыхъ, что оно со всѣмъ не въ томъ состоитъ, въ чемъ большая часть людей его полагаетъ. Въ третьихъ, что въ самомъ совершенствѣ его въ нынѣшней жизни получить не льзя, а только до нѣкотораго значнаго градуса или степени доводить можно, получение же совершеннаго предоставлено будущей жизни. А въ четвертыхъ на конецъ, что и помянутой градусъ съ тѣмъ только условіемъ пріобрѣсть можно,

жно,

жно, когда благополучіе прямымъ и натуральнымъ путемъ и надлежащими способами искано и пріобрѣтаемо будетъ.

По сему можно уже намъ теперь на этотъ вопросъ отвѣстствовать, для чего люди благополучія не находятъ. Изъ вышеписаннаго слѣдуетъ уже само собою и каждому усмотрѣть можно, что они во первыхъ въ мнѣніи своемъ о благополучіи обманываясь не въ томъ его полагаютъ, въ чемъ оно дѣйствительно состоитъ, а во вторыхъ не зная его не шю и дорогою къ нему идущъ и не тѣми средствами ищущъ, какими надлежало.

Какъ же по сему намъ и удивиться тому, что они благополучія своего не находятъ, когда большая часть людей не только его собственнo не знаютъ но и узнать никогда не стараюсь, только принятому однажды мнѣнію и склонностямъ своимъ слѣдуютъ? Не самое ли то же представляютъ они, какъ слѣдующей примѣръ одного развращающаго человека сполнну Государя своего съ великимъ раченіемъ ищущаго?

Одинъ человѣкъ вздумалъ бы на примѣръ иппи къ Государю своему и просить себѣ отъ него награжденія, кошораго онъ себя достойнымъ признавалъ. Положимъ, что родился и выросъ онъ въ деревнѣ, и никогда того не слыхивалъ гдѣ Государь живешъ и какъ шомъ городъ прозывается, а при шомъ до глухоспи самолюбивъ и такъ упрямъ былъ, что не хошѣлъ ни у кого о шомъ спросить, но обо всемъ довольное знаніе самъ имѣшъ надѣлся. Онъ отпраившись въ пушъ пошелъ по первой дорогѣ, кошорая ему попалась и вышелъ на другую, кошорая была боѣе первой. Тушъ увидѣлъ онъ многихъ другихъ людей по шой же дорогѣ идущихъ ибо она лежала къ одному городу и была большая. Онъ наслышавшись съ младенчества, что Государь живешъ въ городѣ, шомчасъ пошелъ по ней и съ неперпѣливостію ожидалъ когда къ нему прибудешъ. Вскорѣ послѣ того увидѣлъ онъ его, и обрадовавшись всею силою своею поспѣшашъ въ него началъ. На конецъ достигъ онъ до сего города. Но какъ оной весьма еще не шомъ былъ, гдѣ
Госу-

Государь живешъ : то онъ впунъ его шушъ найпишъ спарался. Однако слѣдуя своему упрямству не хотѣлъ никого спросишъ, гдѣ бы Государя ему сыскашъ возможно было; а услышавъ только, что въ нѣсколькомъ отсюда разстояніи другой и гораздо болѣе сего городъ есть, заключалъ, что Государя для того только въ семъ городѣ нѣтъ, что онъ невеликъ, и думая, что онъ конечно въ томъ большомъ городѣ живешъ, туда далѣе пушъ свой продолжалъ началъ. Хотя по упрямству своему онъ и ни у кого о дорогѣ туда не спрашивалъ, а пошелъ по той, кошорая туда лежалъ ему казалась, но такъ случилось, что онъ не ошибся и чрезъ нѣсколько времени благополучно туда прибылъ. Однако онъ и шушъ Государя не сыскалъ. Ибо и сей городъ еще далѣко отъ его резиденціи отстоялъ. Со всѣмъ тѣмъ хотя сей чело-вѣкъ и увидѣлъ свою ошибку однако безпрестанно въ своемъ упрямствѣ пребывая оную исправишъ не хотѣлъ. Онъ услышавъ, что въ дальномъ отсюда отстояніи есть городъ гораздо еще

сего больше, туда ишши положилъ; но выбирая опять самъ дорогу, по несчастію со всѣмъ не по той пошелъ, копорая туда лежала. Сія дорога заводя его сперва въ разные небольшіе городки и мѣстечки, села и деревни, копорые онъ всѣ безъ всякаго примѣчанія проходилъ, на конецъ въ лѣса и не проходимыя пустыни его завела. Тутъ принужденъ онъ былъ и голодъ и всякую нужду претерпѣвать, а временемъ ошчасу болѣе заблуждаясь въ такіа мѣста заходилъ, гдѣ онъ звѣрей и разбойниковъ великой опасности подверженъ былъ. На конецъ вышелъ онъ опять на дорогу и пришелъ въ городъ. Но упрямство его и тѣмъ еще не преборолось; но онъ опять о настоящей дорогѣ не распробѣдавъ на удачу путь свой продолжая началъ, но чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ болѣе всякимъ бѣдствіямъ и опасностямъ подвергался и искомага мѣста ни какъ найшши не могъ. Часто принужденъ онъ былъ на дорогѣ ночевать, часто заходя въ степи по нѣскольку дней пищи и пипія лишаться, часто понуть и нѣсколько разъ въ

руки

руки разбойниковъ попадашься, коношые его съ ногъ до головы ободрали. Многажды предпринималъ уже онъ и назадъ возвращаться, но чрезъ то еще больше заблуждался. А симъ образомъ изъ города въ городъ переходя всю свою жизнь въ безпрестанномъ беспокойствѣ и во многихъ трудахъ и опасностяхъ препроводя, до шѣхъ поръ онъ сіе дурачество свое продолжалъ, покуда силы его ему служить не перешли. Тогда не оставалось ему другаго, какъ оспаться на одномъ мѣстѣ и питаясь людскимъ подаяніемъ о суетномъ своемъ предпріятіи и щепылыхъ трудахъ, но уже поздно раскаяваться.

Не глупое ли сего челоука было предпріятіе? И не смѣшноль бы на него смотрѣшь, когда бы онъ на примѣръ симъ образомъ скитаясь изъ Кіева въ Казань, изъ Казани въ Тобольскъ, изъ Тобольска въ Архангельской городъ, опшуда въ Астрахань и шакъ далѣе сумазбродствуя ходилъ? Но сколь недоспающымъ дѣломъ сіе ни кажется, и
коль

коль по ни справедливо, что едва ли сему подобной глупецъ на свѣтѣ сущес- ся. Однако ежели сей примѣръ къ по- шупкамъ большой части людей сра- внишь: то почти самое то же хотя въ другомъ образѣ мы найдемъ.

Ибо не истинное ли подобіе тому, когда человѣкъ не зная въ чемъ благо- получіе состоитъ и какими средст- вами пріобрѣтается, также не спрося ни- кого о томъ и не распрովѣдавъ на пе- редъ о истинныхъ способахъ, оное, искашь предпринимаешь? не также ли и прнужденъ онъ будетъ заблуждаться и всеу шруды свои употреблять: и не всему ли шомужъ неминуемо на конецъ онъ себя подвергнуть будетъ долженъ. Ежедневные опыты доказывающъ намъ сію истинну, и одинъ только примѣръ взяшой изъ человѣческой жизни можетъ насъ въ справедливости шого удошпо- вѣрить.

Возмемъ только въ примѣръ благо- получіе свое въ богатствѣ полагающа- го и ищущаго человѣка, и посмошримъ не то же ли самое спанетъ онъ дѣ- лать

дашь какъ шомъ челоувѣкъ, о кошоромъ
я выше говорилъ, и разумнѣ ли его
онъ поступишъ. Намъ только одни
званія да не многія обстоятельство
перемѣнишь надобно. Въсто государя
положимъ искомое благополучіе, а городъ
пускай будетъ богатство, въ кошо-
ромъ онъ его найни чаешъ. Какъ шомъ
сумазбродной челоувѣкъ для шого толь-
ко обстоятельно провѣдашь не спарал-
ся, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ Государь
его живешъ, что швердо въ мнѣніи
своемъ удосшовренъ былъ, что онъ въ
большомъ городѣ живешъ и онъ его безъ
проводника сыскашь можешъ, шакъ и
сей для шого освѣдомишься о шомъ на-
передъ не хочешъ, въ чемъ истинное
благополучіе состоишъ, что бесо-
мнѣнно оное въ богатствѣ полагаетъ,
и въ семъ мнѣніи пребывая по примѣру
шого первую дорогу беретъ, кошорая
только слѣдъ къ богатству показуетъ.
Путешествіе съ сопряженными при шомъ
шрудами и безпокойствами шого, сра-
внимъ на примѣръ съ шѣми шрудами и
безпокойствами, кошорые сей челоувѣкъ
при снисканіи себѣ богатства необхо-
димо

димо имѣшь долженъ. Всякому извѣ-
стно, что оно намъ даромъ не доспает-
ся, и коль многихъ трудовъ и безо-
койствъ оно намъ стоить. Но спа-
немъ далѣе продолжать. Какъ шопъ
пришедъ на конецъ въ городъ, Царя въ
немъ не нашелъ и путь свой далѣе въ
другой и большей городъ продолжалъ
началъ, такъ и сей то же самое сдѣ-
лаешь. Въспомни перваго того и неболь-
шаго города, пускай не весьма великое
богатство будетъ. Не такъ же ли и
онъ какъ шопъ обрадуется его уви-
дѣвъ, и не почтеть ли себя уже при
концѣ пути своего, когда къ оному
приблизился и вступилъ? Но долго
ли сіе мнимое его благополучіе продли-
тся, и что выльется на конецъ? Не такъ
же ли и онъ какъ шопъ чрезъ коро-
пкое время себя обманувшимся почтеть,
и по шомъ о продолженіи пути своего
помышлять спанетъ? Каждому извѣ-
стно, что мы малымъ богатствомъ не
довольны, и какъ скоро его въ нѣко-
поромъ градусѣ получимъ, такъ еще
множайшаго возжелаемъ. Не точное ли
подобіе тому, что какъ шопъ Царя
въ

въ томъ городѣ не нашедѣ, такъ сей благополучія въ маломъ богатствѣ не нашедѣ, онаго гораздо въ величайшемъ искашь похочешѣ. Вошѣ оба они и до большаго города доходяшѣ, и оба опяшѣ обманувшись желаемаго не находятѣ. Вѣщшее богатство насѣ только къ величайшему побуждаешѣ, а удовольствовашѣ конечно не въ состояніи. Чшо иное остаешся тогда какъ слѣдовашѣ стремленію сему? Однако обстоятельствва могутѣ перемѣнитѣся, и дорога спольже бѣдственна бышѣ можетѣ, какъ тому была здолучна. Вмѣсто того, чшо томѣ не шю дорогою пошелѣ; положимѣ чшо сей также заблудился и не примѣшно такія средства къ полученію богатства употребляшѣ началѣ, копорыя не правы и законамѣ прошивны. Не заведешѣ ли сей пущѣ и сего въ дебри и пущыни преужасныя? Не будешѣ ли и онѣ также многимѣ опасностямѣ подверженѣ? Не такъ ли и онѣ многія ночи не спать, по нѣскольку дней ни пить, ни ѣсть, и во многія бѣды и напасши впадатѣ и ошѣ нѣхѣ съ великою иногда нуждою

изба-

избавляясь спанешъ? И не можно ли также сказать, что какъ шомъ весьма глупо сдѣлалъ, что примѣшивъ заблужденіе свое не ворошилъ; такъ и сей неразумнѣе былъ, когда зная, что неправыя средства всегда зло за собою приносятъ, а не смотря на то на нихъ опважился, и уже очевидно бѣдствія видя, на пущь правой возвращись не помышлялъ? Да хопя бы сіи заблужденія и не съ неправыми средствами сравнишь: то случающіеся намъ нечаянные убытки, незапный помѣшательства намѣреніямъ и разрушеніе замысловъ нашихъ, и раждающіяся опъ шого печали, досады и прочихъ родовъ душевныя прискорбія; не шъ же ли самыя пусыни, лѣса и пропасти непроходимыя? Не видимъ ли мы многихъ людей опъ такихъ ударовъ во гробъ, или опъ великой печали вѣ совершенное опчаяніе себя ввергающихъ? А сколько здоровья чрезъ то теряется, я уже и не упоминаю. Не шъ же ли самое сіе какъ ушопать, вѣ руки разбойниковъ впадать, и всего послѣдняго спокойствія своего лишаться? И не также ли и при семъ случаѣ

мно-

многіе сна, пищи и пипья по нѣсколь-
ку дней лишаются? Не воздыхающѣ
ли иногда о прежнемѣ состояніи сво-
емѣ, и не желаютѣ ли, но уже поздно,
чтобѣ они никогда столь опаснаго пу-
ти не предпринимали?

Коль согласно было путешествіе
сихѣ двухѣ человекѣ съ начала и по
сіе время: такѣ и продолженіе и ко-
нецѣ не можетѣ быть различенѣ. Какѣ
топѣ всю свою жизнь при безпрестан-
ныхѣ трудахѣ, безпокойствахѣ и опа-
сностяхѣ, скитаясь симѣ образомѣ по-
напрасну, препроводитѣ, и на конецѣ
либо всѣ силы свои испощивѣ, въ ка-
комѣ нибудѣ опдаленномѣ углѣ житѣ
и нужнѣйшимѣ образомѣ пошерявѣ все
пишатѣся спанетѣ; либо въ сихѣ путе-
шествіяхѣ и жизнь свою окончитѣ,
будучи либо звѣрьми разшерзанѣ, либо
разбойниками убитѣ, либо водою попо-
пленѣ: такѣ и сей, либо всю жизнь
свою съ безпрестанными заботами, пе-
чалями и безпокойствами препровожда-
вшунѣ благополучія своего искаѣ спан-
етѣ: или также будучи какимѣ ни-

будь несчастнымъ ударомъ пораженъ, жизни своей лишится. А хопя бы и всего того не случилось, и онъ бы величайшее богатство на свѣмъ получилъ, то и съ шѣмъ желаемого бы благополучія не нашелъ: ибо сопряженныя съ великими богатствами тысячныя безпокойства, всегдашнія заботы, хлопоты и печали конечно не шаковы, чшобъ человекъ благополучнымъ быть допустили.

И такъ не можетъ ли насъ одинъ сей примѣръ въ справедливости положенія моего удостовѣрить? Но каковъ согласенъ сей примѣръ съ путешествіемъ того сумазброднаго человека, шаковы согласны и всѣ прочіе. При исканіи благополучія въ чеспи, славѣ, большихъ чинахъ и въ роскошахъ то же самое произойдетъ, какъ опъ исканія его въ богатствѣ.

Но какъ большая часть людей единственно въ сихъ вещахъ благополучіе полагаютъ и ищутъ: то можетъ ли что иное послѣдовать какъ то, что они

они никогда его не находятъ. Они до
тѣхъ поръ его не сыщутъ, покуда пря-
мою дорогою не пойдутъ, и въ томъ
его искать не станутъ, въ чемъ напу-
ра ему бытъ опредѣлила. Сколькобъ
ишо не презиралъ сіи, толь много-
крашно уже повпоряемые слова: но
всегда на томъ оспанется, что напу-
ра не переѣнися и порядокъ ее для
упрямства ихъ не передѣлается.

Такимъ образомъ изъ всего выше-
писаннаго слѣдуетъ само собою то,
что человѣку прежде всего прямое о
благополучіи понятіе получить надо-
бно, а потомъ уже приступать къ
своему путешествію, и оное пріобрѣ-
тать начинать. Разсмотримъ же те-
перь, въ чемъ бы такимъ сіе благо-
получіе состояло.

РАЗСУЖДЕНИЕ II.

*О томъ, въ чемъ бы собственно состояло
благополучіе человѣческое?*

Всякое положеніе бываетъ тѣмъ основательнѣе, чѣмъ больше утвердилось доказательствами и очевидными доводами. Сіи доказательства а особливо, когда они ясны и удобопонятны могутъ насъ скорѣе и лучше увѣрить, нежели тысяча увѣреній въ пустыхъ словахъ состоящихъ. Человѣкъ уже отъ природы шаковъ, что однимъ увѣреніемъ никогда не доволенъ, и прежде не увѣрится совершенно ни въ чемъ, покуда самъ того не узнаетъ, по чему бы именно то такъ, а не иначе было. Чего ради и мы по сему поступимъ теперь слѣдуемъ. Я бы могъ безъ дальнихъ изслѣдованій сказать, въ чемъ наше благополучіе состоитъ, но для помянутой причины того дѣлать не

не

не хочу. Многіе словамъ моимъ не повѣряю какъ бы я ихъ въ томъ ни увѣряю, а особливо когда они не согласны съ ихъ мнѣніемъ будущъ. Я пойду лучше другою дорогою, и вникая нѣсколько глубже въ обстоятельство принадлежащія до благополучія, заспаваю ихъ самихъ то усматриваю, и ту истинну изъ нихъ извлекаю, кошую я утвѣрдию стараюсь. Сами они пускай будущъ толь великой вещи рѣшителями!

Разсмотримъ же теперь какія именно тѣ вещи суть, въ коихъ мы обыкновенно благополучіе полагаемъ, и разберемъ всѣ случающіяся при томъ обстоятельство подробно. Но прежде нежели мы далѣе пойдемъ, надобно напередъ намъ о значеніи слова благополучія согласиться, дабы послѣ отъ разнаго разумѣнія никакого несогласія не произошло. Я разумю подъ симъ словомъ самое то, что просто хощя не правильно Счастливымъ состояніемъ, а отъ ученыхъ верховнѣйшимъ или высочайшимъ Благомъ, или просто Бла-

женствомъ называется. Или ясныѣ ска-
зашъ самую лучшую вещь, кою чело-
вѣкъ въ своей жизни желаетъ, и ко-
торая для него по мнѣнію его дѣй-
ствительно лучше. Мнѣ кажется, что
никто въ томъ спорить не станетъ,
что сія вещь не иное что, какъ благо-
получіе наше; ибо возжелалъ бы че-
ловѣкъ чего инаго, когда бы только
онъ совершенно благополучнымъ былъ,
и благополучіе не цѣль ли всѣхъ на-
шихъ желаній есть?

Слѣдуя сему значенію станемъ же
теперь разсмапривать, какую вещь мы
всего лучше на свѣтѣ почитаемъ? Я
не буду къ мнѣнію однихъ ученыхъ
людей привязываться, но стану вообще
и обо всѣхъ людяхъ говорить. Но ка-
кое удивительное несогласіе увидимъ
мы при семъ случаѣ? Благополучія хо-
тя всѣ до одного желаютъ, но въ
мнѣніи своемъ объ немъ весьма много
другъ о другѣ опшодятъ и не со-
гласны. Ежели мнѣ различныя мнѣнія
однихъ древнихъ ученыхъ и славныхъ
мужей описывать, то конца бы не
на-

нашелъ. Блаженный Августинъ учитель западной церкви упоминаетъ, что въ погдашнія времена больше прехъ сошъ такихъ различныхъ мнѣній о верховнѣйшемъ благѣ было. Крапъ искалъ высочайшаго блага въ счастли-вомъ мореплаваніи; Симонидъ въ дружествѣ; Архипъ въ выигрышѣ бапаліи; Епикуръ въ роскошахъ; Анписеенъ въ славѣ послѣ смерти; Фемиспоктъ въ знапности рода, и въ прочемъ тому подобномъ. Но всѣ сіи ихъ мнѣнія болѣе въ удивленіе насъ привесць, нежели къ сему моему намѣренію служить намъ могутъ. Обращимся лучше къ самимъ себѣ и ко всему человѣческому обществу.

Тутъ мы хопя не споль великое, однако довольное уже несогласіе найдемъ. Одинъ почитаетъ благополучіемъ своимъ то, а другой совсѣмъ иное. Адріанъ на примѣръ ничего бы болѣе не хотѣлъ какъ богатымъ бытъ. Въ великомъ спяжаніи полагаетъ онъ все благополучіе свое и того только желаетъ. Ему кажется, что когда бы

только онъ богатъ былъ, но бы ничего другаго не попотребовалъ, и состояніемъ своимъ доволенъ былъ. Бешулій всего лучше великолѣпной домъ, множество служителей и великія деревни почитаетъ. Вафронъ того бы только хопѣлъ, чтобъ въ богатомъ платьѣ ходить и въ великолѣпномъ экипажѣ ѣздить. Гулозъ напрошивъ того разумѣ ихъ и желаетъ, чтобъ онъ только въ бѣдности не находился и никакой нужды не претерпѣвалъ. Дамонъ счастливымъ бы себя почелъ, когда бы имѣлъ дѣшей и наслѣдниковъ по себѣ. Ерасъ, когда бы никогда и никакой печали не имѣлъ. Ипполитъ, когда бы за всегда здоровъ былъ.

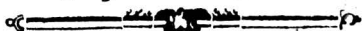
Напрошивъ того Клеонъ имѣетъ героической духъ и желаетъ только въ славѣ находиться. Пріобрѣтеніе славнаго имени, наилучшимъ ему благополучіемъ кажется, и онъ всего паче того и желаетъ. Леодинъ, успрямляетъ все желаніе свое къ тому, чтобъ только въ знашномъ достоинствѣ находиться и многими другими повелѣвать.

Максимъ о томъ только помышляетъ, чтобъ всѣ почитали его. Неолидъ, чтобъ быть въ состояніи непріятелямъ своимъ отмстить: и прочее тому подобное.

На конецъ, Оронтъ покойную и роскошную жизнь только любитъ, и потому единственно то за благополучіе себѣ почитаетъ, чтобъ всегда хорошее кушанье и питье имѣть. Поліевкъ желаетъ только множество друзей и съ ними веселую по своему нраву компанію имѣть. Симилій доволенъ бы былъ, когда бы ни до чего дѣла имѣть онъ не могъ, но всю жизнь свою въ лѣнноти и праздности препроводить могъ. А Трифонъ наконецъ благополучія своего въ любострастїи и въ веселомъ обхожденїи съ женскимъ поломъ ищетъ.

Вопъ какая различность въ мнѣніяхъ и желанїяхъ человѣческихъ, и каждой со мною согласится, что не только сіе, но еще вѣдшее различіе между человѣческими желанїями найдется.

ся. Но отѣ чего бы все сіе происходило? Ученые приводятѣ въ доказательство тому разные Темпераменты или свойства напуры челоѣческой, и по различности оныхѣ имѣ болѣе склонности кѣ однимѣ нежели кѣ другимѣ вещамѣ приписываютѣ. Имѣетѣ ли сіе мнѣніе основаніе свое или нѣтъ, я того разбираетѣ не хочу, да и кѣ намѣренію моему не принадлежитѣ. Мы обратимся опять кѣ благополучію челоѣческому.

При столь различныхѣ мнѣніяхѣ о вещахѣ благополучіе составляющихѣ, необходимо намѣ опять затрудненіе явившя, а именно избраніе изѣ нихѣ, которое бы наиважнѣйшее было? Хотя всѣ ихѣ нѣкоторымѣ образомѣ и можно въ при пункта соединитѣ, а именно въ желаніе богатства, восторыхѣ чести, а наконецѣ роскошной и сластолюбивой жизни; но которое изѣ сихѣ прехѣ благополучіе наше составитѣ: то едва ли опредѣлитѣ возможно. Но чѣтобѣ рѣчь сію не распроспрашивать, положимѣ на примѣръ: чѣтобѣ во
всѣхѣ

всѣхъ сихъ вещахъ совокупно человѣческое благополучіе полагалось, и человѣкъ тогда бы благополученъ былъ, естлибъ и великую честь и богатство, и всѣ удобства къ препровожденію роскошной и веселой жизни имѣлъ.

Но хотя мы разныя желанія людей симъ образомъ и согласили, однако сего еще не довольно. Намъ должно еще разсмотрѣть, твердо ли сіе положеніе, и можетъ ли оно съ прочими нашими обстоятельствомъ согласоваться? И для того спрошу: таково ли сіе благополучіе, чтобъ всякому человѣку его получить возможно было? Можетъ ли всякой человѣкъ или по крайней мѣрѣ большая часть людей до того достигнуть, чтобъ они въ такомъ высочайшемъ градусѣ и честь и богатство и всѣ средства къ роскошной жизни имѣли, чтобъ никакого приумноженія сему своему мнимому благополучію не желали?

Вѣрно могу надѣяться, что всѣ противное тому въ отвѣтъ мнѣ скажутъ.

жущѣ. А когда это быть не можетѣ? Когда всѣмѣ человѣкамѣ до всего вышеупомянушаго достигнуть не возможно; когда не лѣзя имѣ всѣмѣ и знатнымѣ и богатымѣ быть и роскоши въ высочайшемѣ градусѣ наслаждаться; когда сіе, говорю, неспасочное дѣло: что самое сіе неосновательность сего пожеланія намѣ доказываетѣ. Человѣки всѣ имѣютѣ единоравное къ благополучію своему спремленіе. Они всѣ его желаютѣ. Имѣ всѣмѣ и получить его должно! Не слѣдуетѣ ли изѣ сего само собою, что и вещамѣ, въ коихъ благополучію состоятъ такимѣ же быть надлежитѣ, которыя бы всякому человѣку пріобрѣсти возможно было?

Такимѣ образомѣ хотя и впунѣ не принужденѣ прошивное многимѣ сказать; что благополучіе конечно, въ богатствѣ, чести, и роскошахъ не состоитѣ, и состоятъ не можетѣ. Что дѣлать, когда мы напурѣ перемѣнить не можемѣ, и она останется всегда такою, какою однажды устроена! Со-
всѣмѣ

всѣмъ шѣмъ знаю, что многіе симъ доказательствомъ будущъ не довольны и мысли свои конечно не переменятъ. Богатство и честь съ роскошми, всегда высочайшими благими пребудущъ, и не смотря на всѣ представленія и доказательства единымъ средствомъ къ благополучію почишашься будущъ. Что дѣлать, когда мы столь упрямы, что насильно хопимъ черное признавать бѣлымъ, хопя бы насъ собственные наши глаза о прошивномъ увѣряли?

Однако чтобъ не совсѣмъ опечалить богатство и честь обожающихъ: то надобно признашья, что хопя сіи вещи благополучія нашего и не составляющъ однако совсѣмъ ненужными почешья не могутъ. Всякая вещь можетъ въ пользу намъ служишья, когда только правильнымъ образомъ употребишья. Но мое намѣреніе не въ томъ состоишья, чтобъ о томъ теперъ говоришья. Мнѣ надобно продолжашья прежнюю матерію мою.

Когда

Когда симъ образомъ благополучіе не въ богатствѣ, не въ чести и не въ роскошахъ состоитъ: то по крайней мѣрѣ въ чемъ нибудь иномъ ему состоятъ надобно. Разсмотримъ же для того нѣсколько ближе желанія наши и обстоятельствъ, копорыя до нихъ касающся. Можетъ быть найдемъ мы нить, по копорой до клубка добратъся можемъ, или слѣдъ пущь къ благополучію показующей.

Намъ надобно въ первыхъ разсмотримъ, для чего бы именно мы всѣхъ вышеупомянутыхъ вещей желали? Или что бы такое то собственно было, чего мы при полученіи того себѣ ожидаемъ? Я разбирая обстоятельствъ сихъ желаній нахожу, что каковы они съ наружнаго виду сами собою и ни различны, но конецъ или предметъ всѣхъ ихъ едва ли не одинъ; а именно Веселіе. Многимъ покажется сіе не вразумительно; и для того не обходимо мнѣ сіе обяснить надобно. И такъ возьмемъ въ примѣръ человѣка желающаго богатства, и вникнемъ нѣсколько ближе въ обстоятельствъ желаній его.

Адрі-

Адріанъ, желаетъ богатства и почитаетъ въ немъ благополучіе свое. Но не для того ли онъ его желаетъ, что получивъ оное надѣлся въ состояніи бытъ множество желаній своихъ удовольствовать, которыхъ въ немъ есть, и кои удовольствовать онъ не въ состояніи будучи, нѣкоторой родъ внутренняго неудовольствія и досады отъ того терпитъ: а отъ сего исполненія желаній своихъ не веселя ли одного онъ желаетъ, которое тогда получитъ отъ того можетъ? На примѣръ: онъ будучи не богатъ, принужденъ многіе недоспашки претерпѣвать. И домъ у него не таковъ, какого бы на примѣръ онъ себѣ желалъ; и платье хуже людскаго; и слугъ, лошадей и другаго ничего нѣтъ. Онъ видитъ ежедневно какъ другіе знакомцы его живутъ: какъ доспапочнѣе его, какъ все надобное имѣютъ и ни въ чемъ нужды не претерпѣваютъ. Онъ радъ бы имъ всѣмъ сердцемъ своимъ послѣдовать: но доспашокъ не дозволяетъ ему сего. Доходы малы; денегъ нѣтъ; съ нуждою ихъ на необходимое

досажаетъ. Все сіе досаждаеѣ ему и его безпокоиѣ. Онѣ завидуеѣ богатымѣ, называеѣ ихѣ благополучными, а себя несчастнымѣ, жаеѣ быѣ такимѣ же какѣ они и все то имѣѣ, что они имѣюѣ: а все сіе ни чрезѣ что иное получиѣ чаеѣ, какѣ чрезѣ одно тольѣ богатство. Но для чего онѣ всего того сѣ такою неперѣливостию жаеѣ? Не для того ѣ, что чрезѣ то веселѣе жиѣ надѣеѣ? И не одно ли веселіе ожидаеѣ отѣ исполненія множествѣ удовольстворенія пребующихѣ желаній, еѣ концемѣ всѣхѣ помышленій его? Чувствуеѣ при одномѣ воображеніи сего желаннаго богатства увеселеніе его свидѣтельствуетѣ намѣ о справедливости сего заключенія. . . . Посмотриѣ тольѣ какою предварительною радостію наполняеѣ его сердце, когда онѣ воображая тольѣ богатство самѣ сѣ собою на примѣрѣ говориѣ. Ну! когда бы я шакѣ богатѣ былѣ? Ну! когда бы у меня столько - то и столько тысячѣ было? А! Что бы тогда такое было! я бы былѣ благопо-
лу-

лучнѣйшей человѣкъ въ свѣтѣ, и могъ бы шѣмъ веселишься, чѣмъ бы только вздумалъ. Не играешь ли и не прыгаешь ли уже напередъ его сердце отъ радости! А радость сія не свидѣтельствуетъ ли о истиннѣ моего предложенія?

Не для тогожь Дамонъ дѣтей и наслѣдниковъ себѣ имѣшь желаетъ, что ими веселишься надѣешься? Радость при одномъ воображеніи сіяетъ изъ глазъ его, и онъ ничего не получивъ веселился уже помышляя, каковы бы дѣти его были хороши, какъ бы могъ ими повелѣвать, и какое бы увеселеніе при старости они ему дѣлали. Какое же веселіе въ самомъ дѣлѣ имѣшь онъ уповаешь, когда одно напоминаніе такъ много его веселишь? И не сіе ли одно веселіе предметомъ всего безмѣрнаго его желанія есть?

Симъ образомъ разбирая, и при всѣхъ прочихъ случаяхъ то же самое мы найдемъ. Славыль чести, высокаго ли достоинства, роскошной ли жизни,

ни, хорошаго ли дому, или прочаголь
тому подобнаго, кпсбѣ желалъ: но
когда всѣ сіи желанія раздробить, то
въ самомъ своемъ основаніи будутъ они
всѣ одинаковы. Изъ всѣхъ выльется на
конецъ веселье, и веселья одного все
чрезъ полученіе оныхъ вещей ищутъ.

Сіе опкрытіе будетъ дѣйстви-
тельно намъ служить на путь къ благо-
получію выходящимъ. Ибо когда мы
теперь знаемъ, что одно веселіе и ра-
доссть есть та вещь, копорой всѣ лю-
ди генерально желаютъ и ищутъ: то
не трудно уже намъ слѣдуя симъ пу-
темъ и до прямаго благополучія до-
браться и о существѣ онаго правиль-
ное заключеніе сдѣлать. Не доказы-
ваютъ ли вышеобъявленныя обстоя-
тельства, что намъ его не въ веще-
ственныхъ вещахъ, но собственно въ
душевномъ состояніи искать надобно?
Не слѣдуетъ ли изъ нихъ, что не бо-
гацство собственно собою и не честь
съ прочими вещами насъ благополучны-
ми сдѣлать могутъ: но нѣ многія у-
веселенія, копорыя мы при томъ имѣемъ
бу-

будемъ? Ибо возмемъ только въ примѣръ слѣдующее: одному человѣку, давалибъ великія сокровища, но только съ тѣмъ, чтобъ онъ до нихъ не касался, а довольствовалсябъ только тѣмъ, что они его. Станетъ ли сей человѣкъ за благополучіе свое сіи великія сокровища почищать? Мнѣ кажется, что онъ конечно отъ нихъ откажется; ибо довольно знаетъ, что они ему ни малаго увеселенія не принесутъ, когда употребленіе оныхъ не въ его власпи состоятъ. Не очевидное ли сіе доказательство, что онъ благополучіе не собственно въ богатствахъ, но въ сопряженныхъ съ онымъ увеселеніяхъ ищетъ. И не пожели выдетъ на конецъ, что не вещественныя вещи сами собою, какъ то сокровища, дома, дѣти, честь, пища и питье и прочія тому подобныя вещи, а только одно душевное состояніе, какъ то: Веселіе благополучіе человѣческое составляешь.

Но сего еще не довольно. Намъ надобно далѣе симъ пушемъ ишши и прочія обстоятельства разсматри-

вашь. Мы нашли, что благополучіе наше одно веселіе составляетъ, и что богатства, чести и роскошей для того желаемъ, что они множеству увеселеній принести могутъ. Но какъ въ свѣтѣ много есть и богатыхъ и славныхъ и во всѣхъ роскошахъ жизнь свою препровождающихъ, которые чрезъ то многія увеселенія имѣть могутъ: то явился опять вопросъ, для чегожъ бы они себя благополучными быть не почитали? Для чегожъ бы жаловались еще, что они не довольны и что не смотря на то, къ благополучію многого имъ еще не доспаетъ. Я другаго не нахожу, кромѣ того, что конечно веселіе ихъ не смотря на всѣ сіи полученные вещи не совершенно; что конечно при всемъ томъ многія помѣшательства веселіямъ своимъ они имѣютъ, и чрезъ то скуки, досады, прискорбія и неудовольствія чувствуютъ. А сіе въ самомъ дѣлѣ и справедливо, и насъ самое сіе и обманываетъ, когда мы ихъ благополучными почитаемъ. Намъ кажется, что когда они богаты, велики и славны и всѣ преимущества свѣта сего

сего имѣють: то уже могутъ дѣлать все, что хощутъ, и никакого недоспашка въ увеселеніяхъ своихъ имѣть не могутъ: но въ томъ-то мы ужасно и обманываемся. Они при всѣхъ своихъ выгодахъ и не смотря на всѣ мнимыя увеселенія, тысячи всегда имѣють неудовольствій. То одно, то другое всегда ихъ духъ тревожитъ, и безпокойство наводя въ порядкѣ увеселеній ежечасное помѣшательство дѣлаетъ; а чрезъ то уменьшается цѣна увеселеній ихъ и всѣ сладости оныхъ какъ желчью огорчаются. Не самая ли сія причина есть, для которой они благополучія своего чувствовать не могутъ?

Чтожъ слѣдуетъ изъ сего иное, какъ не сіе, что благополучію человѣческому въ такомъ веселіи состоятъ надлежитъ, которое бы всегда непрерывно, твердо и такое было, чтобы никакія помѣшательства ему не мѣшали. Оно дѣйствительно въ томъ и состоитъ и въ томъ всегда полагаемо быть должно. Ибо принять только

въ разсужденіе. Не почтешъ ли всякой за истинное и совершенное себѣ благополучіе, когда бы онѣ всегда веселъ, всегда въ радости и никакой скуки, печали и неудовольствія не имѣлъ и имѣлъ бы не опасался? Можетъ ли что нибудь прелѣстнѣе и драгоценнѣе такого состоянія быть, и недостойноли оно именемъ истиннаго и совершеннаго благополучія называться.

Но гдѣжъ намъ [скажутъ на сіе многіе] такого совершеннаго благополучія искать? Въ какихъ вещахъ можно такое безпрерывное и цѣлое веселіе найтить, которое бы никакого помѣшательства никогда не имѣло? Поистиннѣ [скажутъ они далѣе] сіе невозможное дѣло, и сами теперь мы скажемъ, что не только богатство, честь и роскошъ, но ничто на свѣтѣ намъ сего пріобрѣсти не можетъ. Мы рождены уже такъ, что вся наша жизнь непрерывною цѣпью печалей и досадъ назваться можетъ. Не успѣемъ мы родиться, какъ знакъ чувствуемаго неудовольствія уже слезами и кри-

комъ

комъ своимъ изъясняемъ. А въ продолженіи жизни нашей не каждой ли день мы множество въ скуку, неудовольствіе и печаль насъ приводящихъ вещей и случаевъ надъ собою видимъ. Можно ли когда нибудь отъ того освободиться, и не доказываетъ ли сіе, что такого совершеннаго благополучія никому на свѣтѣ получить не возможно?

Все сіе весьма справедливо, и противъ правды спорить никому не можно. Однако можно мнѣ на то сказать, что я еще и не говорилъ того, чтобъ такое совершенное благополучіе въ нынѣшнюю жизнь на свѣтѣ получить кому возможно было: а утверждалъ только, что истинному благополучію ни въ чемъ, какъ въ такомъ непрерывномъ веселіи состоять должно. А тоже и теперь еще говорю, и мнѣніе сіе защищая на всѣ возраженія оповѣщивать готовъ какія бы ни вздумалъ мнѣ кто дѣлать.

Еслии кто вздумаетъ собственнымъ моимъ оружіемъ меня преоборая

представишь, что сіе съ собственными моими словами согласовашься не можешь, и напоянушь, что я выше сего самъ утверждалъ, что когда всѣ люди имѣють врожденное въ себѣ желаніе къ благополучію, такъ ему такому и быть надобно, чтобъ всѣмъ его получить возможно было: то я на сіе возраженіе, которое по справедливости наивеличайшимъ почесться можешь, слѣдующее отвѣщаю :

Все сіе положенію моему ни мало не мѣшаетъ. Ибо хощя то и правда, что никому въ сей жизни такого благополучія получить не возможно: но можешь ли кто дословно утвердить, что жизнь человѣческая не далѣе сего временнаго свѣта продолжается? Войдетъ ли кто изъ имѣющихъ здравой разсудокъ въ такое дурачество, чтобъ съ окончаніемъ сей жизни, и совершенное окончаніе всего нашего существа полагать. Поистиннѣ сіе самое неразумнѣйшее и всему здравому разуму противное и такое мнѣніе будетъ, которое только спра-
сѣми

стѣми изъ преисполненнаго сердца
происпекашь можетъ. Всѣ прочіе до-
вольно знаютъ, что намъ другая и
гораздо совершеннѣйшая и такая жизнь
предстоитъ, которая конца имѣть не
будетъ. Всѣ мы въ томъ безсомнѣн-
но и наипвердѣйшими доказательства-
ми удостовѣрены. А хотя бы кто и
всему тому не вѣря пропивное тому
заключатъ похотѣлъ: то самое же то,
чѣмъ онъ меня преодолевъ думаетъ,
и самое то врожденное во всѣхъ
стремленіе къ благополучію можетъ
ему доказательствомъ служить: а
именно, когда мы видимъ, что во
всѣхъ людяхъ не выключая ни одного
человѣка, неушущимое желаніе жить
и благополучнымъ быть врождено: а
безпрестанно жить и совершенное бла-
гополучіе получить въ семъ свѣтѣ ни
какъ не можно, и потому сіе желаніе
щещное быть кажется. Богу же
какъ всесовершеннѣйшему существу ни-
чего вшунѣ и напраснаго сдѣлать
ни какъ не возможно: а желанія сіи
ни кѣмъ инымъ, какъ имъ въ насъ
вложены, и потому щещными и не-

исполненными бытъ ни какъ не могутъ: по не само ли собою изъ сего слѣдуетъ, что мы конечно не для одной нынѣшней жизни произведены, но что намъ безсომѣнно другая и такая жизнь назначена, въ которой бы мы все то получить могли, чего въ нынѣшней жизни получить не можемъ. А именно безпрестанно жить и совершеннымъ благополучіемъ наслаждаться. Вотъ короткое доказательство безсмертію души нашей, и при томъ такое, которое опровергнуто бытъ не можетъ.

Такимъ образомъ можемъ мы изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ слѣдующія истинны извлечь и усмотрѣть. Во первыхъ, что истинное благополучіе не отъ богатства, не отъ чести, не отъ роскоши и не отъ прочихъ вещественныхъ вещей собственно зависитъ. . . Во вторыхъ, что оно единственно въ веселіи произходящемъ отъ исполненія нашихъ желаній состоитъ. Въ третьихъ, что сему веселію непрерывному и непоколеби-

любимому быть надобно, ежели ему совершенное благополучіе составлять. Въ четвертыхъ: что такого веселія намъ въ нынѣшней жизни пріобрести ни какъ не можно. А въ пятыхъ: что такое счастливое состояніе человѣкъ только въ будущей жизни получить и онаго надѣяться можетъ.

Знаю что многіе при семъ нѣкоторое неудовольствіе почувствуя скажутъ: по сему-де намъ въ нынѣшнюю жизнь никакого благополучія ожидать и искать не можно. Но симъ въ утѣшеніе слѣдующее служить можетъ.

Всеблагій Создатель созидая насъ для великихъ намѣреній, и между прочими назначивая къ безконечной и блаженнѣйшей жизни, а для особыхъ своихъ судьбъ напередъ на сію кратковременную жизнь насъ опредѣляя, конечно не былъ столь жестокосердъ, чпобъ насъ на одну только бѣдность и всегдашнюю печаль и скуку и несчастную жизнь осудить. Нѣтъ! сіе не согласно былобъ съ его безконечными совершенствами, и намъ сего
коне-

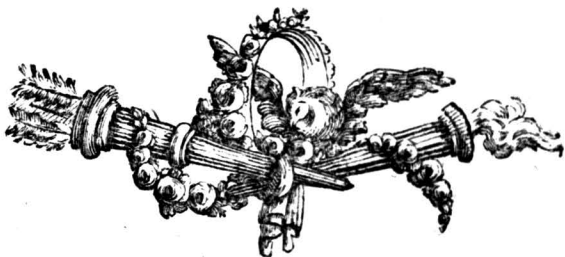

конечно приписать ему никакъ не можно. Правда, хотя такъ уже и сдѣлалось, что мы чрезъ пресупленіе свое, всему тому не минуемо себя подвергли и маловременную сію жизнь, многогореспною и несчастною для себя сдѣлали: однако великій сей производитель на все то не смотря, по человеколюбію своему всѣ средства къ тому употребить не преминулъ, чтобъ все оныя прискорбія, печали и шруды наши, покрайней мѣрѣ сдѣлать намъ сносными, и ихъ нѣкошорымъ образомъ усладить. Чего ради не вся лишены мы всего благополучія, но всеблагій Зиждитель еще далѣе поступя, насъ въ такое состояніе привелъ, что мы до знашней степени благополучія достигнуть можемъ, такъ что хотя мы совершеннаго благополучія получить нынѣ и не можемъ, однако чрезъ употребленіе старанія своего и правильныхъ средствъ, себя уже до того довести можемъ, что онымъ въ высокомъ градусѣ наслаждаться и чрезъ то предвкушеніе будущаго блаженства имѣть можемъ.

Сія да будеѣ шестая и самая па истинна, копорая кѣ перешнему моему намѣренію наиглавнѣше принадлежиѣ и собственно до нынѣшняго благополучія касается, а именно: что хопя вѣ нынѣшнюю жизнь благополучія совершеннаго получиѣ и не лѣзя, однако можно намѣ оное вѣ знашномѣ градусѣ имѣѣ. Или яснѣе сіе предложеніе избражая: хопя намѣ такого веселія надѣяѣся не лѣзя, копорое бы непрерывно и непоколебимо было, однако оное до знашнаго совершенства и до того доведѣ можно, чтобѣ оно большую часть нашего нынѣшняго времени и жизни занимало.

Вошѣ краткое изслѣдованіе вѣ чемѣ состоиѣ существо благополучія нынѣшней жизни! Теперь поидемѣ далѣе и посмотриѣ, великой ли успѣхѣ мы вѣ томѣ и подѣ какимѣ условіемѣ имѣѣ и до сколь великаго градуса мы оное довести можемѣ. Послѣдующее разсужденіе сдѣлаетѣ сему пункту нѣкопорое обѣясненіе.

РАЗСУЖДЕНІЕ III.

О разныхъ степеняхъ благополучія челоѣческаго.

Когда нѣтъ уже никакой возможности, чтобъ челоѣкъ въ нынѣшнюю крашковременную жизнь могъ пріобрѣсть истинное и совершенное себѣ благополучіе; и когда истинна сія довольно доказана и такъ очевидна, что не осмѣется въ томъ никакого сомнѣнія: то не самая ли была бы глупость естѣлибъ кто похотѣлъ себя тѣмъ ласкать и спалъ бы искалъ невозможнаго и такъ сказать усиленно прошивъ рожна прашъ. Но не должно ли по справедливости въ семъ случаѣ довольствоваться тѣмъ учаскомъ онаго, какой намъ снискать можно, и къ пріобрѣшенію котораго по милости челоѣколюбиваго нашего Создателя не лишены мы еще спосо-

способовъ. Когда нѣтъ у насъ столько доспашка, чѣмъ построить себѣ огромной и всѣми спокойнѣе снабженной каменной домъ; то не самая ли неволя великъ довольствоваться уже и деревяннымъ и такимъ какой построить находимся мы въ силахъ. Не лучше ли имѣть по крайней мѣрѣ какой нибудь домъ нежели не имѣть никакого, и жить безъ всякаго покрова, и быть подвержену всѣмъ суровостямъ погодъ, какъ по зною, дождю, вѣтру, снѣгу, морозу, мѣсяцѣмъ и прочему тому подобному. Не ради ли мы въ такомъ случаѣ, не только дому но и бѣднѣйшей хижинѣ или самому шалашу могущему насъ хоть нѣсколько укрыть отъ помянушаго безпокойства? А равно такъ и съ благополучіемъ нашимъ. Сіе сравненіе очень прилично оному. Каменнымъ огромнымъ домомъ можно почесть совершенное благополучіе, а разнаго рода прочее строеніе, разныя возможные степени онаго, суровости же воздуха и погодъ разныя печали и несчастія жизнь нашу огорчающія. Все сіе я для того говорилъ, чѣмъ тѣмъ дока-

доказать, что какъ между оными спроеніями естъ великая разниѣа и одни имѣють гораздо болѣе спокойностей нежели другія, и шалашъ напрімѣръ хоща можеть насъ укрыть отъ дождя, ненастья, и прочихъ суровостей погоды, но не такъ хорошо какъ землянка, а сія не такъ хорошо какъ хижина, а сія не такъ какъ порядочная хоща черная изба, а предъ сею порядочной деревянной домъ несравненное имѣеть уже преимущество: такъ прочно и того благополучія, которое мы здѣсь найшииъ можемъ, можемъ быти разныя степени, изъ которыхъ одна можеть быти совершеннѣе другой, а та прешей и такъ далѣе. Все зависить отъ того какой родъ зданія для укрывавельства отъ непогоды и съ какими предосторожностями мы себѣ сооружимъ пожелаемъ и сколько трудовъ къ тому приложимъ. Похотимъ когда мы, не хоща подняти дальнихъ трудовъ, довольствоваться бѣднымъ шалашомъ, шалашъ мы и имѣть будемъ и съ нимъ тотъ градусъ спокойства какой ему свойственъ,

но въ семъ случаѣ не для чего и пеняшь, что много еще зла и беспокойства мы имѣть будемъ, отъ которыхъ шалашъ укрышь насъ будетъ еще не въ состояніи: умалчивая о томъ, что какъ прочностъ сего рода строенія очень мала и кратковременна, такъ равно и пріобрѣщенной имъ покой подверженъ будетъ скорому и частому уничтоженію и подрыву. Хижина пребудетъ уже мнѣжайшихъ трудовъ для построенія: но за то можетъ и насъ уже болѣе укрышь отъ суровостей погодъ и подолѣ простоять безъ поврежденія. Для построенія порядочной избы пребудется трудовъ еще болѣе: но за то можемъ мы уже въ ней отъ всѣхъ суровостей погодъ надежнѣе укрыться, и недостаткомъ будетъ только томъ, что простое состояніе сего рода строенія не можетъ снабдить насъ всѣми спокойностями, порядочному и совершенному дому свойственными. Съ простою избою много сопряжено еще обстоятельствъ, которыя насъ беспокоить могутъ. Наконецъ порядочной деревянной домъ можетъ

уже наградишь и сей недосынокъ и насъ не только отъ всѣхъ суровостей погодъ защищать, но и внутри себя приобрести намъ всѣ желаемыя спокойства: но за то не гораздо ли больше и трудовъ для построения онаго потребно.

Сіе есть истинное подобіе разнымъ степенямъ благополучія, которое мы въ сей жизни снискивать и приобретать можемъ. Какъ при всѣхъ оныхъ строеніяхъ все зависить отъ мѣры прилагаемыхъ трудовъ, стараній и хорошаго во всемъ распоряженія, а даромъ и безъ трудовъ ничего не достается: такъ и при исканіи благополучія, величина и совершенство онаго будетъ согласоваться съ употребленными къ тому нашими трудами и стараніями; и какъ въ разсужденіи строенія вся прочность, красота и спокойность онаго зависить отъ надлежащаго выбора матеріаловъ, сдѣланія хорошаго фундамента, употребленія при строеніи всѣхъ предосторожностей и наблюденія приличныхъ къ тому пра-

правиль: такъ и прочность и совершенство нашего благополучія зависѣтъ будешъ отъ выбора истинныхъ а не ложныхъ средствъ, отъ положенія напередъ хорошаго фундамента, надлежащаго распоряженія нашихъ дѣлъ и предпріятій и наблюденія приспосовѣнныхъ при томъ правилъ и осторожностей. Наконецъ, какъ всякое деревянное строеніе подвержено можетъ быть со временемъ многимъ несчастнымъ приключеніямъ могущимъ его либо повредить, либо разрушить до основанія: такъ равно и снисканная всякая степень благополучія въ нынѣшней жизни не освобождена отъ такихъ же бѣдствій, могущихъ его очень скоро повредить или разрушить до основанія, и чрезъ то ввергнуть насъ опять въ прежнее беспокойное состояніе. И какъ помянутыя поврежденія строенію отъ двоякихъ причинъ произойти могутъ, то есть, либо отъ собственнаго нашего небреженія и неупотребленія всегда надобныхъ починокъ и осторожностей, либо отъ постороннихъ и совсѣмъ не отвратимыхъ причинъ,

Д 2

чинъ,

чинъ , какъ напрымѣръ , отъ вихрей и пожаровъ : такъ равно и зданіе благополучія нашего отъ двоякихъ причинъ можешъ претерпѣвать бѣдствіе , изъ копорыхъ однимъ мы собственно сами , а другимъ посторонніе и неопшврашимые случаи могушъ бышь причиною.

Теперь былобы съ лишкомъ пространно ; ешълибъ похотѣлъ я далѣе въ сіе сравненіе углубляться и сравнивать всѣ частныя случаи и обстоятельства касающіеся до вещеспвеннаго спроенія , съ таковымижъ частными обстоятельствами душевнаго или невестеспвеннаго зданія нашего благополучія . Довольно когда вообще скажу , что всѣ обстоятельства онаго ни съ чѣмъ лучше сравнены бышь не могушъ , какъ съ обстоятельствами деревяннаго разныхъ родовъ спроенія . И сего довольно уже къ изъясненію того , что всякому о разныхъ спепеняхъ того благополучія заключаешъ должно , копорое намъ въ сей жизни пріобрѣстъ можно.

И такъ не трудно уже будетъ всякому заключить, что степени благополучія не можно быть никакъ одной и одинакой, но необходимо надобно быть имъ разнымъ. Тотъ же примѣръ и сравненіе можетъ намъ сіе наияснѣйшимъ образомъ доказать. Ибо какъ не всѣ на свѣтѣ люди могутъ одинакой доброты зданія себѣ воздвигать, такъ не всѣ и до одинакой степени благополучія себя доводятъ. Какъ многіе ни силъ, ни достатка, ни знанія, ни поспѣшной охоты къ сооруженію себѣ хорошаго и всѣми спокойнѣйшими снабденнаго дому имѣть не могутъ, но одинъ всегда имѣть будетъ многія предъ другими въ томъ выгоды и преимущества: такъ равно многіе и къ пріобрѣщенію знаній степени благополучія не всегда могутъ имѣть всѣ поспѣшныя къ тому знанія, охоту и трудолюбіе. А изъ сего не слѣдуетъ ли само собою, что изъ людей лѣнивые и мало о себѣ радящіе завсегда будутъ жить когда не на дворѣ и безъ всякаго покрова, такъ по крайней мѣрѣ въ малыхъ и негодныхъ хижинахъ, а ра-

чительные и прилѣжные въ хорошихъ и покойныхъ домахъ будутъ покоемъ наслаждаться.

Однако для всего вышеупомяну-
таго не должножъ всякому опчая-
ваясь , и не имѣть надежды со-
оружить себѣ когда нибудь домъ
довольно покойной , или приобрѣсть
довольно уже знаменитую степень
благополучія. Утѣшеніемъ для сихъ
можетъ служить то , что при иска-
ніи благополучія все не отъ дос-
ташка и богатства , какъ при спро-
еніи , но болѣе отъ охоты и стара-
нія зависишь ; слѣдовательно въ слу-
чаѣ худаго успѣха по большой час-
ти всякой самъ себѣ всю вину при-
писывать долженъ. При семъ не веще-
ственномъ спроеніи матеріалы всѣ
уже готовы и не надобно ихъ ни
купить, ни съ трудомъ доставать, ни
издалека привозить ; но мы носимъ
ихъ всѣ съ собою и потребна только
охота къ употребленію оныхъ и зна-
ніе къ выбору лучшихъ и прочнѣйшихъ.
Благій Создатель нашъ , толь мило-
сердѣ

сердѣ былѣ къ роду человѣческому, что не только не опіялъ ни у кого способовъ къ пріобрѣшенію довольно уже знаменитой степени временнаго благополучія, или къ построенію довольно уже покойнаго дому: но преподалъ къ тому всѣ желаемыя средства и далъ полное и ясное наставленіе. И такъ ктожъ тогда виноватъ будетъ, когда не похощимъ мы послѣдовать предписаніямъ сего премудраго Архиспектора, но слѣдуя болѣе глупому своему разуму и развращеннымъ стремленіямъ сердца, будемъ прямо итти на супротивъ, и дома свои не изъ пристойныхъ и твердыхъ матеріаловъ строимъ, а по мнимому своему благоусмотренію употребляемъ къ тому такіе матеріалы, которые всего меньше приличны къ такому строенію, какъ напримѣръ: ледъ, снѣгъ, соломѣ и маленькія палочки. Можно ли изъ всего этого сгородить большой крѣпкой и прочной домъ? И есть ли смѣшнѣе этого, ктобъ хотѣлъ такого рода домъ громосилить себѣ на тонкомъ лѣду или на самой

водѣ? Совсѣмъ шѣмъ естѣли въ тон-
костѣ разобрашъ: то многіе симъ об-
разомъ домъ благополучія своего не
только городяшъ; но досадуяшъ еще и
слышашъ не хотяшъ, естѣли кто суеш-
ностѣ ихъ изобличашъ и лучшія сред-
ства предлагашъ имъ спанешъ.

Но время уже мнѣ сію Аллегорію
оставишъ и говоря яснѣе приступишъ
къ моему намѣренію и изъяснишъ, въ
чемъ бы собственно сіи разныя степе-
ни благополучія состояли, дабы мож-
но было всякому имѣшъ яснѣйшее о
томъ поняшіе.

Мнѣ можно все сіе на трехъ по-
чти словахъ изобразитъ. Ибо какъ по
ислѣдованію нашему истинное и со-
вершенное благополучіе ни въ чемъ
иномъ, какъ въ безпрерывномъ и ша-
комъ веселіи состояшъ, которое бы не
пресѣкаемо было никакими печалями и
неудовольствіями, и до какого намѣ
въ нынѣшнюю жизнь достигнушъ нѣмѣ
возможности: то не слѣдуетъ ли само
собою, что собственныя части благо-
полу-

получія суть веселія, а недостатки или несовершенства и помѣшательства онаго печали и неудовольствія? Слѣдовательно и то благополучіе, которое человѣку въ нынѣшнюю жизнь пріобрѣсть можно, не въ иномъ, какъ въ такой жизни состоять можетъ, въ которой съ одной стороны наслаждался бы онъ koliko можно множайшими веселіями, а съ другой koliko можно болѣе освобожденъ былъ отъ всякихъ неудовольствій, какъ то скукъ, досады, унынія, горести, печали и прочихъ тому подобныхъ непріятныхъ чувствій? А изъ сего не легколи всякому заключить можно, что разныя степени земнаго благополучія единственно въ разномъ количествѣ помянутыхъ веселій и претерпѣваемыхъ неудовольствій состоятъ, и что человѣкъ тѣмъ счастливѣе и благополучнѣе, чѣмъ болѣе онъ въ жизнь свою увеселеній, а меньше печалей и всякаго рода неудовольствій имѣть будетъ; а тѣмъ благополучіе его гораздо меньшей степени будетъ, чѣмъ болѣе напрошивъ того онъ печалей и неудовольствій,

а меньше радостей и веселій имѣть
будешь?

Изъ сего заключенія произтекаютъ
сами собою слѣдующія слѣдствія: пер-
вое, что для вышеупомянушаго об-
стоятельствства степеней благополучія
не иначе можешь быть какъ чрезвы-
чайно много. Второе, что самую вы-
сочайшую степень благополучія, до
какой человѣкъ въ нынѣшнюю жизнь
достигнуть можешь, собственно озна-
чить и изобразить нѣтъ никакого
способа. Третье, что собственныя
средства къ пріобрѣтенію благополу-
чія не въ иномъ чемъ состоятъ мо-
гутъ, какъ въ снискиваніи множай-
шихъ увеселеній и въ отдаленіи отъ
себя сколько можно всѣхъ неудоволь-
ствій, какого бы они почти рода ни
были.

Въ семъ послѣднемъ по справедли-
вости состоитъ все великое искусство
находить благополучіе. Однако не
могу же и того не сказать, что сколь
въ не многихъ словахъ оно замыкается,

СПОЛЪ

споль великую напрошивъ того слова
сіи имѣютъ силу и споль великое
требуется къ тому раченіе, а не менѣ
того и разсмотреніе отъ человѣка.
Ибо надобно знать, что не всѣ извѣ-
стные намъ въ свѣтѣ роды увеселеній
могутъ составлять части сего благо-
получія, но только одни тѣ, ко-
торые къ тому премудрымъ Строище-
демъ нашей напуры назначены и съ
его свяшою волею согласны; а другіе
напрошивъ того производя послѣ мно-
жайшія печали и досады и причиняя
намъ существишельной вредъ, благо-
получію болѣе мѣшаютъ, нежели поспѣ-
шествовашь могутъ: такъ напрошивъ
того и не всѣ неудовольствія въ ны-
нѣшней жизни прямо оному мѣшаютъ,
но есть такія, которыя не только по-
мѣшательства благополучію нашему не
сдѣлаютъ, но будучи основаніемъ и
средствами къ полученію многочислен-
ныхъ увеселеній оному поспѣшество-
вашь могутъ. Однимъ словомъ все
пріумноженіе оныхъ веселій и отда-
леніе неудовольствій не должно вы-
ходить изъ своихъ предѣловъ, но рас-
пола-

полагаемо бытъ такъ , чтобъ чрезъ
исканіе нынѣшняго и несовершеннаго
благополучія , не могли мы послѣ ли-
шившись совершеннаго ожидающаго насъ
въ будущей жизни , но напрошивъ по-
го чтобъ было оно средствомъ къ по-
лученію онаго.

РАЗСУЖДЕНІЕ IV.

Касающееся вообще до средствъ къ достиженію до благополучія.

Всякое дѣло можемъ мы съ лучшимъ и надежнѣйшимъ уснѣхомъ въ дѣйство произвести, когда напередъ шѣ способы съ прилѣжаніемъ и въ самую тонкость разсмотримъ, чрезъ копоры намъ оныя въ дѣйство производить надобно. Послѣдую сему неложному правилу, разсмотримъ же теперь и шѣ средства, чрезъ копорыя намъ благополучіе наше искать слѣдуетъ.

Средства къ пріобрѣшенію нашего благополучія состоятъ вообще въ снисканіи веселія и въ опдаленіи отъ себя печалей и неудовольствій. Намъ надобно умножать свои увеселенія и уменьшать сколько можно неудовольствія,

ствія, буде хошимъ бышь благополучными. Но можно ли намъ разсуждать о томъ, какимъ образомъ намъ сіе наиспособнѣе въ дѣйство производишь, когда напередъ поближе не познакомимся съ сими веселіями и неудовольствіями; не узнаемъ ихъ существа и съ прилѣжаніемъ не разсмотримъ, чѣмъ такое собственно было веселіе и неудовольствіе? Правда не лѣзя того скажемъ, чѣмъ оба сіи слова и всѣ вообще подъ ними разумѣаемыя пріятныя и непріятныя чувствія человѣческія не были каждому по одному званію своему довольно извѣстны. Кто не знаетъ напимѣръ, что такое веселіе, радость, удовольствіе, утѣха, и забава, или печаль, горестъ, скука, досада, неудовольствіе, грустъ, смущеніе, уныніе, беспокойство и прочія тому подобныя разныя званія непріятныхъ нашихъ ощущеній? Но для нашего намѣренія сего знанія не довольно: намъ надобно ближе веселіе и неудовольствіе разсмотримъ и узнаемъ, чѣмъ такое оно собственно было? Отъ чего начинается, приумножается
умень-

уменьшается и уничтожается, дабы чрезъ то могли мы знать, какимъ образомъ наиспособнѣе можно намъ какъ первыя въ себѣ производить и увеличивать, такъ впорыя уменьшать или вся уничтожать стараться.

Въ семъ разобраніи необходимостъ великъ намъ почерпнуть нѣчто изъ Философіи. Но какъ и между Философами не всѣ одинакого о томъ мнѣніи, то послѣдуемъ тѣмъ, которыхъ мнѣніи сходятъ съ правдою и согласны съ самою пракшикою. (*)

Мы

(*) Чтobъ избавить себя отъ всѣхъ кришкѣ: то за необходимое почитаю здѣсь сказать, что я какъ въ семъ случаѣ такъ и во всѣхъ послѣдующихъ и до души и внутреннихъ ея дѣйствѣ и склонностей касающихся разсужденійхъ, послѣдовалъ мнѣніямъ новѣйшихъ Философовъ, которыхъ Система хотя въ свѣтѣ довольно прославилась, но у насъ въ Россіи не уповаю, чтobъ многимъ была извѣстна. И сіе для того, чтobъ въ случаѣ естли кому покажется что сомнительно: то сіе производитъ отъ несогласныхъ мнѣній ихъ Системы съ тою, которой я заблагоразсудилъ слѣдовать; почему и доказательства тому да соблаговолятъ они искать въ той Философіи, а меня освободить отъ нареканія.

Мы начнемъ съ веселія и рассмотримъ напередъ, что такое оно и отъ чего въ насъ дѣлается. Ежели мы хотя малое примѣчаніе на происходящія въ душѣ нашей дѣйствія употребимъ, то скоро увидимъ, что веселіе не отъ чего иного, какъ отъ исполненія какого нибудь нашего желанія дѣлается. Не видимъ ли мы то ежедневно, что когда мы чего нибудь желали и то сдѣлается, тогда мы обрадуемся и сдѣлаемся веселы? Не короткое ли это и не очевидное ли доказательство, что веселію тому одно желаніе предшествовало, которое въ насъ до того времени было и исполненія требовало? Но чтожь бы мы веселіемъ при томъ называли какъ не то состояніе души, въ которомъ она тогда находилась, когда помянутое исполненіе желанія ее происходило? То и подлинно и въ самомъ дѣлѣ такъ и въ томъ не остается ни какого сомнѣнія: ибо хотя и случается часто, что мы бываемъ и тогда веселы, когда никакого желанія повидимому не предшествовало; однако мы въ томъ обманываемся и

заключаемъ только по наружному виду, а въ самомъ дѣлѣ хощя мы и не ощущали никакого желанія, но оно дѣйствительно было. Ибо надобно знать, что не всѣ желанія души намъ извѣстны и не всѣ ихъ мы, такъ сказать, ощущаемъ; но есть много сокровенныхъ, копорыхъ мы никогда почти не ощущаемъ, хощябъ они въ высочайшемъ градусѣ въ насъ дѣйствовали; и такое-то сокровенное желаніе насыщается или удовлетворяется тогда, когда при сдѣлавшемся веселіи мы ни о какомъ предшесшествующемъ желаніи не свѣдомы. Я могъ бы сію истинну доказать многими примѣрами, есплибъ только не завело меня сіе въ великое пространство; чего ради довольно будетъ одного слѣдующаго для объясненія. На примѣрѣ, я нимало не желалъ и не ожидалъ себѣ ни опъ кого подарка, но какъ одному пріятелю моему вздумалось ко мнѣ прислать, то обрадовался я тому и чувствую веселье. Кажется, что при семъ случаѣ никакого моего желанія не предсѣдовало, однако это только такъ кажется, а

Часть I. Е жела-

желаніе дѣйствительно было , а именно пайное и хопя не собственно къ подарку спремящееся , однако шакое, которое мы вообще къ пріумноженію своего добра въ себѣ имѣемъ : а какъ пошѣ подарокъ добро мое пріумножаетъ, то и часть помянушаго общаго желанія насытившись веселіе произвела. А поже и о прочихъ шому подобныхъ случаяхъ разумѣтся.

Равнымъ образомъ и неудовольствія наши со всѣми прочими непріятными чувствіями, кои шакъ много веселію, слѣдовашельно и благополучію нашему мѣшаютъ , ни отъ чего инаго, какъ отъ тѣхъ же въ душѣ нашей находящихся желаній происходятъ. Всѣ сіи ощущенія хопя разными званіями называющіяся , но въ самомъ основаніи своемъ отъ одного и шого же источника происпекаютъ , а именно , отъ раздраженія или неисполненія желаній или отъ шого , когда прошивное онымъ дѣлается. Ибо хопя шо и правда, что печаль отъ неудовольствія, а скука отъ досады нѣкоторымъ образомъ

зомъ опличными бышь кажущся и дѣйствительно различны, но сіе только отъ нѣкоторыхъ особливыхъ съ раздраженіемъ желаній нашихъ сопрягающихся обстоятельствъ и условій происходишь, и различныя сіи чувствованія болѣе разными степенями неудовольствія нежели въ самомъ дѣлѣ опмѣнными и особливыми почестъся могутъ; равно какъ поже самое и въ разсужденіи разности между веселіемъ, радостію и удовольствіемъ примѣчается. Но что обстоятельно и въ подробностъ разбирать было бы съ лишкомъ пространно и принадлежишь болѣе къ Философіи, нежели къ шеперешнему намѣренію. Здѣсь же надобно при однихъ начальныхъ и общихъ причинахъ веселія и неудовольствія останавливаться.

Такимъ образомъ утверждаю я, что всѣ сіи разными званіями изображаемыя душевныя состоянія, какъ то печаль, горестъ, скука, досада, неудовольствіе, грусть, смущеніе, уныніе, безпокойство и прочее тому подобное, единственно отъ раздраженія

нашихъ желаній происходятъ. А сіе и доказать безъ всякаго труда можно, и для удословненія въ томъ весьма малое примѣчаніе пошребно; ибо возьмемъ только нѣсколько примѣровъ въ разсужденіе; на примѣръ Трифонъ теперь въ превеликомъ неудовольствіи и печали находится, ибо онъ получилъ письмо, копорымъ его увѣдомляють, что онъ того чина получить не можетъ, котораго просилъ, добивался и надѣялся онъ. Разсмотримъ же опъ чего въ немъ неудовольствіе и печаль произошла? Ежели послѣдовавъ обыкновенному нашему мнѣнію, то кажется, что сіе неполученіе чина его беспокоитъ, увѣдомляющее же въ томъ письмо его въ печаль ввергнуло и въ немъ неудовольствіе произвело. Но можетъ ли письмо какъ само по себѣ бездушная вещь или по крайней мѣрѣ сіе увѣдомленіе, копорое шакое же ничтожное обстоятельство, какое нибудь дѣйствіе а особливо въ душѣ произвешъ, когда оно само опъ другой причины зависитъ и къ произведенію дѣйствія способности не имѣетъ. Нѣтъ!

сіе

сіе такъ только намъ кажется, а ежели ближе сіе общояшельство разсмотримъ и вникнуть въ самую душу человѣческую, въ которой сіе неудовольствіе произошло: то найдется совсѣмъ тому иная причина. Въ Трифонѣ превеликое желаніе было оной чинъ получишь, и онъ его какъ своего величайшаго благополучія ожидалъ и надѣялся, а сему желанію прошивное произошло и оно не удовольствовалося, а ошъ того самого и произошла въ душѣ его та перемѣна и состояніе, которое у насъ подъ именемъ неудовольствія и печали извѣстно.

Въ справедливости сего думаю каждой согласишься; ибо въ томъ никто не усомнился, что въ Трифонѣ напримѣръ такого желанія не было. Онъ и самъ о томъ вѣдалъ. Однако случаются иногда такіе же случаи, о какихъ я выше говоря о веселіи упоминалъ, а именно, что мы иногда будучи въ скукѣ, въ досадѣ, печали и неудовольствіи ни о какомъ желаніи не свѣдомы, которое бы при томъ не

исполнялось. На примѣрѣ Іуспинѣ печалился и горюешъ, что его жена больна. Клеонѣ въ превеликую досаду приведенъ, что его сосѣдѣ обидѣлъ и землю его огнялъ. Хрисанфу скучно жить въ деревнѣ и въ уединеніи и прочее тому подобное. Но ежели разсмотримъ, то тоже самое выдеиъ, а именно, что въ Іуспинѣ было всегда желаніе, чтобъ жена его была здорова; въ Клеонѣ, чтобъ все имѣніе его было въ цѣлости; въ Хрисанфѣ быиъ всегда между людьми и въ компаніяхъ, а всѣмъ симъ желаніямъ ихъ прошивное дѣлается и они отъ того неудовольствіе чувствуютъ. Однимъ словомъ какія бы сомнительныя обстоятельства въ разужденіи обоихъ сихъ пунктовъ ни случились: но вообще можно утвердиъ, что всѣ роды веселія и неудовольствія единственно отъ исполненія или отъ неисполненія желаній нашихъ происходятъ.

Чтобъ лучше можно было намъ понять какимъ образомъ сіе происходитъ: то представимъ все сіе себѣ

въ какомъ нибудь вещественномъ подобіи. Многочисленные и разныя въ душѣ нашей желанія, по разнымъ ихъ дѣйствіямъ, свойствамъ и примѣчаемымъ обшояшельствамъ, можно уподобить многимъ разнымъ вещамъ. Я разсуждая, кощорое бы сравненіе къ шеперешнему случаю было приличнѣе, нахожу слѣдующее. Желанія въ семъ случаѣ можно намъ сравнить съ нѣкакими живыми и всегда голодными звѣрками въ душѣ нашей находящимися и временемъ на цѣпяхъ прикованными, а временемъ съ цѣпей спускаемыхъ и по волѣ ходящихъ. Сіи звѣрки имѣлибъ такое свойство, что могутъ спать и просыпаться и во время сна лежать смирно и спокойно, а когда проснутся или разбужены чѣмъ будутъ: то голодъ ихъ начинается дѣйствовать, и чѣмъ чаще они будутъ разбужаемы, тѣмъ болѣе умножается ихъ алчность во время сего голоду по мѣрѣ онаго, превожаясь они минушно, мечутся на цѣпяхъ, рвутся и спараются ихъ прервать и получить волю. Удастся имъ сіе, то дѣлаются они необузданными,

начинають бѣгать, всюду совашься, и во всей душѣ производишь многія замѣшательства. Когда же въ обоихъ сихъ случаяхъ увидяшь они кусокъ пищи: по того часа обрадуются, начинаютъ заблаговременно махашь хвостомъ и ласпашься; когда же получаешь по и болѣе того радуются, прыгаютъ, играютъ и веселятся; поелику великъ или не великъ былъ ихъ голодъ. Когда же напрошивъ того вмѣсто удовольствованія ихъ пищею кто или что нибудь сщанетъ ихъ дразнить, намѣряясь ихъ бить: по приходяшь они въ злобу, ярость и бѣшенство, рычатъ, ревутъ, мечутся и свирѣпствуютъ, и сіе до тѣхъ поръ продолжается, покуда они мало по малу опять усмирѣють и въ прежнее состояніе возвращаются или опять заснутъ или усыплены будутъ. Когда же случится такъ, что вмѣсто кормленія и дразненія они по шерсти глажены и приласкиваемы и уговариваемы будутъ: по въ такомъ случаѣ хотя они и не гораздо радуются, однако и не бѣсясь, но стояшь смирно, или еще маханіемъ

ніемъ хвоста нѣкопороу знакъ удовольствія оказывающъ.

Какія переменны отъ всего того въ челоѣкъ производящъ, не трудно шеперь будещъ всякому усмотрѣть, а именно, когда какой звѣрокъ или желаніе спитъ и лежитъ смирно: тогда челоѣкъ о насыщеніи или исполненіи онаго и не помышляетъ. Какъ скоро проснется, то челоѣкъ не только уже о той вещи думаетъ и помышляетъ, но спарается исполнишь и получишь желаемое, то естъ удовольствоватъ звѣрка мечущагося и желающаго пищи. Когда же онъ увидитъ вблизи исполненіе желанія своего, или когда начинаетъ оно уже исполняться, тогда не получивъ, радуется и веселится напередъ, такъ какъ звѣрокъ машетъ хвостомъ и ласкился. Когдаже исполнится желаніе или звѣрокъ получишь пищу, то челоѣкъ чувствуетъ веселіе, и чѣмъ болѣе было желаніе или звѣрокъ голоднѣе, тѣмъ болѣе и челоѣкъ радуется и веселится. Далѣе, какъ въ звѣркѣ радость сія не долго

продлился, но скоро минуется; такъ
 тоже и съ человѣкомъ бываетъ. На-
 прошивъ того біеніе и раздраженіе
 звѣрка можно уподобить пропивнымъ
 желаніямъ нашимъ произшествіямъ, а
 яросль, злобу и бѣшенства звѣрка съ
 нашими печадями, досадами и недо-
 вольствіями. Слѣдовательно чѣмъ бо-
 лѣе звѣрокъ раздраженъ будетъ, тѣмъ
 и досада и печаль наша намъ чувствви-
 тельнѣе. Наконецъ претѣе состояніе
 то, когда желаніе наше не исполняет-
 ся, однако и пропивное ему не проис-
 ходитъ, а человѣкъ льстився надеж-
 дою, что оно нѣкогда исполнится. Сіе
 можно уподобить сѣглаженіемъ и при-
 ласкиваніемъ звѣря, чрезъ что желаніе
 или звѣрокъ усмиряется и дѣлается
 крошкимъ, а мы не ощущаемъ тогда ни
 радости, ни печали, а спокойны духомъ.
 Чшождъ касается до извѣстныхъ и не
 извѣстныхъ нашихъ желаній, то мож-
 но уподобить первыя такимъ напри-
 мѣръ звѣркамъ, копорыебъ жили нару-
 жи и были видимы, а вторыя та-
 кимъ, копорыебъ держались въ конурахъ
 и были не видимы и цошому о пребыва-
 ніи

ніи вѣ насѣ первыхъ мы имѣемъ , а о
вторыхъ не имѣемъ свѣденія , а чув-
ствуемъ только слѣдствія насыщенія
или раздраженія оныхъ. Вотъ аллего-
рическое уподобленіе могущее о произ-
шествіяхъ вѣ душѣ нашей подать намъ
довольно уже ясное понятіе.

Изслѣдовавъ симъ образомъ отъ
чего веселіе и неудовольствіе вѣ чело-
вѣкѣ дѣлается , не трудно уже намъ
будетъ и по усмотрѣнью , чрезъ что
веселіямъ нашимъ поспѣшествуемо быть
можетъ и они вновь производимы и
приумножены , а неудовольствія умень-
шаемы быть . Ибо когда всякое весе-
ліе отъ исполненія какого нибудь яв-
наго или сокровеннаго желанія вѣ насѣ
происходитъ : то не слѣдуетъ ли само
собою , что чѣмъ болѣе и чаще наши
желанія насыщаются или помянутые
выше сего звѣрки кормлены будутъ ,
тѣмъ больше и чаще имѣть мы будемъ
веселіе и радость ? Напрошивъ того ,
чѣмъ рѣже нашимъ желаніямъ случаться
будетъ помѣшательства или звѣрки
раздраживаны , тѣмъ меньше и рѣже
имѣть

имѣть мы будемъ печалей, досадъ и неудовольствій? А изъ всего того не пошли слѣдствіе произойдетъ, что и благополучіе наше чрезъ то будетъ болѣе?

Знаю, что теперь многіе меня останавливаютъ и сдѣлаютъ слѣдующее и по мнѣнію ихъ весьма важное возраженіе. Пускай все сіе такъ! Скажутъ они мнѣ: пускай благополучіе состоятъ будетъ во многихъ и частыхъ веселіяхъ и въ малыхъ и рѣдкихъ неудовольствіяхъ, и пускай первыя отъ насыщенія, а вторыя отъ раздраженія желаній нашихъ происходятъ; но скажи пожалуй: въ нашей ли воли то состоятъ, чтобъ желанія наши всегда исполнялись и въ силахъ ли мы не допустили до того, чтобъ имъ никогда или очень рѣдко препятствія и оскорбленія случались? Не доказываетъ ли противное тому ежедневное искусство? Не видимъ ли мы всякой день тысячи примѣровъ, доказывающихъ намъ, что человѣкъ далеко не въ состояніи желанія свои исполняться настолько заставлятъ, равно какъ силою свою

своею отвратишь, чшобъ имъ никакого прошивнаго дѣисвія не происходило. Коль многія и безчисленныя имѣемъ мы въ жизнь нашу желанія и коль малая часть изъ оныхъ совершается: напрошивъ того коль великія пшмы оныхъ остаются не только безъ исполненія, но прешерпѣвають и прошиводѣисвіе, а все то отвратишь въ нашей ли возможности и власпи состоишь? Не опъ посшороннихъ ли и такихъ вещей и обшоятельствъ сіе исполненіе оныхъ зависишь, кошорыхъ распоряженіе опнюдъ не въ нашей власпи состоишь. Не всякой ли день припуждены мы прошивъ воли и хопѣнія своего видѣшь, что желаніямъ нашимъ прошивное дѣлается, а совсѣмъ пѣмъ отвратишь того не въ состояніи? А при такихъ обшоятельствахъ какимъ же образомъ намъ веселія свои приумножать, а уменьшать печали и неудовольствія?

Признаюсь, что возраженіе сіе справедливо и съ наружнаго вида составляешъ великую важность. Однако дозволю
шежъ

шежъ и мнѣ сказать прошивъ его нѣ-
 сколько словъ. Я еще не все выгово-
 рилъ и можетъ быть найдущся вещи,
 могущія доказать, что извѣстное мнѣ
 сіе возраженіе далеко не составляетъ
 такой важности, какую имѣтъ оно
 съ перваго вида кажется. Правда,
 не могу въ томъ спорить, что не въ
 нашей власи состоятъ распоряженіе
 постороннихъ вещей и обстоятельствъ,
 отъ которыхъ исполненіе или неис-
 полненіе нашихъ желаній зависишь.
 Извѣстное то и не оспоримое дѣло;
 однако дозволюшежъ и мнѣ спросить:
 о всѣхъ ли желаніяхъ нашихъ можно
 то генерально утвердить и нѣтъ ли
 напрошивъ того или не могушь ли мно-
 гія и такія быть, которыхъ исполне-
 ніе отчасти въ совершенной нашей
 власи состоятъ, отчасти отъ та-
 кихъ постороннихъ вещей зависишь,
 которыхъ распоряженіе состоятъ въ
 нашей волѣ, и къ тому либо не мно-
 гіе труды и старанія, либо одно толь-
 ко наше хотѣніе потребно? А равно-
 мѣрно не бывающъ ли многія и недо-
 вольствія, печали и досады, которыхъ
 уни-

уничтоженіе или по крайней мѣрѣ уменьшеніе зависить собственно отъ насъ и отъ хотѣнія нашего? Кому не извѣстно, что одарены мы къ тому попребною силою и не лишены способъ могущихъ облегчать сіи непріятныя чувствованія? Знаю, что многіе не будутъ знать, что мнѣ на сіи вопросы отвѣтствовать; но напрошивъ того тѣ, копорымъ дѣйствія души нашей и касающіяся до нихъ обстоятельство короче знакомы безпрекословно въ томъ со мною согласяшся.

Когда же сіе справедливо, что желанія въ насъ не одинакаго состоянія, но обстоятельство касающіяся до нихъ подвержены великой многоразличности: то не выслушавъ всего предложенія моего прежде времени и обвиняя меня ничѣмъ не можно. Я еще того никогда и не говорилъ, чтобъ всѣ наши желанія могли удовольствованы и насыщены быть; и того не требовалъ, чтобъ всѣ неудовольствія нами отвращаемы были: но знаю и утверждаю самъ, что какъ многія желанія

ланія, на всѣ старанія наши не смотря, останутся безъ исполненія, такъ и многія неудовольствія не опвращимы; а по тому и ушверждалъ, что благополучіе наше не можетъ быть совершенно. Однако сіе не приносилъ съ собою того слѣдствія, чтобъ и всѣ желанія не могли нами насыщаемы, а не удовольствія опвращаемы быть. Въ семъ случаѣ щещно бы они премудрымъ Создателемъ въ насъ и врожжены были, но чего ушвердитъ все благоразуміе запрещаетъ; но напрошивъ того надобно знать, что какъ въ прочихъ вещахъ, такъ и въ семъ случаѣ непоспимая премудрость нашего Создателя удивленія достойна.

Сей великой натуры нашей Спрошитель не вложилъ съ начала въ насъ ни одного такого желанія, которое бы не могло исполнено и насыщено быть: но съ тѣмъ только различіемъ что не всѣ они въ нынѣшнюю жизнь исполненія ожидать могутъ, но по большей части исполненіе предоспавлено будущей жизни. Но сего было еще не до-
воль-

вольно. Самыя шѣ, кошорыя исполнены бышѣ могутѣ, сдѣланы разнаго и шакого сосшоянія, дабы исполненіе нѣ-кошорыхѣ зависило отѣ самихѣ насѣ и былобѣ не сѣ великимѣ шрудомѣ сопряжено, а другихѣ отѣ постстороннихѣ вещей и сопряжено сѣ множайшими шрудностями. Намѣренія великаго Создашеля пришомѣ клонились къ тому, чшобѣ мы дѣлали сами между сими желаніями разбирашетьсво и не давалибѣ волю имѣ по своему хощѣнію вѣ насѣ дѣйствовашѣ и нами обладашѣ; но чшобѣ владѣли мы оными и производя вѣ себѣ болѣе шакія, кошорыя легко исполнены бышѣ могутѣ, могли во всегдашнее время производитѣ вѣ себѣ веселія и радости. Отѣ шакихѣ же, кошорыхѣ исполненіе не шаково легко, но шрудное и зависящее отѣ постстороннихѣ и не вѣ нашей власпи состоящихѣ вещей и обшояшельствѣ, колико можно ошерегались, ихѣ угнѣшали и не допускалибѣ имѣ дѣйствовашѣ и чрезѣ шо не допускалибѣ себя сколько можно до неудовольствій, печалей и досадѣ, а чрезѣ все шо былибѣ соб-

Часть I. Ж ствен-

ственного своего благополучія соорудителями и поспѣшествователями.

Вопѣ каково было намѣреніе великаго Создателя. И онѣ ли уже виноватѣ тому, что мы сему предписанію, имѣя совершенную волю, не слѣдуемѣ; но полюбивѣ болѣе съ труднымѣ исполненіемѣ сопряженныя желанія, ихѣ однихѣ въ себѣ возбуждаемѣ, ихѣ однихѣ въ себѣ питаемѣ, имѣ однимѣ дали совершенную волю собою обладать и ихѣ однихѣ насыщать стараемся, позабывѣ, что сіе опѣ постороннихѣ и не въ нашей власти состоящихѣ причинѣ вещей и обстоятельствѣ зависитѣ? Чему жѣ теперѣ дивитѣся, что рѣдко они насыщаются; что большая часть оныхѣ, на всѣ наши старанія не смотря, остаются безѣ исполненія и мы ярезѣ по всю нашу жизнь въ безчисленныхѣ заботахѣ, печаляхѣ, досадахѣ и неудовольствіяхѣ провождаемѣ? Не довольно ли уже сего будемѣ въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ возраженіе? Не означалась ли теперѣ истинная всѣмѣ неисполненіемѣ желаній

ній нашихъ причина, и не правду ли я говорилъ, что помянутое возраженіе не такой еще великой важности, каково оно намъ съ перваго вида представляется.

Но какъ же намъ при такихъ обстоятельстве́хъ бытъ и чтожъ намъ дѣлать, спросяшъ меня можешъ бытъ шеперь нѣкоторыя? То, ошвѣщсвую, что буде хопимъ благополучными бытъ: то надобно намъ всѣ желанія свои поприбравъ хорошенько себѣ въ руки, обуздавъ тѣ, копорыя сѣлишкомъ увеличились и получили надъ нами могущество и волю, привесъ ихъ себѣ въ послушаніе, дѣлать между всѣми желаніями разбирашество, не допускашъ усиливашь и дѣйствовать имъ безъ разбору, но возбуждашъ въ себѣ болѣе такія, копорыя легко удовольствованы бытъ могушъ, и при исполненіи копорыхъ не бываешъ дальнихъ препяшствъ и затрудненій: тѣже, копорыхъ исполненіе либо прошивно воли нашего Создателя, либо со многими препяшствіями сопряжено, колико можно усмиряшъ.

и угнѣшашъ, или по крайней мѣрѣ въ такое состояніе приводишъ, чшобѣ они насѣ не беспокоили, но мы опѣ пребыванія ихѣ въ себѣ ни радости, ни веселья, однако на прошивѣ шого ни печали, ни неудовольствія не имѣли; но онибѣ были спокойны; которое посредственное и при исканіи благополучія весьма доспомятное состояніе происходишѣ опѣ шого, когда одному какому нибудь желанію не дѣлается исполненія, однако и прямо прошивнаго ему дѣйствія не совершается, шо естѣ, оно не раздражается, но напрошивѣ шого надежда естѣ, что оно нѣкогда исполнишся и мы въ шомѣ не имѣемѣ сомнѣнія: опѣ чего желаніе наше шогда уже насѣ не тревожишѣ и не беспокоишѣ, но мы въ разсужденіи его находимся шогда въ такомѣ состояніи, которое подѣ именемѣ спокойства извѣстно. Наконецѣ, чшобѣ во всѣхѣ неожиданныхѣ и незапно насѣ постигающихѣ прошивныхѣ случаяхѣ, прискорбносныхѣ и неудовольствіяхѣ не давали волю имѣ усиливашся, но всѣ силы свои прилагали къ усмиренію начальной шому причины и чрезѣ

чрезъ то къ облегченію оныхъ. Вотъ все то вообще, что намъ дѣлать надобно и вотъ въ чемъ состоитъ все искусство находить себѣ благополучіе.

Да скажутъ мнѣ можетъ быть нѣкоторые. Это мы всѣ слышимъ и все сіе былобъ хорошо, да то бѣда, что по пословицѣ говоря, всякой разъ въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Всякой ли въ состояніи такой разборъ между желаніями дѣлать и ими по произволенію своему дѣйствовать? Въ силахъ ли мы все то въ дѣйство производить, что вы говорили?

Конечно въ силахъ. Отвѣшствую на сіе и сомнѣнія въ томъ конечно быть не можетъ. Не многія слова могутъ намъ сію истинну доказать. Когдабъ не было возможности намъ сіе въ дѣйство производить и мыбъ къ тому потребной силы не имѣли, то не для чего бы и Создателю нашему сдѣлать такой распорядокъ, о какомъ я выше говорилъ. На что бы дѣлать часы, когда не снабдить ихъ пружиною,

Ж 3

чрезъ

чрезъ кошорую моглибъ они имѣть свое дѣйствіе? Не должноль бы тогда по же было о Богѣ заключить, какъ о часовомъ мастерѣ, то есть, что онъ тщетно и бесполезное дѣло сдѣлалъ и напрасно шрудился. Но можно ли сіе учинить, не учинивъ великаго предъ нимъ беззаконія? Нѣтъ! любезные чипашели! Великой Создатель Нашъ не шаковъ. Онъ ничего напраснаго не дѣлалъ, а по сему Святѣйшему правилу поступилъ Онъ и въ семъ случаѣ. Сдѣлавъ распоряженіе, какъ чему бытъ и происходить, не преминулъ снабдить насъ и всѣми потребными къ произведенію того въ дѣйство силами, а именно: для разсмашириванія и узнаванія всего одарилъ насъ разумомъ, а для возбужденія и укрощенія желаній нашихъ и для обладанія оными снабдилъ насъ драгоцѣнною свободою, или произволомъ, какъ шакою души нашей силою, кошорая какъ и разумъ насъ надъ скошами и другими живошными далеко превозноситъ. Однимъ словомъ, онъ ничего не упустилъ, чтобъ сдѣлать насъ къ тому способными; и уже

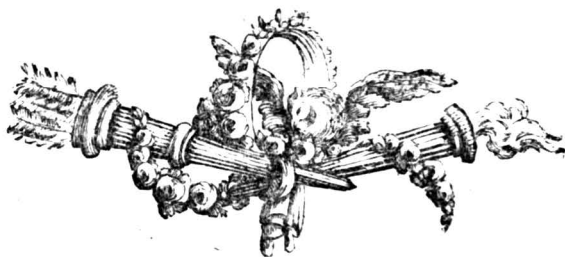

уже не онѣ виноваты, что мы не хотимъ сами преимуществами сими пользоваться и сіи драгоценныя силы, сіи другія преимущества не къ тому употреблять, къ чему они назначены.

Теперь не знаю уже я, чтобъ могъ мнѣ кто возразить что важное. Ибо есѣлибъ кто вздумалъ сказать, что не всѣмъ намъ все сіе довольно извѣстно, и что очень мало такихъ, которые о желаніяхъ нашихъ и касающихся до нихъ обстоятельствахъ не имѣютъ ни малѣйшаго свѣденія: то на сіе коротко скажу, ктожъ намъ не великъ о томъ стараться? Ктожъ запрещаешь входить въ себя и нѣсколько ближе самихъ себя узнать стараться. Не употребляемъ ли мы не описанные труды и не препровождаемъ ли цѣлой вѣкъ въ узнаваніи постороннихъ и по большей части такихъ вещей, безъ знанія которыхъ мы всегдабъ пребыть могли? Но что нужнее того, какъ самихъ себя знать? Какая вещь ближе къ намъ и драгоценнѣе самихъ себя? И не ужъ ли во всю нашу

жизнь не можно найшишь свободного времени, которое бы на узнаніе себя мы упошребишь могли. Я умалчиваю уже о томъ, что сему всѣмъ прочимъ знаніямъ предшесивовашъ бы надлежало? И такъ не бѣдная ли сія и не самая ли пусная ошговорка будешъ? А не многимъ чѣмъ лучше могушъ быть и другія, какія въ возраженіе прошивъ сего пункта предложены бышь могушъ.

РАЗСУЖДЕНИЕ V.

О существѣ и спойствахъ желаній человѣческихъ вообще.

Когда благополучіе человѣческое состоитъ въ множайшемъ количествѣ веселій, а въ меньшемъ числѣ неудовольствій и печалей; и когда веселіямъ и неудовольствіямъ начальною причиною суть наши желанія, которыхъ отъ насыщенія первыя, а отъ раздраженія вторыя происходятъ; и пошому при исканіи благополучія своего все зависитъ отъ того, чшобъ мы старались о исполненіи нашихъ желаній, а не допускали до того, чшобъ имъ прошивное дѣлалось; желаніяже наши не всѣ равно легко и удобно удовольствованы бышъ могутъ, и пошому намъ между

ими разборъ дѣлать надобно, и какъ съ одной стороны стараться. должно такія угнѣшать и усмирять, копорыхъ насыщеніе со многими препяпстввіями сопряжено, шакъ напрошивъ того шакія въ себѣ возбуждать и питаать надобно, копорыя легко удовольствованы бытъ могутъ: шо изъ всего сего не слѣдуетъ ли само собою, что буде хошимъ при исканіи благополучія своего желаемой успѣхъ имѣть, шо необходимо и прежде всего надобно намъ поближе съ желаніями нашими познакомиться, и узнать всѣ шѣ изъ касающихся до нихъ обшоятельствъ, о копорыхъ знаніе къ сему великому намѣренію пошребно. Ибо натурально можемъ ли мы прямо приступить къ дѣлу, когда не будемъ знать не только шо, какія бы собственно изъ безчисленнаго множества нашихъ желаній были шѣ, копорыя легко и удобно и копорыя съ шрудомъ и неудобно могутъ насыщаемы бытъ: но и о томъ не будемъ имѣть свѣденія, какого существа наши желанія, какія имѣють свойства и чѣмъ собственно можемъ

мы ихъ возбуждашь и увеличивать или обратно угнѣшаешь и уменьшаешь.

Великая и необходимая надобность сего знанія причиною тому, что я для лучшаго усмотренія не за излишнее почелъ изъяснить сіе примѣромъ. Іоаннъ имѣлъ бы, на примѣръ, великое желаніе получить себѣ одно добыточное мѣсто. Онъ добивается уже нѣсколько лѣтъ сего чина; не жалѣетъ ни трудовъ, ни хлопотъ, ни убытковъ и употребляетъ все, что только можно. Но всегда мѣшаетъ ему либо то, либо другое и всегда встрѣчающіяся неожиданныя и неоправдываемыя почти препятствія. Бѣднякъ измучился и весь испрожилъ, но и ничего не получаетъ. Сіе приводитъ его въ превеликое огорченіе. Онъ досаждаетъ самъ на себя, на правительство, на властей, на соперниковъ и на все въ свѣтѣ. Денно и ночью шужитъ и горюетъ о потерянныхъ напрасныхъ трудахъ и прожитыхъ всеу многихъ деньгахъ и приходитъ почти въ отчаяніе. Что ему въ такомъ случаѣ дѣлать?

По

По силѣ вышеписаннаго правила слѣдуетъ ему стараться сіе желаніе чина какъ такое, которое не легко удовлетворено быти можеть, но великія препяшствія имѣеть, уменьшитъ, или по крайней мѣрѣ успокоитъ стараться. Но бѣдной не знаетъ какъ за то и приняться. Онъ радъ бы самъ о семъ чинѣ позабыть, но не можеть. Всякой день воспоминается онъ ему вновь, возбуждаетъ въ немъ къ себѣ желаніе и досаду, что бездѣльники, или иныя какія обстоятельства ему въ томъ помѣшательство дѣлають, а по сему не слѣдуетъ ли ему прежде узнать, чѣмъ и какимъ образомъ можно ему желаніе свое уменьшить и въ такіе предѣлы привести, чтобъ оно его болѣе не беспокоило? Хрисандръ жалуется, что вся жизнь его не иное что есть, какъ сущее сплешеніе горестей, досадъ, заботъ, печалей и неудовольствій, и что онъ не помнитъ, когда бы былъ веселъ и имѣлъ бы какую нибудь радость и удовольствіе. Изъ вышеписаннаго заключилъ бы онъ, что конечно въ немъ дѣйствуютъ болѣе такія жела-

желанія, копорымъ бытъ не надобно и кои благополучію его мѣшаютъ; и что надобно ему такія возбуждать въ себѣ старанія, копорыя бы благополучію его поспѣшествовали, а прежнія сокращать и уменьшать: но Хрисандръ не знаетъ объ нихъ ничего, и не только какъ сіе въ дѣйство наиудобнѣе производитъ, но и того никогда не слыхивалъ, какія бы то именно желанія были. Не крайняя ли же ему надобность имѣть о томъ доспашочное свѣденіе и можетъ ли онъ безъ того предпріять, что надобно?

Для сихъ причинъ, не бесполезное бы дѣло было, естлибъ въ пользу всѣхъ желающихъ искалъ себѣ истиннаго благополучія, разобрать въ тонкость все, что до желаній нашихъ вообще и до разныхъ ихъ свойствъ, дѣйствій и другихъ обстоятельствъ въ особливости касается. Но я долженъ признаться, что сколь сіе дѣло съ одной стороны полезно, столь съ другой трудно и съ шеперешнимъ моимъ намѣреніемъ не согласно. Впер-
выхъ

выхъ для того, что матерія сія такъ проспранна, что въ границы сочиненія сего далеко вмѣщена бытъ не можешъ: вовпорыхъ, будучи самою философическою, такъ тонка и глубокомысленна, что многимъ, а особливо не учившимся высокимъ наукамъ, совсѣмъ почти будетъ не понятна, и пошому на нихъ только скуку нагнашь, а пользы принесъ никакой не въ состояніи будетъ. По копорой причинѣ и не опваживаюсь я приступишь къ сему дѣлу, но предоспаваю желающимъ все то въ подробноси знашь, освѣдомляться о шомъ въ извѣстной подѣ именемъ Телемашологіи новой и полезнѣйшей философической наукѣ. Самъ же по мѣрѣ силъ своихъ постараюсь въ пользу любезныхъ моихъ читашелей сообщишь имъ хошя не полное, но шакое всему шому изображеніе, которое бы для нихъ было удобопонятно и по нуждѣ моглобъ уже доспашочно бытъ для поданія имъ по крайней мѣрѣ о самонужнѣйшихъ вещахъ довольно яснаго понятія.

Сіе учиню я шеперь слѣдующимъ порядкомъ : сперва скажу имъ вкращѣ все то , что имъ о существѣ желаній нашихъ знать необходимо надобно , а попомъ расскажу о нѣкоторыхъ общихъ желаній нашихъ свойствахъ , о копорыхъ знаніе не меньше будетъ надобно какъ и прочее. Все сіе буду я стараться изображать коливо можно просвѣтлѣвшимъ и наияснѣвшимъ образомъ и для лучшаго въ томъ успѣха; гдѣ надобно брать для вспоможенія себѣ разные примѣры и аллегорическія уподобленія , и желаю шолько , чтобъ вы , дорогой читатель , послѣдующими строками не поскучили , но удостоили бы своего вниманія.

И такъ что касается до начальнаго существа всѣхъ нашихъ желаній : то довольно , когда скажу , что всѣ наши безчисленные желанія не иное что суть , какъ долго продолжающіяся и такъ сказать въ привычку обратившіяся дѣйствія одной изъ главныхъ силъ души нашей , копорая извѣсна подъ именемъ Воли. Ибо надобно знать ,
что

что душа наша имѣетъ двѣ главныя силы, изъ копорыхъ первая и начальнѣйшая называется Умъ, или смыслъ и посредствомъ копорой мы мыслимъ, а вторая общимъ именемъ называется Воля. И сія есть самая та, копорая производитъ въ насъ всякія хотѣнія и оныя копорой все наши дѣла происходятъ.

Обѣ сіи силы хотя наитѣснѣйшимъ образомъ и такъ между собою сопряжены, что одна безъ другой, а особливо воля безъ смысла бытъ никакъ не можеть; и какъ первая въ другой, такъ и вторая въ первой взаимно дѣйствуетъ: однако сами между собою весьма различны и дѣйствія ихъ весьма не одинакія.

Примѣчанія достойно, что главныя сіи душевныя силы не бывають никогда безъ дѣйствія, но дѣйствуютъ безпрестанно, и что самое сіе составляетъ жизнь души нашей. Что сіе справедливо, то доказываютъ наши очевидныя; ибо когда мы и спимъ и шло

тѣло отдыхаетъ , а душа не знаетъ сего отдохновенія , но работаетъ безпрестанно , по чему мы и во снѣ мыслимъ и хотимъ.

Частныя , или единичныя дѣйствія первой силы , то есть , ума называющся собственно Мыслями ; а собраніе многихъ объ одной вещи мыслей Помышленіемъ ; а сравненіе однихъ мыслей съ другими Разсужденіемъ . Не входя въ подробное и къ намѣренію нашему не надобное Логическое исполкованіе всѣхъ ума нашего дѣйствій , скажу только то , что сія главная сила души нашей побуждается къ дѣйствію и къ произведенію разныхъ мыслей разными причинами . Во первыхъ тайнымъ нѣ-
какимъ врожденнымъ побужденіемъ . Во вторыхъ наружными вещами и предметами . Въ третьихъ дѣйствіями второй силы или хотѣніями . Въ четвертыхъ наконецъ собственными своими прежними дѣйствіями .

Чтобъ сіе яснѣе изобразить , представлю примѣры . Во первыхъ нечаян-

но и безъ всякаго намѣренія происходящія иногда въ насъ мысли доказываютъ первое положеніе. Во вторыхъ, одному человѣку не случилось бы на примѣръ никогда видѣть и слышать о славномъ плодѣ Ананасъ и онъ не имѣлъ бы объ немъ никогда мысли. Но какъ скоро онъ его увидитъ, то и произойдетъ въ немъ мысль о Ананасъ; слѣдовательно посторонняя сія вещь и наружной предметъ, дѣйствуя чуднымъ устройствомъ натуры въ его чувство, зрѣніемъ называемое, принуждаетъ умъ произвестъ новую и прежде не бывалую мысль о Ананасъ; а такимъ образомъ наружныя и нами видимыя, слышимыя, вкушаемыя, обоняемыя и осязаемыя вещи и предметы производятъ и ежеминутно большую часть нашихъ мыслей. Въ прѣдѣхъ, я не помышлялъ бы теперь ни мало о ѣдѣ, а мыслилъ о другомъ, но вдругъ мнѣ захотѣлось ѣсть и тогда тотчасъ произойдутъ помышленія о пищѣ; слѣдовательно тогда хотѣніе ѣсть побуждаетъ умъ производить мысли о пищѣ. А что сіе дѣйствительно такъ: по

по всякому и по можемъ служить доказательствомъ, что когда мы похопимъ, то можемъ умъ нашъ нѣсколько часовъ сряду объ одной вещи думать заславить. Въ четвертыхъ, что самыя мысли объ одной вещи могутъ умъ нашъ побудить къ произведенію другихъ мыслей; въ шомъ также доказательства дальнаго не требуется. На примѣръ, я вспомнилъ теперь Москву, такъ помышленіе объ ней произведетъ во мнѣ мысли и о Иванѣ Великомъ.

Еслили что есть чудное и непостижимое, такъ можно почестъ то, что сія единичныя дѣйствія ума или мысли, будучи однажды произведены, не престающъ длиться долгое время: но по наспуленіи другихъ мыслей, такъ сказать, только засыпающъ и дожидаясь до того времени, покуда случится уму произвестъ опять новую и подобную тойже мысли, тогда тотчасъ равно какъ просыпается прежняя спящая мысль и возымѣетъ прежнее дѣйствіе, къ которому просыпанію

можешъ умъ и такъ ее принудить. Сіе происхожденіе называется Память, а чѣмъ чаще такія одинакія обь одной вещи мысли разбужаемы бывающъ, тѣмъ живѣе и долговременнѣе, или пверже спановишся о томъ наша память.

Наконецъ великаго примѣчанія достойна еще одна важная сила нашего смысла, извѣстная у Философовъ подъ именемъ внушреннаго ощущенія, или свѣденія, или самая та, копорую просто называемъ мы Разумомъ. Посредствомъ сей силы имѣемъ мы какъ о самихъ себѣ и о пребываніи нашемъ въ свѣтѣ, такъ и о самыхъ дѣйствующихъ въ насъ мысляхъ знаніе, и тѣмъ несказанно возвышены предъ прочими живошными, копорыя, по всему видимому, сей силы не имѣющъ и по тому называющся безсмысленными, или свойспвеннѣе сказашь, не разумными. Пребываніе помянушой въ смыслъ нашемъ силы производитъ весьма великія и важныя во всѣхъ мысляхъ нашихъ дѣйствія. Какія они, о томъ было бы слишкомъ пространно говорить :

ришь: и довольно, когда скажу, что все то, что мы называемъ здравымъ разсудкомъ и совершеннымъ дѣйстви- емъ разума, единственно отъ ней за- виситъ. Впрочемъ какая опмѣна во всѣхъ мысляхъ произойдетъ, какъ ско- ро дѣйствіе сей силы какимъ нибудь случаемъ пресечется, или сдѣлается ей помѣшательство имѣть полное свое дѣйствіе: то можно усмотрѣть изъ состоянія смысла въ малолѣтнемъ ра- бенкѣ, также опьянивагося, въ го- рячкѣ лежащаго и бредящаго, и съ ума сшедшаго человѣка, въ которыхъ во всѣхъ послухаю главная сія сила тог- да не дѣйствуетъ.

Вотъ все, что о первой силѣ души нашей для нашего намѣренія при шепе- решнемъ случаѣ сказать находилъ я за нужное. Но какъ не многія сіи при- мѣчанія для послѣдующихъ за симъ дальнѣйшихъ изслѣдованій будутъ о- чень важны: то да позволено мнѣ бу- детъ въ пользу слабыхъ и къ тонко- стямъ не привыкшихъ умовъ для луч- шаго удобопонятія изъяснить все сіе

какимъ нибудь аллегорическимъ уподобленіемъ.

И такъ ежели хотѣшь кому о дѣйствіяхъ силъ нашего смысла яснѣйшее имѣть понятіе, то надобно единичныя мысли представитъ себѣ въ вещественномъ видѣ и въ подобіи нѣкоторыхъ живыхъ разнаго рода пшичекъ, копорымибѣ была на примѣръ душа наша наполнена. Сіи пшички имѣлибѣ свойство засыпашъ, спать и просыпашся. Большая часть изъ нихъ находилась бы всегда во снѣ, а не спалабѣ только самая малая и такая часть, которая по неизвѣстному намъ устройству души въ одно время дѣйствовать только можетъ. По чему можно сказать, что сія малая часть находится всегда на работѣ и смѣняется ежеминутно другими разбужающимися пшичками и по смѣнѣ засыпаешъ. Главныя силы смысла нашего, извѣстныя подъ именемъ Памяти, Разсудка, Остроумія и прочихъ тому подобныхъ, представляли бы на примѣръ нѣкотораго рода начальниковъ надъ помянутыми пшич-

пшичками, и дѣйствіе ихъ состоялобъ въ томъ, чтобъ пшичекъ смѣнять, будить, дѣлать между ними разборъ и сравненія, расчитывать на разныя паршіи, производить разныя ими екзерциціи и прочее тому подобное. Помянутая же примѣчанія наидостоинѣйшая сила, Свѣденіе, представляла бы главнаго надъ всѣми пшичками начальника и учредителя, коимъ обо всѣхъ дѣйствующихъ и не спящихъ пшичкахъ имѣеть вѣденіе и можетъ какъ всѣми почти пшичками, такъ и вышеупомянутыми нижними начальниками командовать и повелѣвать; и отъ присутствія и учрежденія сего главнаго начальника происходилъ бы весь извѣстной въ помышленіяхъ и разсужденіяхъ нашихъ порядокъ: а безъ него приходило бы все въ превеликое замѣшательство и безпорядицу. Ибо упомянутыя нижнія командиры не въ состояніи одни наблюдать весь нужной порядокъ и составлять то, что мы называемъ разумомъ.

Далѣе надобно себѣ воображать, что дѣйствіе помянутыхъ рабочихъ

пшичекъ состояло бы, напริมѣръ, въ чрезвычайно проворномъ и разноманерномъ лешаніи и въ произношеніи разныхъ гласовъ и пѣнія и что дѣйствія сіи начинающся того момента, какъ скоро они проснушся или разбужены будутъ. Пѣніе бы ихъ было не обходимо для многихъ причинъ надобно, а особливо для нашихъ желаній. Но сего довольно будетъ о первой душевной силѣ; теперь приступимъ ко второй или Волѣ,

О сей второй и подъ именемъ Воли извѣстной силѣ примѣчается вообще, что дѣйствія ее предполагаютъ всегда напередъ мысли и воображенія, и распоряжающся по онымъ какъ по нѣкоей модели или образу. Частныя, или единичныя дѣйствія воли называющся Хотѣніями, которыя на разные роды раздѣлены бытъ могутъ, но здѣсь о томъ говорить будемъ пространно. Довольно когда скажу, что простое хотѣніе не должно смѣшиваться съ Желаніемъ. Первое продолжается очень не долго и преспааетъ скоро,

скоро, напрошивъ того Желаніемъ или Спремительствомъ называется такое хотѣніе, которое и безъ намѣренія и безъ предпріятія нашего нѣсколько времени не преславая продолжается. Напримѣръ: хотѣніе есть то, когда человѣкъ хочетъ сѣсть, лечь, встать, ийти, бѣжать, что нибудь руками дѣлать и говорить; что весьма коротко продолжается и преславаетъ. А желаніе управляетъ уже частными и мелкими хотѣніями и есть то, когда человѣкъ хочетъ напримѣръ богатымъ или славнымъ быть, которое хотѣніе не только одинъ часъ, но нѣсколько лѣтъ или во всю жизнь продолжается непрерывно. Сего рода непрерывныхъ дѣйствій или желаній находится въ душѣ нашей не только безчисленное множество, но они подвержены великой между собою много-различности имѣющъ разныя свойства и сопряжены съ различными обстоятельствомъ. И какъ намъ наиболѣе до нихъ нужда, то оставляя прочее, изъяснимъ нужное къ введенію объ нихъ сколько можно яснѣе и подробнѣе.

Къ достиженію сего конца не обходимо надобно мнѣ употребить также какое нибудь уподобленіе, ибо безъ того будетъ сія матерія для иныхъ темновапа и скучна: но признаюсь, что мнѣ всего пруднѣе найшеть такую вещь, которая бы могла прямо и во всемъ съ нашими желаніями сравнена быть. Однако сколько мнѣ кажется всего способнѣе уподобить ихъ нѣкоторымъ образомъ разнаго рода звѣркамъ, такъ какъ я ихъ опъ часпи уже и въ предслѣдующемъ разсужденіи уподоблялъ онымъ. Чего ради изображу шо такоюжъ Аллегорією.

И такъ ежели хопите вы, дорогой читатель, о дѣйствіяхъ воли и желаній нашихъ и о ихъ между собою, равно какъ и съ мыслями сопряженій и разныхъ касающихся до нихъ обстоятельствъ, или паче о всѣй душѣ нашей и дѣйствіи и въ нѣмъ получить крапкое, но ясное понятіе; шо послѣдуйте за мною воображеніемъ своимъ въ слѣдующую Аллегорію.

Сперва вообразите себѣ, чтобѣ человекѣ самѣ собою представлялѣ бы нѣкотораго рода Корабль, или хитрѣйшаго успроенія и изѣ безчисленныхъ между собою связанныхъ машинѣ со-спавленнную и плавающую по морю вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ разнаго рода большихъ и малыхъ подобныхъ ему или не подобныхъ судовъ Мельницу.

Сей корабль управляемъ бы былѣ въ своемъ плаваніи чрезѣ движеніе и дѣйствіе успроенныхъ во внутренности и наружности онаго машинѣ. Сіи машины имѣлибѣ между собою чудное сопряженіе и въ нужнѣйшемъ между ними мѣстѣ вложена бы была нѣкая живая и опѣ всѣхъ ихъ сущесствомъ своимъ опмѣнная вещь, которую сравнимъ на-примѣрѣ съ нѣкакимъ одушевленнымъ и во всегдашнемъ произвольномъ движеніи находящимся Каюпомъ.

Кругомъ сего мѣста находились бы! самоважнѣйшія машины, а опѣ другихъ проведеныбѣ были, равно какъ
про-

проводами и канаты, которыхъ бы концы находились съ каютомъ въ неизвѣстномъ хотя намъ, но такомъ содержаніи, что каютѣ при каждомъ движеніи своемъ могъ бы до нѣкоторыхъ изъ нихъ допрогиваться и чрезъ то приводить машины въ корабль въ дѣйствіе; а шѣмъ и весь корабль принуждать къ движенію и плаванію.

Вотъ краткое аллегорическое уподобленіе тому, какъ душа наша сопряжена съ тѣломъ. Все тѣло наше представляетъ корабль, руки, ноги и всѣ прочіе члены наружные, а внутреннія наши части, внутреннія машины. Нервы наши, спруны, веревки и канаты, а душа каюту. Теперь пойдѣмъ далѣе.

Представьте себѣ далѣе, что въ помянутомъ каютѣ заперто было безчисленное множество живошныхъ. Сіи живошныя былибъ двоякого рода. Одни изъ нихъ походилибъ на разнаго рода Птичекъ, а другія разнаго рода на Звѣрковъ. И почише первыми на-

ши-

ши мысли, а впорыми наши хотѣнія и желанія вообще.

Все сіе сдѣлано не попустому, но для того, чтобъ нужное и многоразличное движеніе каюша, и чрезъ то дѣйствія всѣхъ машинъ и корабля зависѣлобъ отъ дѣйствія находящихся въ каюшѣ звѣрковъ; а какимъ образомъ имъ дѣйствовать назначено учить ихъ ппичкамъ своимъ пѣніемъ. Слѣдовательнѣ, собственными управителями долженствовалибъ бытъ ппички, или мысли; а производиателями или работниками звѣрки или хотѣнія. И сіи послѣднія не моглибъ безъ первыхъ ни-коимъ образомъ дѣйствовать.

Теперь представьте себѣ далѣе, что между всѣми помянутыми ппичками и звѣрками успроеныбъ были отъ насурь многоразличные и преудивительные порядки и распоряженія и приданыбъ имъ были разныя свойства и совершенства.

Первое и примѣчанія достойнѣйшее распоряженіе состоялобъ въ томъ, что

не

не всему оному великому множеству ппичекъ и звѣрковъ назначено производить свои дѣйствія вдругъ, но только по нѣкопорому не большому количеству оныхъ разомъ съ шѣмъ, чшобъ оңи могли во всякое время смѣняшья другими. И когда сїи дѣйствуюшъ, или такъ сказать, работающъ, тогдабъ другія находились въ такомъ состоянїи, которое подобно сну. Чего ради и придана имъ способность засыпать и просыпашья, какъ о томъ уже упоминалъ и послѣ упомяну подробно.

Вшорое распоряженіе сдѣлано такое, чшо для помянутаго нужнаго дѣйствіованія машинами могутъ они изъ сна своего на смѣну другимъ возбуждаемы бытъ разными образами. Во первыхъ своими собратїями, шо есть ппичками и звѣрками, какъ на примѣръ ппички другими ппицами, равно какъ и звѣрками, а звѣрки опъ часпи также звѣрками, но наиболѣе ппичками. Во вторыхъ дѣйствїемъ машинъ въ кораблѣ находящихя и принуждающихъ

шихъ иногда весь каютъ къ принужденному и не такому движенію, какое бы ему было надобно, но къ такому, какое для сохраненія цѣлости судна не обходимо пребудетъ. Въ шрепъихъ разными наружными вещами и предметами. Сіе послѣднее распоряженіе всего болѣе примѣчанія достойно и происходишь сіе такимъ образомъ. На кораблѣ снаружи находится нѣсколько особыхъ и наихитрѣйшаго устроенія машинъ, подобныхъ на примѣръ шрубамъ, музыкалическимъ инструментамъ и прочему тому подобному, въ копорыхъ постороннія вещи и предметы, такъ какъ бы на примѣръ, вѣтеръ, спужа, теплоша и всякія вещи моглибъ производить дѣйствіе и принудить ихъ дѣлать то, къ чему они назначены. Сіи машины какъ скоро начнутъ дѣйствовать, какъ пропѣянувшими опѣ себя особыми струнами съ непоспѣжимою скоростію проспѣраютъ свое дѣйствіе до самаго каюта и принудивъ его къ особому движенію разбужаютъ въ немъ нѣсколькихъ ппичекъ, а сіи уже разбужаютъ и звѣрковъ.

Первая изъ сихъ чудныхъ машинъ подобна нѣкакимъ двумъ Зеркаламъ и укрѣпленнымъ на поверьхоспи корабля въ особомъ и не подалеку отъ каюша находящемся мѣстѣ, и устройство которой всего для насъ чуднѣе. Въ нихъ изображающя всѣ наружныя и постороннія вещи, мимо которыхъ кораблю плыть случится, равно какъ въ зеркалѣ. Но удивительно то, что сіе изображеніе, какъ молнія, добѣгаетъ того момента до каюша и разбужаетъ шамъ такую пшичку, какая той вещи свойственна, которая въ зеркалахъ изображается. Сія машина извѣсна подъ именемъ чувства Зрѣнія, а зеркала подъ именемъ Глазъ.

Другая подобна нѣкакимъ двумъ трубамъ или волпорнамъ придѣланнымъ къ кораблю также въ особыхъ мѣстахъ неподалеку отъ каюша. Въ сихъ производящъ дѣйствіе всякой звукъ и отъ того производящъ то, что мы называемъ Слышаніемъ. Машины сіи, извѣсныя подъ именемъ Ушей, для корабля весьма нужны и разбужающъ
очень

очень часто находящихся въ каютъ ппичекъ и звѣрковъ.

Третья подобна двумъ нѣкакого рода мѣхамъ или насосамъ и чрезъ посредство ихъ можемъ мы нюхашь и обоняшь, а душа получаешь о томъ мысли, что дурно и что хорошо пахнетъ. Легко можно догадаться, что сіе говорится о Носѣ и Ноздряхъ.

Четвертая подобна нѣкакому не большому движущемуся рульку или лопапочкѣ, сдѣланной для разныхъ и весьма нужныхъ употребленій. Сія лопапочка покрыта многими кожами и убиена нѣжными и такого особаго устройства гвоздиками, что не успѣетъ какая вещь до нихъ допронуться, какъ дѣйствіе того проспирается того момента до души и производитъ въ ней мысли, сладка ли или горька, пресна ли или кисла, или какой вкусъ имѣетъ та вещь.

Пятая и чудная машина состоитъ въ нѣкакой особой и чуднаго устройства

Часть. I. И нія

нія кожѢ, копорою снаружи все судно обшянуто и подѢ копорою находишся безчисленное множество маленькихъ гвоздиковѢ, или бородавочекѢ, изѢ копорыхъ опѢ каждой прошянушы спрунки, и какѢ скоро какая вещь кѢ кожѢ прикоснешся, какѢ дѣйствіе по спрунѢ проспирается до каюша и разбужаетѢ въ немѢ мысль о той вещи и производитѢ знаніе крѣпка ли или мягка, тепла ли или спудена, гладка ли или карява та вещь, что все извѣстно подѢ именемѢ Осязанія.

Третье расположеніе состоитѢ въ томѢ, что между ппичками и звѢрками учреждены нѢкакого рода нижнія и вышнія начальства, опмѣнныя у ппицѢ, опмѣнныя у звѢрковѢ. У сихъ власшей и начальниковѢ состоятѢ прочія, а особливо работающія, равно какѢ подѢ командою и ими управляются, разбужаются, смѣняются и кѢ работѢ принуждаются.

НачальниковѢ надѢ ппичками, какѢ выше уже упомянуто, не много.

Глав-

Главнѣйшіе изъ нижнихъ извѣстны подѣ именемъ Памяти, Разсудка и Остроумія, или Изобрѣтательной Силы, и всѣмъ имъ поручены разныя должности. Перваго изъ нихъ можно уподобить равно какъ нѣкакому Нарядчику, кошорой имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ пѣхъ пшичекъ, кошорыя не спятъ и бывають на работѣ и можетъ ихъ удержатъ долѣе на работѣ, или ушедшихъ опять возвратитъ, также изъ спящихъ наряжатъ какія на смѣну другимъ надобны и прочее тому подобное.

Втораго можно уподобить равно какъ Старостѣ или Адъютанту и должность его весьма важная. Онъ долженъ узнавать и осматривать каждую на работу пришедшую пшичку, отличать одну отъ другой, также учреждать порядки при работахъ и назначивать каждой, что дѣлать и прочее многое.

Третьяго можно уподобить Прожектеру и онъ долженъ упражняться въ выдумываніи и изобрѣшеніи лучшихъ и способнѣйшихъ средствъ къ

произведенію всѣхъ наружныхъ дѣлъ корабля, или помышлять о томъ, куда бы судну лучше плыть и какъ бы лучше и способнѣе и скорѣе какое дѣло въ дѣйство произвестъ можно было. Въ случающихся между ппичками его лекціяхъ или экзерциціяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Размышлений и Разсужденій, имѣетъ онъ особое и великое участіе.

Сіи суть наиглавнѣйшіе нижніе начальники, однако есть и кромѣ ихъ другіе, о копорыхъ въ подробности упоминалъ было бы слишкомъ пространно.

Надъ всѣми сими есть наконецъ, какъ выше уже упомянуто, главной начальникъ, котораго уподобить можно Генералу или самому Владѣтелю. Сей извѣстенъ подъ именемъ Свѣденія или Разума. Онъ имѣетъ полную власъ надъ ппичками, и сколь важенъ, о томъ изъяснился я уже выше. Чего ради не повтораю того упомяну только, что не всѣ ппички состоятъ подъ

подѣ его командою; но есть нѣкоторыя, надѣ копорыми не имѣетъ онѣ никакой власти, да и знанія обѣ нихъ не имѣетъ, а именно шѣ, копорыя должность имѣютъ разбужать шѣхъ звѣрковъ, отъ копорыхъ дѣйствию зависитъ дѣйствіе внутреннихъ машинъ въ корабль, и сіе для того, чѣобъ не надѣлалъ онѣ безпорядковъ. Кромѣ сего надобно еще замѣтить, чѣо онѣ великую власть имѣетъ и надѣ звѣрками и долженъ имѣть о сохраненіи надлежащаго между оными порядка всегдашнее попеченіе.

Чѣо касается до звѣрковъ, то начальства у нихъ опмѣнны уже отъ ппичьихъ и походящъ болѣе на семейства. Ихъ находится превеликое множество, но поименно изчислять ихъ теперь не для чего, для того чѣо о томъ будетъ послѣ въ особомъ разсужденіи подробно говорено. А здѣсь упомяну я только то, чѣо вообще до нихъ касается и скажу, чѣо они-то собственно суть наши многоразличныя желанія, управляющія хотѣніями какъ

мѣлками и работными звѣрками, и что надѣ всѣми ими есть также главной начальникъ подобной равно какъ Генералу. Сей начальникъ извѣстенъ подѣ именемъ Свободности или Произвола и таковъ же важенъ у звѣрковъ, какъ разумъ у пшичекъ. Онъ можетъ ими управлять, ихъ разбужать, усыплять, приказывать и запрещать работать по своему произволению и производить многія другія важныя дѣйствія; однимъ словомъ всѣми звѣрками и самыми пшичками командовать и употреблять ихъ на свои надобности. Посредствомъ сего-то важнаго звѣря можетъ судно плавать, куда оно само хочетъ и что дѣлать, что пожелаетъ, а не принужденно. Коротко, сіи-то оба главные начальники надѣ пшичками и звѣрками, или надѣ мыслями и хотѣніями, что есть, Разумъ и Произволъ, и даютъ намъ надѣ скошами не изреченное преимущество и производятъ то, что мы можемъ все наши дѣла произвольно, а не принужденно дѣлать, и потому способны къ награждению и на-
ка-

казанію. А всего болѣе примѣчанія достойно, что для нихъ-то собственно и души наши безсмертны и никогда умереть и уничтожиться не могутъ.

Четвертое устройство состоитъ въ томъ, что всѣ нижніе начальники звѣрковъ, или желанія имѣютъ разнаго рода свойства. И какъ сей пунктъ есть самой точъ, которой наиболѣе примѣчанія достойны и о которомъ подробное знаніе не обходимо для послѣдствія въ сей книгѣ надобно: то поговоримъ о томъ нѣсколько пространнѣе и познакомимся чрезъ то короче съ сими внутренними въ насъ жильцами.

I.

Первое свойство всѣхъ желаній нашихъ, или какъ мы ихъ называли начальствующи́хъ звѣрковъ, состоитъ въ томъ, что они могутъ спать и разбужаемы быть такъ, какъ о томъ уже прежде опъ части было упоминаемо. Спятъ они тогда, когда имъ не даётся воля властвовать надъ работника-

ми и самимъ работать, и когда на работѣ другіе ихъ брашя такіе же звѣрки находяшся и командуяшъ хотѣніями. Большая часть изъ нихъ не имѣетъ къ тому опредѣленнаго и назначеннаго времени, но спятъ до пѣхъ поръ, покуда по какому нибудь случаю разбужены будутъ. Разбужающся же они, какъ выше упомянуто, пѣніемъ пшичекъ, или дѣйствіемъ мыслей, а иногда и другими звѣрками, однако чрезъ посредство же мыслей: то есть одни звѣрки разбудятъ пшичекъ, а сіи уже другихъ звѣрковъ.

2.

Второе свойство состоитъ въ томъ, что желанія наши, или такъ названныя звѣрки всегда голодны и хотятъ и могутъ насыщаемы быть. Какъ они сами не вещественныя, а духовныя вещи и только дѣйствія силъ душевныхъ суть: то натурально и пища ихъ должна быть духовная и не вещественная. Сія пища состоитъ въ произшествіи нѣкоторыхъ дѣлъ и перемены между поссторонними вещами, къ

которымъ собственно каждое желаніе
успремляется. Ибо каждое желаніе, или
звѣрокъ имѣетъ собственной и особливой
себѣ только одному свойственной
предметъ, къ которому онъ стремиш-
ся. Какъ напимѣръ, иной спремись
или желаетъ того, чтобъ весь ко-
рабль имѣлъ болѣе въ себѣ наружныхъ
совершенствъ и украшеній. Другой чтобъ
снабженъ онъ былъ нужными матеріала-
ми и снарядами. Третьей, чтобъ сей ко-
рабль другіе корабли почитали, его
слушались дѣлали ему угодность и не
дѣлалибъ вреда и такъ далѣе, или
проситъ говоря: иной имѣетъ предме-
томъ себѣ честь, иной почтеніе, иной
богатство, иной роскошь и такъ далѣе.
И когда то произойдетъ, или испол-
нится, къ чему онъ спремись, тогда
звѣрокъ на время спановишся сытъ
или насыщается. Примѣчанія достойно,
что сдѣлано ошъ натуре уже такое
учрежденіе, что съ симъ насыщеніемъ
сопряжено уже для звѣрка великое удо-
вольствіе и радость, и пошому всякой
разъ, какъ исполнится то, чего онъ же-
лаетъ, чувствуетъ онъ великое весе-
ліе,

ліе и опѣ того равно какѣ прыгаетѣ, веселился и играетѣ. Опѣ самаго того, какѣ я уже прежде изѣяснилѣ, и происходятѣ всѣ наши удовольствія, радости и утѣхи. Однако надобно знать, сіе насыщеніе и сопряженная съ нѣмѣ радость, не долго продолжается, но велика только съ начала, а потомѣ мало по малу начнетѣ уменьшаться и дойдетѣ до того, что голодѣ опять появившись начинаетѣ свое дѣйствіе и звѣрки беспокоятѣ.

3.

Третье свойство желаній нашихѣ состоитѣ въ томѣ, что всякой изѣ помянутыхѣ звѣрковѣ какѣ съ одной стороны чрезвычайно любитѣ то, къ чему онѣ спремился, напрошивѣ того смертельно ненавидитѣ прошивнаго. И такѣ; естѣли воспослѣдуетѣ тому произшествію, котораго онѣ желаетѣ, совсѣмѣ прошивное: то чувствуетѣ онѣ превеликое прискорбіе и приходитѣ въ такое состояніе, какѣ бы его кто билѣ и дразнилѣ, опѣ чего мечетѣся, рычитѣ, вижжитѣ и сердитѣся онѣ. Сіе
какѣ

какъ я и прежде о томъ упоминалъ, извѣстно подъ именемъ Раздраженія или Неудовольствованія нашихъ желаній. Легко можно заключить, что и сіе непріятное состояніе равномерно не долго продолжается, но также только съ начала бываетъ сильно, а потомъ мало помалу ослабѣваетъ и звѣрокъ возвращается въ прежнее свое состояніе. А что опъ самаго сего раздраженія желаній всѣ наши горести, печали и неудовольствія происпекаютъ, о томъ имѣлъ я случай упоминашь прежде, а чѣмъ они могутъ уменьшаемы бышь и звѣрокъ скорѣе въ прежнее состояніе приведенъ бышь, о томъ въ послѣдствіи и при концѣ сей книги довольно говорено будетъ.

4.

Четвертое свойство желаній нашихъ состоитъ въ томъ, что они могутъ успокоиваемы или усмиряемы бышь. То есть помянутые звѣрки въ такое состояніе приводимы бышь, чтобъ они не сыты и не голодны были; слѣдовательно ни веселія, ни при-
скор-

скорбія не чувствовали, но находились бы въ среднемъ или спокойномъ состояніи. Происходитъ сіе отъ того, естли то произшествіе, къ которому звѣрокъ, или желаніе спремился, хотя не исполняется, однако и прошивнаго ему не происходитъ, а напрошивъ того надежда есть, что желаніе его когда нибудь совершится. Сіе среднее и подъ именемъ Спокойства извѣстное состояніе можно уподобить тому, какъ бы кто спалъ звѣрка гладить, ласкать и увѣрять, что онъ насыщенъ современемъ будетъ, а толькобъ потерпѣлъ и погодилъ. Отъ чего онъ сдѣлается смиренъ и не спанетъ мешаться, такъ какъ во время голода дѣлается. Какимъ образомъ въ сіе состояніе ихъ приводитъ можно, о томъ теперь не упоминаю, для того что о семъ какъ весьма важномъ пунктѣ послѣ въ особливости и пространно говорено будетъ.

Всѣ сіи при послѣднія свойства великаго примѣчанія достойны; ибо на нихъ какъ на нѣкоемъ фундамен-
тѣ

пѣ вся связь зданія сей книги оснущ-
ся, по чему не излишнимъ я почелъ
повторить сіе, не смотря хотя я о томъ
упоминалъ уже въ предсѣдующихъ раз-
сужденіяхъ.

5.

Какъ изъ всего помянушаго яв-
ствуешь, что всѣ сколько ни естъ
въ насъ звѣрковъ, или желаній отъ
нашуры голодни и хотяшъ быть
насыщаемы и веселы. Въ веселіижъ со-
стоипъ существо благополучія: то по-
бочнымъ образомъ происходитъ отъ
того, что всѣ желанія имѣютъ спре-
мительство къ веселію или благополу-
чію. Изъ сего не трудно теперь у-
смотреть, отъ чего то происходитъ,
что всѣ люди каковыбъ они состоянія
ни были, хотяшъ благополучными быть,
и ни одинъ изъ нихъ не хочетъ быть
несчастливымъ. Ибо каковыбъ они ни
были, но во всякое время дѣй-
ствуешь въ нихъ множество желаній,
которыя всѣ каковыбъ рода ни были,
хотяшъ насыщенія и ненавидяшъ про-
тивнаго.

6.

Какъ описанное выше сего насыщеніе желаній или звѣрковъ можетъ производимо бытъ двоякимъ образомъ: то естъ происходить либо отъ произшествій между посторонними вещами относящимися къ пользѣ всего судна, или челоука безъ чувствительнаго его къ тому содѣйствію, напрімѣръ, отъ чесши, почщенія и прочаго тому подобнаго, либо отъ такихъ произшествій, копорымъ корабль своимъ плаваніемъ и дѣйствіемъ, или челоукъ самъ своими разными дѣлами поспѣшествовать долженъ и для того самъ шрудиться, напрімѣръ снабждать себя пищею, скивать разными образами богашство и прочее тому подобное. Всѣжъ сіи дѣла, какъ изъ вышеписаннаго явствуется, должны зависѣть отъ движенія каюша, или души; а душу въ движеніе приводить должны желанія или часпо помянушыя звѣрки: то и происходитъ отъ того натуральное слѣдствіе, что многимъ звѣркамъ для насыщенія своего должно самимъ шрудиться и такъ сказать работать. Для сей причины на-

напура и вродила имъ шестое свойство состоящее въ томъ, что имѣющіе они склонность къ шрудолюбію или къ упражненію и не любящіе быть безъ дѣла. Сіе приносятъ уже по себѣ, что всякой звѣрокъ не успѣетъ проснуться, какъ спремится уже къ дѣлу и не хочетъ быть празднымъ, но старается всегда быть въ дѣлѣ, управляя хотѣніями и самъ работать и дѣйствовать каютомъ и чрезъ него такими машинами въ суднѣ, какихъ дѣйствіе къ намѣренію его надобно: то есть принуждаютъ человѣка ходить, ѣздить и другія разныя дѣла дѣлать и предпринимать, какія потребны для произведенія того въ дѣйство, чего онъ желаетъ.

7.

Седмое свойство желаній нашихъ, или душевныхъ звѣрковъ состоитъ въ томъ, что они не хотятъ, чтобы работа и труды ихъ пропадали тщетно и предприниманы были по пустому. Отъ чего и происходитъ оное натуральное и всякому человеку

вѣку свойственное неудовольствіе, которое онѣ чувствуетъ вѣ то время, когда дѣла его не идутъ впрокъ и ими недостигается дожелаемаго, а на противъ того удовольствіе, когда дѣла его имѣютъ успѣхъ вожделѣнной.

8.

Осьмое и великаго примѣчанія достойное свойство желаній нашихъ состоитъ вѣ томъ, что они или упомянутые душевные звѣрки могутъ портишься или баловаться, то есть, изъ хорошихъ и добронравныхъ дѣлаться злонравными и негодными. Для изъясненія сего надобно мнѣ сказать, что между ними нашура устроила сперва наилучшей порядокъ. Всѣ они не только хорошими и добронравными произведены, но сдѣлано между ними такое распоряженіе, чѣмъ одни изъ нихъ повиновались другимъ, а сіи находились подъ властію у шрешихъ и такъ далѣе, а всѣ они жилибѣ между собою вѣ мирѣ, любви и согласіи и всѣ совокупно былибѣ вѣ совершенномъ повиновеніи у обоихъ главныхъ началь-

никовъ судна Разума и Свободности или Произвола, которымъ обѣимъ придана была довольная способность управлять ими какъ надобно и не давая ни копорому излишней воли, а наблюдать между ними такой порядокъ, чшобъ всѣ они могли получать свое насыщеніе и человекъ наслаждался бы отъ того непрерывнымъ веселіемъ и чрезъ то найсовершеннѣйшимъ благополучіемъ. Но по нѣкоему несчастному для всего человеческого рода случаю, о копоромъ послѣ упомянется, нарушился весь сей въ душѣ натуральной порядокъ и сдѣлалась прѣвеликая между ними разспройка и замѣшательство и отъ того началась непрерывная междоусобная между ними брань и война. Иные звѣрки начали между собою заводить разные и вредныя всему обществу паршіи. Другіе будучи назначены бытъ нижними начальниками захоутили бытъ вышними и похищивъ власть у самыхъ главныхъ и чрезъ то сдѣлались мятежниками и буншовщиками, а не успѣли получить всю власть какъ не будучи произведе-

ны къ правительству и не умѣя порядочно управлять судномъ подали и подають поводы къ произшествію превеликихъ внутреннихъ и наружныхъ неспроеній, беспокойствъ и замѣшательствъ и чрезъ то ввергають его въ превеликія бѣдствія и напаси и нерѣдко доводять оное прежде времени до самой гибели. Въ такомъ то несчастномъ состояніи родимся уже мы нынѣ и отъ того болѣе и производящъ всѣ наши бѣды, напаси, несчастія и все то, на что мы въ жизнь нашу жалуемся. Отъ чего все сіе дѣлается и какъ они балуются, изъяснишя изъ описанія послѣдующаго девятаго желаній нашихъ свойства.

9.

Всѣ помянутые безпорядки и замѣшательства происходятъ нынѣ отъ того, что желанія наши или душевные звѣрки имѣють натуральное свойство состоящее въ томъ, что они могутъ увеличиваться и уменьшаться. Сіе свойство превеличайшаго примѣчанія

чанія достойно, по чему желалъ бы я, чпобъ вы, дорогой чипашель, всѣ касающіся до него обстоятельствъ въ особливости замѣтили. Для васъ сіе будешъ очень нужно и полезно; ибо я хочу вамъ теперь аллегорическимъ образомъ изъяснить, ошъ чего производящъ и какимъ образомъ дѣлаются въ насъ Склонности, Привычки и Страсти, и чрезъ то познакомить васъ ближе съ сими всегдашними внутренними и шоль для насъ пагубными нашими злодѣями и врагами, дабы вы узнавъ ихъ напуру и всѣ касающіся до нихъ обстоятельствъ, могли есшъ-ли пожелаете скорѣе съ ними сладить и сдѣлаться надъ ними господиномъ.

И такъ вообразите себѣ, что всѣ наши или по крайней мѣрѣ большая часть желаній или звѣрковъ имѣлибъ такое свойство, что моглибъ сами собою увеличиваться и уменьшаться, или изъ маленькихъ звѣрковъ, равно какъ раздуваясь, дѣлались большими звѣрями, а изъ большихъ сжимаясь дѣ-

I 2

лашь-

лашья маленькими. Сіе увеличиваніе происходило бы такимъ образомъ. Всякой разъ какъ ни случится звѣрку проснушья и начать свое дѣйствіе, какъ начинается онъ увеличивашья или раздувашья и увеличивается съ каждою минушою болѣе во все то время, покуда онъ не спитъ и работаетъ, что продолжается до тѣхъ поръ, покуда онъ опять заснетъ; слѣдовательно дѣлается онъ тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе бодрствовалъ и работалъ. Напротивъ того какъ скоро дѣйствіе его пресѣчется и онъ принужденъ будетъ не имѣя дѣла заснуть, или къ тому другими звѣрками принужденъ будетъ: то не успѣетъ заснуть, какъ съ той минушны начинается онъ такимъ же образомъ ежеминушно, но гораздо уже медлѣннѣе и пише уменьшашья. Сіе уменьшеніе продолжается поспешенно во все то время, покуда онъ спитъ, и естли на то довольное время ему дастся: то приходишь онъ въ прежнее свое состояніе и въ природную свою величину. Напротивъ того естли сполько времени спать ему не удастся, а

какимъ

какимъ нибудь случаемъ онъ разбуженъ
будетъ прежде: то просыпается уже
онъ въ такой величинѣ въ какой пог-
да его заспанутъ. Слѣдовательно чѣмъ
скорѣе его разбудятъ, тѣмъ величай-
шимъ онъ и проснется. А какъ онъ
и во время вторичнаго дѣйствованія
такимъ же образомъ вновь увеличива-
ться долженъ, а въ немъ еще опъ преж-
ней прибавочной величины есть ве-
ликой остатокъ; то натурально
уже слѣдуетъ, что ему при втори-
чномъ дѣйствіи, а особливо если-
ли оно сколькожъ времени продолжи-
ся, надобно будетъ уже болѣе и такъ
сказать второе противъ натуральной
своей величины увеличиться; слѣдова-
тельно и заснувъ надобно ему уже
второе болѣе имѣть времени противъ
прежняго для пришествія въ природ-
ную свою мализну. Однако онъ при-
детъ, еслили довольно времени имѣть
будетъ. Когда же до того не допу-
скался и случаяю опять вскорѣ раз-
буженъ будетъ: то проснувшись уже
нарочитой величины во время шрешич-
наго дѣйствія увеличится онъ уже не

сравненно болѣе прошивъ прежняго; а въ четвертой разѣ еще того болѣе; въ пятой еще больше и такъ далѣе. И естли послушаю онѣ часто будишься, долго дѣйствовать, а мало спать и отдыхать будетъ: то сіе увеличеніе продлится до того, покуда онѣ въ такую величину дойдеть, какой больше ему имѣть по распоряженію натуры не можно.

Вотъ законъ, который для увеличенія и уменьшенія предписанъ нашимъ желаніямъ онѣ натуры. Но какъ сіе весьма важное и наивеличайшаго примѣчанія достойное дѣло: то для способнѣйшаго сего напominанія вообразимъ все сіе въ какомъ нибудь увеличенномъ видѣ. Положимъ на примѣръ, чшобъ желанія наши или звѣрки въ въ натуральномъ своемъ состояніи были всѣ величиною прошиву самой маленькой мушки или букашки, а самая большая величина была бы на примѣръ прошивъ слона. Теперь слѣдуя вышеупомянутымъ правиламъ станемъ смотрѣть, какъ они изъ мушки могутъ сдѣлаться слонами. При

При первомъ дѣйствіи положимъ напимѣръ, чѣмъ звѣрокъ или мушка не болѣе увеличился какъ съ пчелку. Сія пчелка должна опять мало помалу начашъ уменьшаться какъ скоро дѣйствіе желанія окончится или звѣрокъ заснетъ. Она и уменьшился и звѣрокъ сдѣлается опять съ мушку, естли только дастся ему довольное время спать: а когда онъ до того дойдетъ, то натурально и проснется онъ опять, ежели разбуженъ когда будетъ не съ пчелку, а съ мушку величиною. Но какъ сіе происходитъ уже гораздо медлѣннѣе, и къ такому уменьшенію времени не сравнено болѣе противъ того надобно, во сколько онъ увеличивался: то не рѣдко бываетъ, что звѣрокъ далеко до того еще не допускается, но разбужается прежде времени и часто тогда, когда онъ только началъ уменьшаться и съ полупчелку еще не сдѣлался: то есть очень въ скоромъ времени послѣ перваго дѣйствія или опѣ скоропослѣдующаго повторенія человѣкомъ самаго тогожѣ дѣла: то натурально долженъ онъ и проснуться въ

такой величинѣ, въ какой его заспанушѣ, на примѣрѣ въ половину, въ двѣ или одну шрешъ пчелки. При второмѣ дѣйствіи увеличившись сдѣлается уже онѣ величиною противѣ большаго жука. Теперь легко можно разсудить, что когда изѣ пчелки сдѣлашся мушкою пребывалось долговременнаго сна, то заснувѣ величиною съ жука, натурально надобно имѣть ему уже гораздо болѣе времени, буде хотѣть сдѣлашся мушкою, и когда въ первомѣ случаѣ было на примѣрѣ довольно къ тому одного дня времени: то во второмѣ и трехѣ дней къ тому уже мало. Еслижѣ и въ сей разѣ онѣ вскорѣ и величиною на примѣрѣ противѣ шершня разбуженѣ будетѣ и начнетѣ опять дѣйствовать: то при семѣ шрешемѣ дѣйствіи сдѣлается уже онѣ величиною съ не большую пшичку или маленькаго какого звѣрка, на примѣрѣ съ мышѣ, изѣ кошорой заснувѣ по прежнему съ мушку сдѣлашся ему и подавно не шаково способно, какѣ изѣ пчелки и къ тому уже гораздо должайшее время и уже нѣсколькихѣ недѣль на-

добно. Естѣлижѣ онѣ и впредѣ всегда часто будетѣ разбуживаемѣ и ему мало будетѣ даваться времени спать и уменьшаться: то въ четвершой разѣ сдѣлаешся уже онѣ величиною противѣ крысы, въ пятой сѣ хомяка, въ шестой сѣ кролика, въ седмой сѣ кошку, въ осьмой сѣ зайца, тамѣ сѣ лисицу, послѣ того сѣ собаку, тамѣ сѣ теленка, за тѣмѣ сѣ медвѣдя, послѣ того сѣ буйвола, а за тѣмѣ сѣ лошадь, а потомѣ сѣ верблюда и шакѣ далѣе покуда наконецѣ дойдетѣ до того, что сѣ слонѣмѣ сравняешся и не въ состояніи уже будетѣ болѣе увеличиться. Тогда просыпаешся уже онѣ во всякое время въ одинаковой величинѣ и болѣе уже почти не увеличивается, кромѣ того что потерянную во время сна часть величины своей опять возвращаетѣ. И такое-то слишкомѣ увеличившееся желаніе, естѣли оно хорошее или еще не гораздо увеличилось и называется Привычною, а ежели худое и слишкомѣ уже увеличилось Спрасъю. Теперь не трудно уже всякому усмотрѣть, отѣ чего то дѣлаешся, что отѣ маленькихѣ

и не большихъ привычекъ мы гораздо въ скорѣйшее время отвыкнуть можемъ, нежели отъ большихъ и самыхъ спрасей нашихъ, которыя въ насъ и воздержаніе многихъ лѣтъ совсѣмъ испребишь не можешъ. Ибо хотя то и правда, что и слонъ самъ собою сдѣлается по прежнему мушкою, естлибъ только онъ никогда не могъ бытъ разбуживаемъ: но спавъ бы такъ долго, чтобъ мало помалу уменьшаясь сдѣлался сперва съ верблюда, тамъ съ лошады, тамъ съ собаку и наконецъ съ мушку, какъ то мы изъ опытовъ видимъ, какъ на примѣръ, что и самая сильная любовная спрасъ чрезъ долговременную оплучку сама собою совсѣмъ почти испребляется. Но какъ сіе очень рѣдко случается, а сверхъ того чѣмъ болѣе спановишься звѣрь, тѣмъ меньше имѣешъ охоты спать и болѣе къ дѣйствованію: то натурально всякая бездѣлица можешъ его уже разбудить и многіе найшлись къ тому случаи. А нужно только ему проснуться, какъ побывавъ уже однажды великимъ, захочешъ онъ опять такимъ же или еще

вели-

величайшимъ сдѣлашься, и пошому уже гораздо скорѣе и способнѣе увеличиваешься и потерянную чрезъ сонъ величину возвращишь можешь. Вотъ причина почему отвыкшіе отъ чего нибудь легко и скоро опять къ шомужъ привыкають, что въ особливости въ разсужденіи худыхъ спрасей примѣнно.

Изъ всего вышеписаннаго слѣдуетъ само собою, что находящіяся въ насъ въ безчисленномъ множествѣ желанія никогда не могутъ быть одинакой величины, но величина ихъ ежедневно уменьшается или увеличивается. Иныя изъ нихъ велики, другія меньше, а прешьи шѣхъ меньше и такъ далѣе и между всѣми производить всегдашняя перемѣна.

Теперь надобно мнѣ далѣе изъяснить, отъ чего то дѣлается, что намъ спраси свои преодолѣвать всегда великаго труда спойтъ, а иногда совсѣмъ почти не возможно. Сіе не трудно мнѣ уже теперь учинишь. Ибо
нуж-

нужно только знать, что всякое желаніе имѣетъ свойство тѣмъ сильнѣе дѣйствовать, чѣмъ оно или помянутой звѣрокъ будетъ больше. Когда звѣрокъ еще малъ и на примѣръ съ пчелку, тогда дѣйствуетъ онъ очень слабо и едва только въ состояніи душу приводитъ въ движеніе и принуждаетъ человека къ дѣлу, и когда проснешься, то никакого труда не стоить его и преодолѣть или заставить его опять спать, буде то надобно. Ибо въ семъ случаѣ можемъ мы пользоваться находящимся въ душѣ нашей главнымъ надъ всѣми желаніями командиромъ или Генераломъ, о копоромъ упомянулъ я уже выше и копорой подъ именемъ Произвола извѣстенъ. Сія драгоцѣнная сила или знаменитѣйшей и опшѣнной опъ всѣхъ прочихъ звѣрокъ можетъ въ одинъ мигъ принудить проснувагося звѣрка заснуть и перестать дѣйствовать. Когда же звѣрокъ уже болѣе величиною и на примѣръ съ хомяка: тогда дѣйствуетъ уже онъ не сравненно сильнѣе и въ состояніи гораздо скорѣе принудить человека къ какому нибудь

будь свойственному себѣ дѣлу. Однако и тогда можно еще будетъ его безъ дальнаго труда преодолѣть, если только мы похощемъ. Правда, начальствующему звѣрку, по естѣ произволу хотя уже и множайшаго труда будетъ стоить, его принудить силою ко сну и къ уменьшенію, однако все еще онъ его одолѣть и имъ повелѣвать можетъ: и сіе даже до тѣхъ поръ покуда звѣрокъ не сравняется уже величиною своею противъ самаго его. Ибо надобно знать, что и самой сей желаній нашихъ повелитель имѣетъ опъ, части такоежъ свойство увеличиваться и уменьшаться и дѣлаться слабѣе и дюжѣе, хотя гораздо съ меньшею скоростію и способностію, нежели прочія и болѣе находящіяся въ одинакомъ состояніи и величинѣ. Для лучшаго усмотренія надобно намъ и ему какую нибудь примѣрную величину опредѣлить. И такъ пускай сей Генералъ звѣрокъ былъ бы величиною только со льва. Изъ сего не трудно уже усмотрѣть, что ему или лучше сказать самому человѣку до тѣхъ

толь-

только порѣ всѣми желаніями своими повелѣвать и по своему хотѣнію ими распоряжаться можно, покуда ни которое изъ нихъ величиною своею не превзойдетъ величины льва. Какъ скоро которое нибудь сравняется съ нимъ, тогда льву хотя и можно такого звѣрка преодолѣть, однако уже не добромъ, а силою и принужденіемъ. Таковой звѣрокъ дѣлается уже нѣкоторымъ образомъ подобенъ бунтовщикамъ и мясешникамъ и не много смотритъ на повелѣніе своего начальника: но возгордясь хочетъ уже самъ быть большимъ и сдѣлаться надъ всѣми повелителемъ, и левъ или произволъ принужденъ уже съ нимъ драться и силою принуждать къ чему надобно. Но все сіе не составляетъ еще дальней важности. Звѣрокъ находится еще въ опредѣленномъ своемъ мѣстѣ и сидитъ какъ въ назначенной канурѣ или будкѣ на цѣпи; слѣдовательно произволъ хотя съ трудомъ, а можетъ его преодолѣть. Но какъ скоро звѣрокъ сдѣлается уже гораздо болѣе льва и на примѣръ съ медвѣдя или барса, тогда

полу-

получаетъ онъ великую перемѣну. Онъ выдирается изъ своей кануры, гдѣ за величиною своею умѣститься не можетъ, срывается силою своею съ цѣпи и дѣлается уже явнымъ бунтовщикомъ и такимъ беспокойнымъ мяшежникомъ, съ которымъ уже и левъ сладить не можетъ. Ибо онъ прошивъ его сдѣлается уже безсиленъ, но звѣрокъ похищаетъ у него власъ и начинаетъ уже по своему хотѣнію повелѣвать и властвовать надъ прочими хотѣніями и желаніями. Однимъ словомъ вся республика звѣрей и птицъ получаетъ тогда иной видъ и приходитъ въ превеликой безпорядокъ и замѣшательство, которое шѣмъ бываетъ больше, чѣмъ безсмысленнѣе и глупѣе шонъ звѣрь, которому симъ образомъ увеличиться и верховную власъ беззаконно получишь случится. И тогда собственно получаетъ такой звѣрь имя Господствующей спрасти и владычествуешъ надъ всею душою, а вкупѣ надъ всѣмъ человекомъ, то есть угнѣщаетъ въ немъ всѣ другія склонности и желанія, кои его меньше, не даетъ имъ

имѢ не только дѣйствовать, но и въ появѢ появившися, и принуждаешѢ по неволѢ человѣка то только одно наиболѣе дѣлать, къ чему онѢ спремится. И тогда не успѣешѢ такой сильной звѣрь проснушся, какѢ не можешѢ уже человѣкѢ его преодолюшѢ, но дѣлаешѢ и предпринимаешѢ то, что къ насыщенію той спраси служишѢ. И несчастливѢ томѢ человѣкѢ, въ копоромѢ много такихѢ господствующихѢ бунтовщиковѢ находилсѧ!

ВотѢ произхожденіе спрасей нашихѢ! Однако не должно думать, чшобѢ сіе зло воя было не излѣчно, но естѢ средства, копорыми и такое сильное и слишкомѢ увеличившееся спремленіе низложилѢ, и когда не совсѣмѢ истребилѢ, такѢ до того доведешѢ можно, чшобѢ оно состояло въ повелѣніи у свободности или нашего произвола. Нужно только человѣку швердое приняшѢ намѣреніе и приступивѢ къ тому какѢ надобно наблюдать нѣкія особыя правила. Но было бы сѢ слишкомѢ пространно, естѢлибѢ

хо

хотѣлъ я теперь о томъ въ пространствѣ говорить. Въпереди будетъ къ тому наилучшей случай; чего ради оставляю по до того времени.

10.

Десятое и великагожѣ примѣчанія достойное свойство нашихъ желаній состоитъ въ томъ, что изъ одного желанія могутъ другія желанія происходить или родиться. Ежели изъяснить сіе пою же Аллегорією: то можно сказать, что часто помянутые звѣрки имѣютъ свойство рождаютъ отъ себя дѣшей, внучатъ и правнучатъ и шѣмъ размножатъ родъ свой въ великомъ множествѣ. Многимъ покажется сіе смѣшно и удивительно, однако это справедливо и примѣчанія доказываютъ намъ почти очевидно, что многія желанія происходятъ отъ другихъ, тѣ отъ прѣшнихъ и такъ далѣе, покуда дойдемъ до первоначальныхъ или самыхъ матерій, которыя вмѣстѣ съ нами уже родятся и ни отъ какихъ другихъ не происходятъ и для того въ опмѣну другимъ на-

званы Коренными Спремишельствами. Таковыхъ начальныхъ или природныхъ желаній или звѣрковъ въ насъ очень мало, а большая часть уже послѣ родившихся или всякой день вновь раждающихся. Какія они, о томъ буду я говорить послѣ, а теперь только скажу, что въ разсужденіи рожденія оныхъ и другихъ касающихся до нихъ обшояшельствъ примѣчается нѣсколько весьма достопамятныхъ вещей, а именно :

1.) Рожденіе новыхъ желаній происходитъ не прежде какъ въ то время, когда старое желаніе или звѣрокъ послучаю получишь уже довольноую величину, а когда еще малъ, тогда онъ къ тому не способенъ. И такъ всякому желанію надобно сдѣлаться напередъ великому, буде хотѣшь, чтобъ онъ производилъ дѣшей.

2.) Чѣмъ больше звѣрокъ, тѣмъ множайшихъ можешь онъ и дѣшей производить, однако не болѣе сколько имъ натура опредѣлила.

3.) Сіи рожденные звѣрки или изъ другихъ произшедшія желанія, пипающія сначала своею маперью и вмѣстѣ съ нею совокупающѣ свое дѣйствіе, но послѣ отдѣляющіяся отъ ней, начинающѣ собственное хозяйство и дѣйствіе и дѣлающія сами способными къ произведенію дѣшей, а первымъ внушашѣ, о копорыхъ тоже разумѣется, что и о первыхъ. Изъ чего легко можно заключишѣ, что отъ одного природнаго усилившагося спремишельства или звѣрка можешѣ произойтишѣ цѣлая фамилія звѣрковъ или желаній и отъ самаго того въ душѣ бываетѣ ихъ не сменное множесство.

4.) Примѣчанія доспойно, что между всѣми симъ образомъ произшедшими отъ одного начальнаго звѣрка желаніями или звѣрками находится равно какъ нѣкой союзъ родства и дружества. Они наблюдающѣ между собою порядокъ и согласіе и младшіе соспоющѣ всегда въ повиновеніи у старшихъ; а особливо когда они живутѣ еще вмѣстѣ съ оными и сами новыми

начальниками фамилей не сдѣлались, и рѣдко случается, чтобъ между произшедшими отъ одного праотца потомками происходили ссоры и вражды, а чаще то, что многія изъ нихъ совокупно и попеременно дѣйствуютъ и въ работѣ своей другъ другу помогаютъ: равно какъ въ случаѣ естли у какаго звѣрка сдѣлается съ какимъ звѣркомъ изъ другой фамиліи или семейства ссора и вражда: то какъ родственники споятъ другъ за друга и помогаютъ ему одолѣвать противника. Сіе придаетъ имъ много силы, а особливо когда сіе съ худыми случится и отъ самаго того и происходитъ, что они скорѣе побѣждаютъ, нежели побѣждаемы бытъ могутъ.

5.) Не менѣе примѣчанія достойно и то, что они имѣютъ все между собою взаимную любовь и какъ матери любятъ дѣшей, внучатъ и правнучатъ, такъ и сіи внучата своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадедовъ. Сія любовь приноситъ то уже съ собою, что все они въ переменныхъ состояніяхъ другаго принимаютъ нѣко-
шорое

порое учаспіе. То естъ, когда одному кошорому нибудь уdasся насы-
 шиться, то радуясь и веселясь
 и всѣ ближніе его родспвенники, а
 когда случись оскорблену и раздра-
 жену бышь: то и всѣ горюють о
 томъ и печалясь. Изъ сего не тру-
 дно уже усмотрѣть какъ то; отъ чего
 иногда печали наши бывають столь
 сильны а радости велики; ибо въ та-
 кихъ случаяхъ не только одному, но
 многимъ желаніямъ вдругъ дѣлается
 удовольствіе: такъ и то, отъ чего ра-
 доси и печали наши бывають не
 долговременны. Ибо натурально изъ
 шакого множества желаній не мож-
 но, чшобъ всѣ могли удовольствуе-
 мы бышь, и ни когдабъ ни кошорому
 изъ нихъ не дѣлалось досады; и такъ
 хотя бы одному или нѣсколькимъ и
 сдѣлалось удовольствіе, такъ воспослѣ-
 довавшее вскорѣ пошомъ многимъ
 оскорбленіе прежнюю радость и веселіе
 уменьшивъ долженствуетъ, равно какъ
 и сдѣланная однимъ досада, удоволь-
 ствіемъ другихъ въ скоромъ времени
 уменьшаема бываетъ.

6.) Но всего вышеупомянушаго еще не довольно. Сколько произведенные звѣрки связаны между собою союзомъ любви и дружества, столькожъ или болѣе любящъ они всѣ главнаго своего праошца и почитающъ его какъ отца и главнаго надъ собою начальника и состоящъ всегда у него въ повелѣнїи. Что касается до него, то и онъ соопвѣтствувешъ имъ равномѣрнымъ образомъ и не только всѣхъ ихъ любитъ, но во всякое время спарается ихъ защищать и помогать имъ, такъ сказать, до послѣдней капли крови. Сїя обоюдная ихъ любовь приноситъ уже съ собою то слѣдствїе, что благоденствїе и злополучїе дѣшей зависитъ всегда отъ благоденствїя или злополучїя семѣйствъ ихъ начальника. Ибо какъ скоро сей праошецъ ихъ великъ и имѣетъ власть, то и они всѣ у него равно какъ подъ крыломъ и не бояща никакихъ напасей; ибо хотя бы которому нибудь изъ потомковъ и случилось какое зло, на примѣръ оно былобъ угнѣшено, то есть изъ великаго малымъ сдѣлано, илибъ опията у него

команда, такъ праошецъ постарается тошчасъ опять привести его въ прежнее состояніе и опять вспоможеніемъ своимъ увеличить, буде только самъ онъ находится въ силахъ. Но какъ скоро самое коренное желаніе или ихъ праошецъ апакованъ и уменьшенъ будетъ: тогда и всѣ они безъ него опѣшеютъ, и равно какъ лишившись своего начальника и покровителя приходящъ въ уныніе, неспроеніе и въ малодушіе, и не только не могутъ уже съ такою живностію дѣйствовать, но теряютъ много а иногда совсѣмъ всю величину свою и вмѣстѣ съ нимъ погружаются въ крѣпкой сонъ. Изъ сего явствуетъ, что угнѣщеніе начальныхъ или, такъ сказать, коренныхъ стремительствъ несказанно важнѣе угнѣщенія малыхъ или отъ него произшедшихъ желаній. Въ семъ случаѣ, можно сказать, опрубаются только не большія вѣточки съ дерева, копорыя не преминутъ опять тошчасъ вырастъ, а въ первомъ опрубаются, или повреждаются цѣлой большой сукъ съ дерева, съ которымъ малыя вѣшви уже сами оп-

падаютъ. Вошъ причина, отъ чего въ пороки погрузившемуся и исправивъ себя желающему человѣку то весьма мало пользуетъ, естли онъ временно и только отъ малыхъ своихъ и неважныхъ худыхъ привычекъ опущаетъ себя спанетъ, а о загражденіи самаго источника или уменьшеніи самаго главного стремительства помышляеть не спанетъ. Ежели сравнишь душу съ колодеземъ, а желанія съ разными ручьями изъ него произтекающими и паки на многіе другіе и малые ручейки раздѣляющимися, то въ семъ случаѣ можно уподобишь такого человѣка малому рабенку, спарающемуся унять теченіе воды запруживаніемъ прудковъ на самыхъ дальнихъ и малыхъ ручейкахъ, вмѣсто того, чтобъ ему заградить воду въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ она изъ колодезя вытекаетъ; въ которомъ случаѣ всѣ прочіе ручейки сами бы обсохли.

II.

Кромѣ всего вышеписаннаго примѣчается еще очень важное въ разсужденіи

ніи желаній нашихъ обстоятельство
или свойство; а именно, что многія
изъ нихъ могутъ дѣлаться аффектами,
или воспаляющимися пристрастіями.
Чтобъ изъяснить сіе удобопонятнѣе,
то я возьму прибѣжище мое къ той
же аллегоріи и для изъясненія скажу,
что между всѣмъ множествомъ обита-
ющихъ въ душѣ нашей звѣрковъ есть
нѣкоторые особаго отъ прочихъ свой-
ства состоящаго въ томъ, что въ слу-
чаѣ разбуженія могутъ они вдругъ
и съ превеликою скоропоспѣжностію
увеличиться и изъ маленькихъ сдѣла-
ться превеликими, напримѣръ изъ мушки
въ одинъ почти мигъ съ собаку или
лошадь или самага слона и вспых-
нуть какъ порохъ. Сихъ звѣрковъ мо-
жно уподобить люшымъ какимъ ни-
будь звѣрямъ или гадамъ, напримѣръ
барсамъ, крокодиламъ, аспидамъ, риноце-
рамъ и тому подобнымъ тѣмъ наипаче,
что они очень не угомонны и когда по
несчастію сорвутся съ цѣпей своихъ, то
приводятъ всѣхъ звѣрковъ и ппичекъ
въ каютъ или мысли и желанія въ
душѣ въ превеликое и шакое нестрое-

ніе и замѣшательство, что не рѣдко нарушается весь порядокъ и происекающъ отъ того великія и часто опасныя для всего человѣка слѣдствія и повреждающъ все его здоровье или иногда въ одинъ мигъ лишаютъ жизни. Все сіе доказываетъ, что сей родъ опасныхъ звѣрковъ можно почестъ внутренними и опаснѣйшими нашими врагами и злодѣями; и для того колько можно отъ разбуживанія злѣйшихъ изъ нихъ осперегаться. Сего не можно будетъ прежде учинить, покуда не позначимся мы съ ними нѣсколько ближе и не узнаемъ подробнѣйшихъ касающихся до нихъ обстоятельствъ. И такъ о сихъ не угомонныхъ звѣркахъ надобно въ особливости примѣчать слѣдующее.

1) Разбужаются они также мыслями или пшичками какъ и прочія желанія или звѣрки.

2) Проснувшись хотя они и скоро увеличиваются, однако не во всѣхъ человѣкахъ съ одинакою скороспію. Но
въ

въ иныхъ скорѣе, въ иныхъ медлѣннѣе да и между собою въ семъ случаѣ нѣсколько различны.

3) Увеличиваются они поспешенно, а не вдругъ дѣлаются большими, то есть, не вдругъ дѣлаются съ слоновъ, а сперва изъ мушки въ пчелку, тамъ съ пшичку, кошку, собаку, медвѣдя, и такъ далѣе, хотя сіе происходитъ скоропоспѣжно.

4) Сіе увеличиваніе умножается шѣмъ скорѣе, чѣмъ спановаятся они болѣе, а покуда они малы, до шѣхъ поръ увеличиваются медлѣннѣе.

5) Способность къ скорѣйшему увеличенію дѣлается шѣмъ болѣе, чѣмъ чаще они разбуждаются, а чѣмъ прежде они будутъ просыпаться, шѣмъ лѣннѣе спановаятся и шѣмъ съ меньшею способностію могутъ вспламеняться и увеличиваться.

6) Во время увеличиванія своего до шѣхъ поръ, равно какъ и прочія желанія

ланія состоятъ они подъ властію общаго своего Генерала или Произвола, покуда они величиною своею не превзойдутъ величину онаго. А превзойшедъ его величину и сорвавшись, такъ сказать, съ цѣпи, выбиваются изъ подъ его власти и получаютъ надъ всѣмъ каюшомъ такое господствіе, что всѣ звѣрки и пшички и самые главные начальники принуждены уже предъ ними пашевать и хорониться въ щели.

7) Таковое зло было бы весьма для человѣка вредительно, естълибъ натура не сдѣлала уже напередъ нѣкотораго опъ того лекарства, снабдивъ ихъ другимъ и много не угомонной ихъ нравъ побѣждающимъ свойствомъ, состоящимъ въ томъ, что они не могутъ уже долго быть въ одинакомъ величины своей состояніи, но побывъ нѣсколько времени и смотря по различію обстоятельствъ долѣе или короче въ своихъ пыхахъ, начинаютъ мало по малу опять уменьшаться и сдѣлавшись по прежнему съ пчелку или мушку, засыпаютъ и успокоиваются.

ВЪ

Въ которое время возстановляется въ душѣ опять прежней порядокъ. Можно сказать, что сіе великое для насъ уже спасеніе, а безъ того погибшіе бы мы были люди: по чему желалъ бы я, чтобъ сіе обстоятельство вы, дорогой чинашель, въ особливости замѣтили, шѣмъ паче, что въпереди до него часто будетъ доходить дѣло.

8) Еще примѣчается за ними то, что неугомонность сихъ мяшежниковъ такъ велика, что они не только сами собственными своими пшичками разбужающся, но такъ чудки, что иногда самая бездѣлица и совсѣмъ поспороннія и другимъ звѣркамъ свойственныя пшички или мыши ихъ разбудить могутъ. Однимъ словомъ, они великіе охотники къ работѣ и готовы со всякимъ дѣйствующимъ звѣркомъ или желаніемъ просыпаясь соединять свое дѣйствіе и ему помогать.

9) Наконецъ примѣчается, что всѣ они двойкаго рода; одни изъ нихъ, такъ сказать, хорошія, а другія злыя и худыя

дья. Наиглавнѣйшія изъ хорошихъ извѣстны болѣе подъ именемъ 1. удивленія и 2. радости, а изъ злыхъ 3. страха или боязни 4. пуганія или ужаса 5. гнѣва или вспыльчивости съ своими опродіями; какъ то любомѣсія, ревности и прочее, 6. печали съ своими опродіями, какъ то горести, унынія и прочее, 7. поски или шренеша, 8. опчаянія и нѣкопрыхъ другихъ. О чемъ о всемъ послѣ въ приличнѣйшемъ мѣстѣ, равно какъ и о возможномъ преодолеваніи оныхъ, упомяну я подробнѣе.

Сіи то одиннаццать свойствъ желаній нашихъ суть наиболѣе примѣчанія достойны, прочія же уже не столь важны; чего ради упомяну я объ нихъ только вскользь.

12.

Двенадцатое свойство желаній, или звѣрковъ нашихъ состоишь въ томъ, что дѣйствія ихъ не во всѣхъ челоѣкахъ одинакихъ совершенствъ, но у однихъ они дѣйствуютъ живѣе и могутъ скорѣе увеличиваться, а у дру-

другихъ лѣвнѣе и увеличиваются медлѣннѣе. У однихъ они сильнѣе и непреоборимѣе, а у другихъ не таковы сильны и могущъ съ меньшимъ трудомъ одолѣваемы и уменьшаемы бытъ. У однихъ дѣйствіе и величина ихъ длится долѣе, а у иныхъ короче. А опъ всего того и произшекаетъ разноша человѣческихъ нравовъ, или такъ называемыхъ душевныхъ темпераментовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сангвинической, Холерической, Меланхолической и Флегматической и смѣшанной изъ всѣхъ ихъ, или изъ нѣкоторыхъ изъ оныхъ напуры; но о чемъ для шѣсношы мѣста въ подробности говорить я ославляю.

13.

Тринашцатое свойство желаній нашихъ состоишь въ томъ, что каждое желаніе спремяся къ вещи, спремится вкупѣ и къ средствамъ, чрезъ копорыя шу вещь получить можно. Напримѣръ человѣкъ желая бытъ въ Москвѣ, или въ Петербургѣ имѣетъ вкупѣ желаніе и къ ѣздѣ шуда, какъ къ средству.

14.

Четырнаццатое свойство извѣстно подѣ именемъ Мужества, или Великодушія и состоишь въ способности къ легчайшему преодолеванію случающихся препонъ и трудностей при насыщеніи желаній нашихъ; чему противопоставляется Малодушіе и Трусливость. Оно также не во всѣхъ челоуѣкахъ одинаково.

15.

Пятнаццатое свойство желаній нашихъ состоишь въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ при дѣйствіи своемъ производяшь во внутренности и наружности нашего тѣла нѣкоторыя переменны. Какъ на примѣръ радость, скорое движеніе крови, а иногда пріятныя слезы и смѣхъ, гнѣвъ, изпеченіе желчи изъ его пузыря и опъ того происходящія во всей внутренности и наружности лица чувствуемая и видимыя переменны, пуганіе, шрепешаніе сердца, печаль, слезы и вздохи и такъ далѣе.

16.

Шестнадцатое свойство желаній нашихъ состоишь въ томъ, что всякое изъ нихъ хочетъ имѣть о вещахъ, къ которымъ спремится, яснѣйшее понятіе. То есть, всякой звѣрокъ любитъ, чтобъ помогали ему въ дѣйствіи множайшее число пшичекъ, и какъ можно лучше пѣніемъ своимъ означали ему ту вещь, къ которой онъ спремится; для которой причины и дана имъ способность разбужать пшичекъ и приумножать количество работающихъ.

17.

Семнадцатое свойство желаній нашихъ состоишь въ томъ, что всякой звѣрокъ любитъ, такъ сказать, свою жизнь и хочетъ быть въ цѣлости, то есть спремится къ своему бытію, безъ чего натурально ему дѣйствовать не можно. Отъ сего то свойства и происходитъ то общее всѣмъ человѣкамъ и безпредѣльное желаніе и любовь къ жизни; также и то, что

мы хопимъ жиць безконечно и когда умремъ, такъ чѣобъ и имя наше было живо. Свойство сіе составляетъ великую важность и доказываетъ намъ безсмертіе души нашей.

18.

Осьмнаццатое свойство желаній нашихъ есть то, что всѣ они стремятся не только къ настоящему, но и къ будущему. То есть, всякой звѣрокъ имѣетъ желаніе, чѣобъ желаемую вещь не только нынѣ, но и впредь получить было возможно. Отъ сего то происходитъ общее во всѣхъ насъ и столь великое къ предбудущимъ вещамъ желаніе.

19.

Девятоенадесять свойство нашихъ желаній состоитъ въ томъ, что всякое стремится къ возможности желаемой вещи, то есть, всякой звѣрокъ желаетъ, чѣобъ полученіе той вещи, копорою онъ насыщается, было и возможно. Отъ того происходитъ
склон-

склонность наша пользоваться случаями къ исполненію своихъ желаній: также и то, что мы имѣемъ обращеніе и опѣ возможности могущаго случиться намъ зла, или желаніямъ нашимъ прошиводѣствія.

20.

Наконецъ двадцатое свойство желаній нашихъ извѣстно подѣ именемъ такъ называемаго Нравственнаго, или лучше сказать Душевнаго вкуса. Для изъясненія сего долженъ я слѣдующей же Аллегоріи сказать, что всѣ упомянутые звѣрки имѣютъ равно какъ чувство вкуса и могутъ разбирать, что для нихъ пріятнѣе и лучше другихъ вещей. Опѣ того самого происходитъ, что о всѣхъ дѣлахъ въ свѣтѣ не всѣ люди одинакихъ, но разныхъ бывають мыслей, но обыкновенно одна и самая тажъ вещь однимъ кажется лучше, а другимъ хуже; иные находятъ въ томъ, а иные въ другомъ пріятность. Впрочемъ о семъ душевномъ вкусѣ примѣчается то, что онъ бываетъ иногда

хорошъ, иногда испорченъ и поршишся такъ, какъ тѣлесной нашъ опъ частаго и развратнаго употребленія какой вещи, и что также его поршить и исправлять можно. Наконецъ сіе свойство потому наиболѣе примѣчанія достойно, что опъ самаго того и прискучивающъ намъ опъ долговременнаго и частаго употребленія такіа вещи, которыми съ начала мы очень веселились, а прошивныя вещи со временемъ бывающъ сносными.

Сіи суть разныя и наизнаиѣшія свойства желаній нашихъ. Всѣ они достойны примѣчанія тѣмъ паче, что въ послѣдствіи сей книги при многихъ случаяхъ надобность будетъ ссыласться на оныя. Но какъ число ихъ не мало и они чашаею легко могутъ быть позабыты: то не за излишнее почелъ я для лучшаго напоминанія сдѣлать имъ при семъ сокращенной реестръ въ не многихъ строкахъ состоящей. Они суть слѣдующія: а именно.

Всѣ желанія наши :

1. Могутъ спать и разбужаемы быть.
2. Отъ напущуры голодни и хотятъ и могутъ насыщаемы быть.
3. Ненавидятъ прошивнаго и могутъ оскорбляемы быть.
4. Могутъ успокоеваемы или усмиряемы быть.
5. Спремятся къ веселію и благопо-
чію.
6. Хотятъ быть въ дѣлѣ и рабо-
тають.
7. Не любятъ трудиться тщетно.
8. Изъ добрыхъ могутъ дѣлаться не-
годными.
9. Могутъ увеличиваться и уменьшаться привычками.
10. Могутъ производить другія жела-
нія отъ себя.
11. Могутъ воспаляются и дѣлаются
пристрастіями.
12. Не во всѣхъ человѣкахъ одинакихъ
совершенствѣ.
13. Спремятся къ вещи спремятся вкупѣ и къ средствамъ.

14. Имѣютъ разную степень мужества.
15. Производятъ нѣкоторыя переменны въ плѣ.
16. Стремятся къ ясному о вещахъ пониманію.
17. Хотящъ быть цѣлы и имѣть свое бытіе.
18. Стремятся къ будущему.
19. Стремятся къ возможности вещи, или предмета.
20. Имѣютъ вкусъ и опъ того про-
испекающъ разные душевные вкусы.

Вотъ все, что намѣренъ я былъ о существѣ и свойствахъ нашихъ желаній, равно какъ и объ общемъ расположеніи между ними и мыслями нашими сказать, и сего на шеперешней случай будетъ довольно. Теперь не знаю не наскучилъ ли я вамъ, дорогой читатель, своимъ враньемъ и болшаньемъ, и не сочтешели вы все вышеговоренное совсѣмъ — излишнимъ и постороннимъ дѣломъ. Также угоднали вамъ, или не угодна моя Аллегорія и изобрѣ-
шенное мною сравненіе мыслей нашихъ
сб

съ ппичами; а желаній съ звѣрками. Въ обоихъ случаяхъ прошу меня извинить и быть увѣренными, что я все сіе не для чего инаго дѣлалъ, какъ для произведенія вамъ существишельнѣйшей пользы. Ибо не знавъ въ подробности свойствъ желаній нашихъ и сопряженія ихъ съ мыслями и другими силами души, и не получивъ о томъ сколько можно яснѣйшаго понятія, не можно будетъ вамъ съ хорошимъ успѣхомъ созидать духовное зданіе благополучія вашего, кое, какъ прежде я уже довольно упомянулъ, отъ частѣйшаго насыщенія ихъ зависить. Равно какъ не можно Архитектору съ хорошимъ успѣхомъ прочнаго вещественнаго зданія созидать, если онъ о нащурѣ и качествахъ матеріаловъ не будетъ имѣть достаточнаго свѣденія. А что я объ нихъ какъ о звѣркахъ говорилъ: то не уповаю я, чтобы вы не могли изъ всего предсѣдующаго сами усмотрѣть, что я далеко отъ того удаленъ, чтобы ихъ въ самомъ дѣлѣ почищать живыми звѣрками: но что подъ симъ уподо-

бленіемъ говорилъ я для поданія вамъ объ нихъ лучшаго и удобнѣйшаго понятія, а особливо такимъ читателямъ, которые можетъ бы не въ состояніи были понимать всѣ сіи философическія истинны, естлибъ я объ нихъ обыкновенными глубокаго размышленія и тонкаго понятія пребующими философическими словами говорилъ, и не одѣлъ бы сіи душевныя и невещественныя силы и дѣйствія силъ въ пшиче и звѣриное плашье. Не всѣ читатели мои могутъ быть Философы, и безъ скуки читать тонкія философическія разсужденія, а шѣмъ меньше во всей обширности понимать и помнить оныя. И такъ надѣюсь, что все выше упомянутое мнѣ, какъ теперь благосклонно опущено будетъ, такъ и впредь опустится, естли я сію же Аллегорію иногда напоминая, такимъ же образомъ нужное изъяснять буду.

Я окончу сіе прошивъ чаянія моего увеличившееся разсужденіе слѣдующими не многими примѣчаніями.

Во первыхъ : изъ всего вышеупомянушаго надѣюсь могли вы , дорогой чипашель, сами усмотрѣть , что и въ усмотреніи неизвѣстной внутренности души нашей является такой же чудной или еще удивленія достойнѣйшей порядокъ , какой и во всѣхъ прочихъ въ точность далеко намъ не постижимыхъ дѣлахъ великаго Создателя нашего видимъ. Теперь признаться надобно , что о душѣ нашей мы еще очень малое знаемъ , и всѣ вышеговоренныя и Аллегоріею изъясненныя вещи извлечены только изъ примѣчаемыхъ нами ея дѣйствій , копорымъ мы довольно надивисься не можемъ. А какія бы чудеса увидѣли можеть бысть мы , естлибъ могли когда нибудь въ самомъ дѣлѣ заглянуть во внутреннее устройство оной, кошорое намъ совсѣмъ не извѣстно.

Во вторыхъ : изъ предсѣдующаго изъясненія многоразличныхъ свойствъ желаній нашихъ не будетъ трудно вамъ самимъ, дорогой чипашель, отъ части уже усмотрѣть , какимъ обра-

зомъ и чѣмъ желанія намъ въ себѣ производишь, увеличивать, также уменьшая и угнѣщая можно. А именно: когда каждое желаніе наше или звѣрокъ разбужается ппичками или мыслями; увеличивається опѣ частаго просыпанія и повторенія своего дѣйствія; одолѣвается произволомъ и разумомъ и не можетъ дѣйствовать, когда не будетъ дѣйствія мыслей: то не трудно уже заключать, что всю важность составляющѣ помянутыя ппички или мысли; также обѣ значнѣйшія силы нашей души разумъ и произволь и извлечъ слѣдующія четыре общія и генеральныя правила.

1) Хотимъ когда мы возбудишь въ себѣ какое желаніе: то надобно стараться производишь въ себѣ о той вещи живѣйшія мысли, къ которой то желаніе спремитъя долженствуешь; или разбудишь напередъ поболѣе приличныхъ ппичекъ, опѣ чего проснешся уже и самъ звѣрокъ. О правилахъ припомъ употребляемыхъ упомяну я при другихъ случаяхъ.

2) Хотимъ когда мы увеличимъ какое желаніе: но надобно только почаще его разбужать и давая ему свободу долѣ дѣйствовать.

3) Хотимъ когда мы уменьшимъ въ себѣ какое увеличившееся желаніе: но надобно только стараться о томъ, чтобъ оно рѣже просыпалось, но какъ можно долѣ и болѣ спало, а когда проснется, чтобъ меньше дѣйствовало, отъ чего уменьшился оно само собою.

4) Хотимъ когда мы, чтобъ проснувшееся желаніе скорѣе опять заснуло и меньше имѣло времени увеличиваться: но нужно только скорѣе помощію произвола прогнать изъ головы о той вещи мысли; но есть основаніе и принудить заснуть пшичекъ перемѣнивъ ихъ другими: но заснешъ звѣрокъ потишася самъ собою; ибо безъ пшичекъ или мыслей дѣйствовать не можешъ.

Вотъ общія и въ не многихъ словахъ состоящія, однако не смотря на то

то наивеличайшаго примѣчанія достойныя правила. Сами вы видите, что на нихъ, какъ на четырехъ столбахъ, оснуется все зданіе искомаго благополучія, и припомъ легче можете заключить, что онъ дальнѣйшаго изъясненія достойны. Однако сего за тѣснопою предъловъ сего разсужденія учинишь мнѣ теперь не можно. Чего ради скажу только сіе, что хотя все вышеупомянутое зависишь отъ нашихъ мыслей, мысли же наши состоятъ въ нашей власи и подвержены власи разума и произвола и мы ихъ всегда когда хошимъ возбуждашь и прогоняшь можемъ: однако не сморя на то, есть еще очень много нужнаго, о чемъ въ разсужденіи сего пункта въ подробности знашь не обходимо надобно; но о чемъ упомяну я впереди, когда о истребленіи нравственнаго зла въ X. разсужденіи говоришь буду, гдѣ о томъ и сморѣшь надобно. Теперь же по порядку надобно мнѣ къ поименному изчисленію находящихся въ душѣ нашей знанѣйшихъ желаній присту-
пить, и вамъ, дорогой читатель, ша-
кимъ

кимъ же образомъ разскажутъ, какія собственно находящіяся въ насъ желанія и въ какомъ они между собою содержаніи, какимъ я теперь объ общихъ до всѣхъ ихъ касающихся обстоятельстввахъ говорилъ, и чрезъ то съ ними и съ душою еще ближе познакомить.

РАЗСУЖДЕНИЕ VI.

*О начальныхъ и прожденныхъ желаніяхъ
и о происходящихъ отъ нихъ другихъ
желаніяхъ.*

При исканіи благополучія того еще очень не довольно, когда мы будемъ только знать, какого существа наши желанія, какія они имѣютъ свойства и чѣмъ могутъ возбуждаемы, сокращаемы и угнѣбаемы быть: но не меньше того и то знать поребно, какія бы собственно сіи желанія были, а особливо наиглавнѣйшія и тѣ, отъ которыхъ прочія какъ отъ матерей имѣютъ свое происхожденіе, и которыхъ увеличиваніе или уменьшеніе несравненно важнѣе прочихъ. Безъ сего знанія не можемъ мы прямо приступить къ исканію своего благополучія

чія и ожидать ошѣ стараній своихъ
хорошаго успѣха.

Для сей причины за необходимое
почелъ я и сей пунктъ не упустишь
изъ моего примѣчанія и постараюсь
упомянуть и объ немъ хотя вкратцѣ
но по крайней мѣрѣ сколько къ намѣ-
ренію моему необходимо надобно. Ибо
обстоятельное разобраніе сей матеріи
по пространству своему далеко не мо-
жетъ вмѣщено быть въ предѣлы сего
сочиненія.

Такимъ образомъ надобно знать,
что не всѣ желанія наши происходятъ
отъ другихъ, но самое сіе въ пред-
сѣдующемъ разсужденіи упомянутое
и изъясненное ихъ свойство, прино-
ситъ съ собою уже по послѣдствіе,
что порядку сихъ другъ отъ друга
родящихся желаній не можно быть
безконечному и пошому надобно быть
первымъ, которыя бы ни отъ какихъ
другихъ уже не происходили, но
врождены бы были въ нашу душу. Та-
ковыя врожденные желанія можно по
спра-

справедливости назвать Коренными, пошому что прочія отъ нихъ, какъ отъ кореньевъ имѣющъ свое происхожденіе.

Но прежде нежели скажу, какія бы собствѣнно сіи врожденныя или коренныя желанія были, надобно мнѣ включишь сюда слѣдующія при примѣчанія. Во первыхъ, что сіи главныя коренныя желанія суть всѣмъ человѣкамъ общія и нѣтъ такого человѣка, кошорой бы не имѣлъ оныхъ; пошому что мы всѣ съ ними уже родимся. Во вторыхъ, что они въ самомъ началѣ и происхожденіи своемъ добрыя, а не худыя. Въ третъихъ, что они двоякія; одни изъ нихъ свойственны только человѣкамъ и пошому называющся Человѣческими, а другія у насъ общія съ другими животными, то есть такія, какія есть и у насъ и какія пошному имѣющъ и скопы и прочія животныя. По чему особливо предъ первыми и называющся они обыкновенно Скопскими коренными желаніями или спремительствами. Кошорое различіе великаго примѣчанія достойно.

Мы начнемъ теперь съ первыхъ, то есть, съ человѣческихъ. Число сихъ примѣчаній найдостойнѣйшихъ коренныхъ и врожденныхъ въ насъ стремительствъ весьма не велико. Ихъ всего только три. Но я сожалею, что не имѣютъ они такого общаго названія, которое бы могло подать объ нихъ всякому понятіе. Можетъ быть происходитъ сіе отъ того, что рѣдкіе доходили до познанія и примѣчанія оныхъ. По которой причинѣ и принужденъ я ихъ такъ назвать, какъ называютъ ихъ Философы.

I.

Первое человѣческое коренное желаніе есть стремленіе, или склонность къ собственному нашему совершенству, или желаніе видѣть состояніе свое въ надлежащемъ совершенствѣ и оное отъ часу совершеннѣе дѣлать. Сила сего стремленія побуждаетъ насъ желать и дѣлать все то, чрезъ что думаемъ и надѣемся мы привесть самихъ себя въ совершеннѣйшее состояніе, не смотря какія бы то совершенства ни были,

Часть I. М суще-

существительныя, или побочныя и случайныя. Однимъ словомъ подъ симъ спремительствомъ разумѣется нѣкоторымъ образомъ собственная наша и всѣмъ челоѣкамъ свойственная къ самимъ себѣ любовь. А какъ о семъ спремительствѣ въпереди часто будетъ упоминашся, то для кратчайшаго выраженія назовемъ его просто спремительствомъ къ совершенствамъ.

Важное сіе природное спремительство производитъ отъ себя многія другія и различныя желанія, а отъ сихъ родяшся уже прешьи и такъ далѣе: но всѣ сіи произведенныя желанія, не во всѣхъ уже челоѣкахъ бывають въ одинакомъ множествѣ и величинѣ и могутъ почестся случайными. Наисобыкновеннѣйшія и извѣстнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія.

Во первыхъ желаніе приводитъ разумъ свой вълучшее совершенство, или имъ дѣйствовать. Отъ сегождъ желанія родяшся: 1.) желаніе, или охота наполнять колько можно множайши-

ми

ми понятіями, 2) желаніе чувствовашъ, 3) желаніе размышляшъ или охота къ выдумкамъ, 4) желаніе дѣлать заключенія, 5) желаніе испытывашъ причину вещей, и прочее. И какъ чрезъ все то можно дойти до познанія истинны: то всѣ оныя желанія можно вообще назвашъ стремленіемъ къ истинѣ, или истиннолюбіемъ; котораго стремительства примѣчанія доспѣвая частъ есть желаніе ясности. -- Впрочемъ когда помянутое истиннолюбіе собѣеся съ пущи, какъ то часто со всѣми желаніями бываетъ: то могутъ изъ него излишнее любопытство, суевѣріе, невѣріе и безчисленныя другія желанія родиться. -- Наконецъ какъ по причинѣ истиннолюбія намъ пріятно, когда мы находимъ въ чемъ истинну, или что нибудь по правиламъ и порядочно расположенное: то происходитъ отъ того между прочимъ охота къ разнымъ увеселительнымъ играмъ, къ стихотворству, музыкѣ и тому подобное.

Во вторыхъ отъ желанія совершенствъ родится желаніе поступать

согласно съ разумомъ, или всѣ свои дѣла такъ располагашъ, какъ предписываетъ разумъ; никакихъ же нелѣпостей и здорныхъ дѣлъ не дѣлалъ.

Въ претѣхъ ошъ желанія совершенствъ родилсѣ желаніе къ совершенству нашего шѣла. Какъ по къ силѣ, крѣпости и проворству членовъ и шѣлесныхъ упражненій, и такихъ художествъ и наукъ, которыя чрезъ употребленіе нашихъ членовъ производятся, какъ по охота къ пѣнію, писанію, игранію на инструментахъ и прочее тому подобное.

Въ четвѣртыхъ ошъ желанія совершенствъ родилсѣ желаніе къ вольности, какъ такого соспоянія, въ копоромъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ можнобъ намъ было слѣдовашъ своимъ разсудкамъ, а не распоряжашъ свои поступки по хотѣнію другихъ. А изъ сего желанія родилсѣ уже желанія къ власни, богашству, дружеству и чеспи; а изъ сего наконецъ желаніе наружныхъ признаковъ чеспи; напрімѣръ славѣ, хвалѣ,

высокимъ чинамъ и достоинствамъ, рангамъ, шишуламъ, племенамъ и прочее тому подобное.

Въ пятыхъ наконецъ отъ желанія совершенствъ родится желаніе пользоваться вещію всею; ибо съ совершенствомъ согласіе имѣть и пользоваться всею вещію, нежели одною частію оной. Сіе желаніе достойно великаго примѣчанія, пошому что въ случаѣ когда собѣтся съ пущи, то бываетъ поводомъ ко многимъ и величайшимъ дурачествамъ и упрямствамъ.

2.

Второе человѣческое коренное желаніе есть стремительство къ соединенію себя съ такими предметами, въ копорыхъ мы видимъ и примѣчаемъ совершенства, или въ нихъ онымъ быть думаемъ. Оно отъ перваго опмѣнно шѣмъ, что по силѣ перваго жееаемъ и ищемъ мы собственнаго своего совершенства и для своей пользы; а по силѣ сего соединенія съ совершен-

спвами желаемъ мы и безъ помышленія о себѣ и о пользѣ, копорую бы мы отъ того ожидашь и получишь себѣ могли, но единспвенно для того, что они совершенства суть. Коротко подъ симъ спремительспвомъ разумѣется вообще то общее и всѣмъ человѣкамъ свойственное отъ природы безкорыстное любленіе постороннихъ хорошихъ и совершенства въ себѣ имѣющихъ вещей. Почему для кратчайшаго выраженія и назовемъ его короче и простѣе спремленіемъ любовнымъ.

Отъ сего не менѣ важнаго кореннаго общаго спремительспва родятся также многія иныя, но такія желанія, копорыя не во всѣхъ человѣкахъ въ одинакомъ количествѣ и величинѣ, но случайными почестъся могутъ. Ибо какъ по силѣ сего спремленія мы со всякою такою вещью въ нѣкопкой союзѣ, или соединеніе вступимъ желаемъ, въ копкой мы находимъ и видимъ совершенство, или хорошее: то и происходитъ изъ онаго.

Во первыхъ, желаніе видѣть и смотрѣть на совершенное, или любоваться хорошими совершенными и прекрасными вещами, потому что сіе смотреніе составляетъ уже нѣкоторой родъ соединенія.

Во вторыхъ, желаніе совершенными вещами владѣть, ихъ употреблять и ими наслаждаться. Стремленіе сіе клонится къ обоимъ родамъ бываемыхъ въ вещахъ совершенствъ, то есть, къ такъ называемымъ умозрительнымъ и вещественнымъ. По чему отъ соединенія съ умозрительными совершенствами слѣдствиемъ бываетъ увеселеніе красою, пригожствомъ, украшеніемъ и убранствомъ вещей, а отъ соединенія съ обоими родами совершенствъ увеселеніе картинами, рисунками и живописью, прекраснымъ строеніемъ, садами, музыкою, стихотворствомъ, краснорѣчіемъ: и такъ далѣе.

Въ третьихъ, изъ всѣхъ происходящихъ отъ сего кореннаго стремительства желаній ни которое такъ

многого примѣчанія не заслуживаетъ, какъ стремленіе нравственной, или духовной любви; слѣдовательно его въ особливости въ разсужденіе принять надобно. Оно состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ такой склонности, или желаніи къ соединенію себя съ другими разумомъ одаренными духами и людьми, или къ такой безкорыстный и духовной любви къ нимъ, когда мы въ дѣлахъ ихъ такое участие беремъ, что все то, чего они хотятъ, или всѣ ихъ намѣренія не иначе какъ собственнo своими почитаемъ, стараемся имъ угождать и увеселяемся ихъ благополучіемъ безъ всякаго припомъ помышленія о собственной нашей пользѣ, но единственнo для примѣченныхъ въ нихъ совершенствъ. Легко можно усмотрѣть, что подъ симъ разумѣется существо самой числѣйшей духовной любви, которая имѣетъ слѣдующія свойства, а именно: 1.) что мы стараемся любимому нами симъ образомъ угождать, 2.) веселимся благополучіемъ его какъ своимъ собственнымъ, 3.) служимъ ему охотно и даромъ, 4.) ищемъ

вза-

взаимной опѣ него любви, 5.) хопимъ, чтобъ онъ былъ съ нами одного мнѣнія, 6.) стараемся быть ему подобными, 7.) любимъ съ нимъ разговаривать и охотно во всемъ ему уступаемъ, 8.) любимъ быть и находимся съ нимъ вмѣстѣ, 9.) охотно ему во всемъ вѣримъ. Однако любовь сію не должно смѣшивать съ любовью между опцами и дѣтьми, также и съ венерическою, а равномерно и съ самолюбіемъ, а наконецъ вообще съ шѣмъ знаменованіемъ, когда всякая склонность нѣкоторымъ образомъ любовію называется. Впрочемъ сія духовная любовь раздѣляется на чистую и нечистую, или корыстолобивую. А изъ стремленія къ соединенію съ совершенствами рождается склонность къ натуральному и природному человѣколюбію, или любленію всѣхъ человѣковъ.

3.

Третье человѣческое коренное стремленіе опмѣнно уже существомъ своимъ опѣ обоихъ предслѣдующихъ и по справедливости наивеличайшаго при-

мѣчанія достойно. Оно извѣстно подъ именемъ спремленія совѣснаго и требуетъ уже дальнѣйшаго изъясненія. Совѣсть не иное что есть, какъ разсужденіе о добрѣ и худѣ нашихъ дѣлъ, или такъ сказать мысленной пробильной оселокъ, на которомъ познается, согласныли наши дѣла съ закономъ Божескимъ, или ему прошивны. А совѣсное спремленіе, которое тому основаніемъ, есть природное всѣмъ намъ спремленіе, побуждающее насъ къ познанію и исполненію Божескаго нравственнаго закона; то есть понуждающее насъ Божескіе законы почитать правиломъ, по которому бы намъ всѣ свои дѣла изъ послушанія къ Богу, и для зависимости нашей отъ него распорядять, а въ прошивномъ случаѣ опасаться Божескаго наказанія. По которой причинѣ всякой разъ, когда мы то наблюдаемъ, сіе спремленіе насыщается и мы отъ того чувствуемъ наипрямнѣйшее увеселеніе, а когда не наблюдаемъ, то совѣсть наша насъ мучитъ и угрызаетъ. Впрочемъ быlobы съ лишкомъ пространно, еслибы

о важномъ семъ коренномъ стремленіи въ самой подробности говорить. Матерія сія съ лишкомъ тонка и не всякому удобопонятна. Чего ради я напомянувъ, что въ послѣдствіи сей книги при многихъ случаяхъ будетъ о томъ много упоминайся, то только шеперь скажу, что подъ симъ стремленіемъ можно разумѣть врожденную въ насъ склонность побуждающую насъ, равно какъ пружиною къ исполненію всего того, что Богу угодно, и къ должному Ему повиновенію и послушанію. Или короче: на сію склонность собственнѣю цѣлишь Священное писаніе, когда говоритъ, что законъ у насъ на сердцѣ написанъ.

Въ какомъ состояніи въ насъ стремленіе, о томъ говоритъ будетъ много; а только то скажу, что оно далеко не въ такомъ градусѣ величины, въ какомъ ему бытъ должно, но сбито съ пути; что и подало ученымъ поводъ совѣсть раздѣлять на разные роды: какъ то на досповѣрную и сомнительную, на правильную и заблуждающую,

шую, на предсѣдующую и послѣдующую, на худую и добрую. А состояніе сего спремленія раздѣлять на спящее и проснувшееся и такъ далѣе; но что въ подробности разсматривать предѣлы сего сочиненія мнѣ не позволяющъ.

Вошъ все, что до человѣческихъ коренныхъ спремительствъ принадлежишъ и о чемъ упомянушъ почелъ я за надобное. Теперь приступимъ къ скопскимъ, или такимъ, копорыя мы вмѣстѣ съ скошами и прочими живошными имѣемъ и копорыя натурально можно почестъ временными и одной только нынѣшней жизни свойственными. Пошому что они предметомъ себѣ имѣющъ вещи касающіяся только до скопской нашей натуры, а именно движенія, пропитанія, размноженіе своего роду и непосредственное чувственное наслажденіе шѣлесными благами.

Собшвенное число сихъ коренныхъ скопскихъ спремительствъ назначишъ
ни

никоимъ образомъ не можно, и потому оспается только ихъ разобранъ и включитъ въ разные классы. Ученые раздѣляютъ ихъ на два класса; и къ первому принадлежатъ всякаго рода стремленія, побуждающія насъ къ дѣйствованію нѣкоторымъ образомъ въ нашемъ шѣлѣ, а ко второму желаніе видѣть шѣло свое въ нѣкакомъ опредѣленномъ состояніи. Проспранное и обшоятельное всѣхъ сихъ разныхъ желаній разобраніе было бы самымъ излишнимъ и скучнымъ дѣломъ; чего ради включу я здѣсь нѣкоторыя только общія до нихъ касающіяся примѣчанія.

И такъ во первыхъ надобно знать, что къ симъ желаніямъ принадлежатъ вообще всѣ шѣ, которыя имѣютъ предметомъ себѣ наше шѣло и его состояніе; какъ на примѣръ желаніе, къ хожденію, сидѣнію, лежанію, упражненію нашими членами, сну, къ пищѣ и пишію, глядѣнію, слышанію, обонянію и различному осязанію, къ совокупленію, любви къ дѣтямъ, питанію

панію оныхъ, къ здравію и однимъ словомъ, ко всему тому, отъ чего произойти въ насъ можетъ пріятное тѣлесное чувствіе или ощущение.

Во вторыхъ, что состоянія, въ которыхъ мы тогда находимся, когда сіи желанія насыщаются, называются тѣлесными увеселѣніями. Напрошивъ того когда имъ прошивное происходитъ, тѣлесными прискорбіями и болѣзнями.

Въ третьихъ, что сіи скопскія спремительства по большей части дѣйствуютъ въ насъ сильнѣе человѣческихъ и потому прошиводѣйствіе онымъ бываетъ намъ съ лишкомъ чувствительно, какъ на примѣръ голодъ, жажда и тѣлесныя недуги и болѣзни.

Въ четвертыхъ наконецъ, что сіи скопскія спремительства не рѣдко иногда дѣйствіе свое сопрягають съ дѣйствіемъ человѣческихъ спремленій, то есть съ желаніемъ совершенствъ и любовнымъ спремительствомъ и ихъ опродіями: отъ чего дѣйствія оныхъ тогда бываютъ наисильнѣйшими. Въ
при-

примѣръ пому возьмемъ, какъ вообще любострасіе, такъ въ особливости венерическую любовь. Въ случаѣ которой совокупляются многія спремительства совокупно и потому дѣйствіе оной бываетъ столь удивительно, сильно и скоропостижно.

Вопи въ все, что я за нужное почелъ вкратцѣ упомянуть о главныхъ нашихъ желаніяхъ и о происходящихъ изъ нихъ другихъ, а опъ сихъ прочихъ. Но признаюсь, что я сообщилъ имъ только, такъ сказать, родословную и такъ коротко, какъ только мнѣ возможно было. Почему легко могу заключить, что инымъ будетъ она скучна, а другимъ темна и не понятна. Чтوبъ сему нѣкоторымъ образомъ пособить, то да позволено мнѣ будетъ присовокупить къ сему краткое всему тому аллегорическое изъясненіе. Я возьму прибѣжище мое къ самой тойже Аллегоріи, кою изъяснялъ я свойства желаній, и испытаю, не могули продолженіемъ оной подать вамъ, дорогой читатель, простѣйшее о сей важной матеріи

теріи понятіе , или по крайней мѣрѣ предложивъ удобнѣйшее средство къ скорѣйшему напоминанію сихъ коренныхъ спремительствъ.

Въ предслѣдующемъ разсужденіи упоминалъ я , что звѣрки управляющіе судомъ , или наши желанія родящся отъ другихъ и имѣющъ , такъ сказать , отцовъ , дѣдовъ и прадѣдовъ , также что между ними есть начальства и власти. Сіи то ихъ праотцы суть помянутыя выше сего коренныя спремительства , кошорыя вкупѣ опправляютъ должностъ и ихъ нижнихъ начальниковъ.

Теперь представьте себѣ , чтобъ всѣ сіи праотцы были двоякаго рода. Одни какъ судовщики или мапрозы , а другіе какъ пассажиры , или посаженные на суда , управителями. И сочтите первыми скопскія , а вторыми человѣческія коренныя спремительства.

Должностъ первыхъ , или судовщиковъ , или мапрозовъ состояла бы
шоль-

только въ попеченіи о внутренности и наружности судна. Они должны-ствовали бы дѣйствіями своими приводить судно въ различное движеніе, снабжать его потребными для дѣйствія внутреннихъ машинъ матеріалами, производить самыя внутреннихъ и внешнихъ машинъ дѣйствія: также приготавливать на старыхъ судахъ новые суда и спускать оныя, такъ сказать, на воду для размноженія флота и награжденія бывающаго всегда въ немъ отъ пагубы и разрушенія многихъ судовъ ущерба и прочее тому подобное; о чемъ въ подробности изъяснить было бы съ лишкомъ много. До прочаго жъ имъ нѣтъ никакой нужды; по чему и дѣлніе ихъ работы до сихъ только поръ продолжается, покуда корабль цѣлъ и находится въ своемъ плаваніи. Когдажъ чудная сія машина какимъ нибудь образомъ разрушится, на примѣръ пошлетъ, или внутренняя связь машинъ испорчится, или оныя такъ смѣются, что каюту или душъ работаютъ и ими дѣйствовать будетъ не можно: тогда пресѣкается и ихъ

дѣйствіе и они по оплученіи каютъ изъ корабля не имѣя уже болѣе своихъ предметовъ, то есть машинъ, которыми они дѣйствовали, погружающія въ глубокой сонъ. Что съ ними далѣе воспослѣдуетъ и навсегда ли сей ихъ сонъ продлился, или когда нибудь они опять разбужены будутъ, того не извѣстно. Легко только можетъ спать-ся, что будетъ когда нибудь время, что они опять разбужены и дѣйствовать будутъ, то есть въ такомъ случаѣ, еслили Создателю всего свѣта угодно будетъ первыя часпики разрушившихся и согнившихъ судовъ, которыя натурально пребудутъ навсегда цѣлы; ибо безъ воли Создателя ничто не въ состояніи ихъ уничтожить, опять собрать и построи въ изъ нихъ новыя и опмѣннаго и лучшаго уже сложенія суда, или шѣла, вложи въ нихъ самой шотъ же каютъ или душу, которой въ нихъ былъ: что для него сполькожъ возможно сколько возможно было создать ихъ при началѣ. И тогда можетъ быть въ устроенныхъ новыхъ судахъ, или шѣлахъ

не-

неизвѣстныхъ намъ внутреннихъ машинъ можно будетъ симъ машинамъ, или спремительствамъ опять начать прежнее свое хотя уже совсѣмъ опмѣнное опъ нынѣшняго дѣйствіе. Однако всего сего не извѣстно. А по крайней мѣрѣ то только изъ сего видно, что такое воскресеніе мертвыхъ съ новыми и просвѣщенными тѣлами, о какомъ говорилъ Священное писаніе, далеко не таково не возможно и ученіе сіе далеко не таково нестройно, какъ то нѣкоторымъ кажется.

Что касается до другаго рода звѣрковъ или пассажировъ: то сіи опмѣнны уже опъ первыхъ весьма многими обстоятельствомъ и имѣютъ предъ ними несравненныя преимущества. Они обладаютъ ими какъ господа и всѣ почти судовщики и машинопрозы состоятъ у нихъ подъ властію и подъ командою, кромѣ нѣкоторыхъ, копорымъ поручены особливые и до дѣйствія самими внутренними и важнѣйшими машинами касающіяся должности и копорыя не мѣшаются уже

ни въ какія другія дѣла, и не состоятъ ни у кого подѣ командою ниже у самыхъ главныхъ начальниковъ судна, а опправляющъ свое и до сохраненія всего судна въ цѣлости касающееся дѣло. Прочія же всѣ подвержены власти пассажирныхъ звѣрковъ и должны какъ свои опредѣленные дѣла, такъ и то дѣлать, что имъ надобно. По тому что сіи пассажирные звѣрки, или человѣческія спремительства суть собствєнные и всегдашніе жильцы въ каютѣ, и никогда не отлучны отъ души. Однимъ словомъ, они представляющъ собою правилелей судна, а помянутые маэпрозы или шотскіе спремительства, равно какъ нижніе и случайныя работники.

Примѣчанія достойно, что дѣйствіе сихъ пассажирныхъ звѣрковъ хотя и проспирается до самаго судна, однако уже чрезъ посредство маэпрозовъ, а не непосредственно, и по тому сіе дѣйствіе ихъ можетъ почестъся только побочнымъ и случайнымъ: а сущєствительное, важнѣйшее и всегдашнее ихъ

ихъ дѣйствіе имѣетъ совсѣмъ другіе предметы и они стремятся не къ вещественнымъ а къ духовнымъ вещамъ. Ибо какъ весь каютъ, въ которомъ они обитаютъ, не такъ тѣсно съ кораблемъ и со внутренними машинами онаго сопряженъ, чѣмъ не могъ никоимъ образомъ безъ него быть и дѣйствовать и въ случаѣ разрушенія, или похищенія корабля съ нимъ вмѣстѣ погибнуть; а вложенъ въ него и съ машинами соединенъ только на время, и для управленія онымъ и съ нимъ никогда погибнуть не можетъ; но въ случаѣ разрушенія судна того момента вынимается воѣ и остается въ цѣлости: но для самаго того и посажены въ него такія птички и звѣрки, или вложены мысли и стремительства, которыя бы могли и безъ корабля, то есть безъ тѣла въ немъ, или въ душѣ безпрестанно дѣйствовать и производить свою чудную и непостижимую и для жизни живаго сего каята необходимо надобную работу. И сии-то суть самыя тѣ пассажирныя звѣрки, или човѣческія стремительства

о которыхъ я теперь говорю. Дѣйствіе ихъ безсомнѣнно продолжается и послѣ гибели судна, то есть послѣ смерти нашей; что доказываютъ намъ многія обстоятельствова, а между прочимъ самое ихъ существо и нѣкоторыя свойства оныхъ, а особливо тѣ стремленія, кои въ нынѣшнюю жизнь никоимъ образомъ совершенно насыщены и удовольствованы быть не могутъ, какъ напримѣръ желаніе безпрерывной жизни и благополучія. Что все много уже безсмертіе душъ нашихъ доказываетъ.

Изъ всего вышеписаннаго легко можно уже заключить, что симъ знаменитѣйшимъ пассажирнымъ звѣркамъ нѣтъ ни малой нужды до собственныхъ дѣйствій машинами въ суднѣ, которыхъ они и не разумѣютъ: почему они о томъ и не заботятся, какъ бы ими дѣйствовать, а оставляютъ и повелѣваютъ что производить мапрозамъ, какъ къ тому опредѣленнымъ работникамъ: сами же о важнѣйшихъ и высочайшихъ вещахъ помышляютъ и пекутся, а именно,

Какъ

Какъ помянушымъ кораблямъ, въ копорые они съ каюшомъ своимъ на время для управленія ими вложены, назначено плавать по морю не только не однимъ, но со многими другими разнаго рода судами, съ копорыми они имѣлибъ многоразличныя дѣла и сообщенія: но чѣмбъ сіи дѣла и сообщенія происходили порядочно и такъ, какъ главному всего Устроителю, или всего сего флота Государю надобно. Слѣдовательно плавалибъ они сколько сами для себя, сколько и для другихъ судовъ, а паче всего для произведенія, къ чему они какъ всѣ вообще, такъ и каждое въ особливости назначено: то самыя сіи вещи и составляютъ предметы помянутыхъ пассажирныхъ звѣрковъ, или паче ихъ главнѣйшихъ начальниковъ трудовъ и попеченія; а чѣмбъ все могло способнѣе въ дѣйство произведено бытъ, то симъ начальникамъ и распредѣлены разныя должности: а именно.

Первому изъ нихъ поручено стараніе имѣть о собственныхъ пользахъ

всего каюта и корабля, и онѢ долженѢ
 бдѣть и пещися о томѢ, чѣмъ какѢ
 весь корабль, такѢ въ особливости ка-
 ютѢ и внутренность онаго находи-
 лась всегда въ хорошемѢ и совершен-
 номѢ состояніи и порядкѢ, и приво-
 димѢ былѢ часѢ отѢ часу въ лучшее со-
 вершенство; тѣмѢ паче, что корабль,
 а особливо каютѢ съ начала своего не
 въ самомѢ совершенствѢ спускается на
 воду, и подверженѢ еще многимѢ не-
 совершенствамѢ, и долженѢ уже во
 время плаванія своего самѢ себя приво-
 дить въ надлежащее совершенство, по-
 чему и пребудетѢ всегдашняго исправ-
 ленія. Почему и спремится сей началь-
 ствующей звѣрь, или человѣческое ко-
 ренное спремительство всегда къ при-
 веденію судна и каюта въ лучшее со-
 стояніе, и для вспоможенія себѢ про-
 изводитѢ отѢ себя дѣлѢй и внучатѢ.
 Чѣмъ онѢ какѢ самѢ собою, такѢ и
 дѣлѢями своими чрезѢ посредство ра-
 ботниковѢ, или мащинѢ и произво-
 дитѢ въ дѣйство. ИзѢ сего не тру-
 дно усмотрѣть, что сего звѣря мож-
 но уподобить нѣкакому Камериру, или

двоѢ

дворецкому, пекущемуся о экономіи и пользахъ внутренняго и наружнаго своего дому, то есть каюта и корабля, или души и плѣла.

Примѣчанія достойно, что должность его состоитъ болѣе въ томъ, чтобъ имѣлъ онъ попеченіе не столько о пользахъ и совершенствахъ всего корабля, сколько каюта. Причиною тому то, что корабль составляетъ его внѣшней и временной, а каютъ внутренней и всегдашней домъ и обиталище, котораго дѣланіе и сообщеніе съ другими каютами и безъ корабля, то есть послѣ разрушенія онаго, продолжился навсегда. Къ приведеніюжъ его въ лучшее состояніе назначено только то время, въ которое находишься онъ будещъ въ корабль; ибо послѣ исправишь его уже будещъ не можно.

Вспорому поручена совсѣмъ другая и къ сообщенію съ другими судами и вещами относящаяся должность. Онъ не имѣетъ уже никакого попеченія о пользахъ и совершенствахъ своего су-

дна и каюша, но оставляя заботиться о томъ первому, помышляешъ самъ уже о томъ, какъ бы ему съ другими судами и вещами обходиться и поступать; имѣшь съ ними такія дѣла, какія по предписанію начальника флота надобно и сохранишь со всѣми ими взаимную любовь, дружбу и согласіе. Для козоторой причины и врождена въ него склонность любоваться всѣми совершенствами, какія онъ въ другихъ судахъ, каюсахъ и вещахъ находишь будешъ, и спремленіе побуждающее его безкорыстно любить какъ ихъ всѣхъ, такъ и главнаго начальника и государя всего флота, или общества всѣхъ судовъ: дабы ему все назначенное, какъ собою, такъ и дѣльми своими удобнѣе можно было производить въ дѣйство и къ нужнымъ касающимся до того дѣламъ побуждать первого своего товарища Камерира. А по всему вышеписанному можно уподобить его Министру, имѣющему въ вѣдомствѣ своемъ иностранные дѣла и заключающему союзы и пражташы съ другими обласьями, по естъ кораблями.

блями. Изъ чего видно, что долж-
ность его составляетъ великую ва-
жность.

Третьему ихъ товарищу поручена
отмѣнная и обѣихъ предсѣдующихъ
важнѣйшая должность. Онъ сдѣланъ
надъ ними надзирашелемъ и долженъ
смотрѣть, чтобъ оба они исправно на-
блюдали свою должность, не сбивались
съ пути и не предпринимали ничего
излишняго. Однимъ словомъ, чтобъ всѣ
дѣла свои такъ располагали, чтобъ
чрезъ то могло достигнуть до по-
го намѣренія, къ какому судно на-
значено, или для какого весь флотъ
кораблей въ море отъ главнаго Госу-
даря своего отправленъ, и не происхо-
дило никакого въ дѣлахъ ихъ беспо-
рядка и чрезъ то во всемъ флотѣ за-
мѣшательства. Коротко онъ предста-
вляетъ повѣренную отъ Государя осо-
бу, или, такъ сказать, отправляющъ дол-
жность Прокурора, кошорой всѣ дѣла
обоихъ товарищей своихъ, равно какъ
обоихъ главныхъ командировъ судна
разума и произвола долженъ пересма-

приващъ и крипиковашъ и ежели дѣла ихъ происходящъ порядочно, шѣмъ веселиться и ихъ за то хвалишь, а ежели что худое примѣшилъ, шѣмъ огорчаться и за то ихъ осуждашь, бранишь и напоминашь имъ ихъ должности и сказывашъ имъ, что въ какомъ случаѣ дѣлашъ и силою своею къ тому ихъ побуждашь.

Сіи суть главные нижніе начальники пассажирныхъ звѣрковъ. Легко можно усмотрѣшь, что я подъ именемъ перваго или Камерира изъяснялъ человѣческое коренное спремительство въ совершенствѣ. Подъ именемъ второго или Министра любовное спремительство, а подъ именемъ третьяго, или Прокурора спремленіе и осуществленіе.

Теперь слѣдовало бы мнѣ такимъ же аллегорическимъ образомъ изъяснить и прочія происходящія отъ сихъ коренныхъ спремительствъ и выше сего вкратцѣ изчисленные многоразличныя желанія: но какъ сіе завело бы меня

ѣ

въ великое пространство: яже не пишу здѣсь систему Телематологій и всего нравоученія, а только касаюсь до того вскользь и сколько къ намѣренію моему надобно: по умолчавъ о томъ оставляю сравненіе оныхъ самому читателю, которому слѣдуя симъ путемъ не трудно уже будетъ самому что учинить.

Чтожъ касается до обоихъ главныхъ начальниковъ судна, то есть разума и произвола, то объ нихъ какъ о главнокомандующихъ всѣми пшичками и звѣрками я уже упоминалъ прежде. По распоряженію напуры долженствовало бы они имѣли полную власть надъ обоими помянутыми нижними начальниками Камериромъ и Министромъ; съ Прокуроромъ же бытъ въ великомъ согласіи и ничего не предпринимать безъ его совѣта и имѣть его у себя какъ нѣкое священище въ великомъ почтеніи.

Вотъ устройство сдѣланное напу-
рою во внутренности души нашей ме-
жду

ж у ея силами. Теперь слѣдовало бы мнѣ въ подробности изъяснить въ какомъ почно содержаніи должны между собою бытъ помянутыя оба нижнія начальствующія спремительства, то есть, спремленіе къ совершенствамъ и спремительство любовное; также въ такомъ ли они, въ какомъ надобно, или въ какомъ дѣйствительно находящіяся они какъ между собою и дѣтьми своими, такъ съ другими и главными начальниками нынѣ и прочее тому подобное. Но и сіе завелобъ меня въ великое пространство, а припомъ и принадлежитъ собственно до нравоученія, а не къ моему шеперешнему предмету. Однако какъ нѣкоторое о томъ знаніе имѣть и приисканіи благополучія необходимо почти надобно: то опредѣлю я къ тому особое разсужденіе и по мѣрѣ силъ своихъ все нужное изъяснить постараюсь.

РАЗСУЖДЕНІЕ VII.

*О состоянїи пѣ какомъ находятся пѣ насъ
наши главныя желанія пообще.*

Премудрый Создатель созидая міръ для великихъ намѣреній, создалъ и насъ конечно не безъ причины. Такому великому и всесовершеннѣйшему Существу можно ли что дѣлать по пустому, когда всякое пустое и безъ всякаго намѣренія сдѣланное дѣло и мы за великое несовершенство въ себѣ почитаемъ? И такъ нѣтъ въ томъ ни малаго сомнѣнія, что и мы произведены и на сей землѣ жить назначены конечно для чего нибудь, и на какой нибудь конецъ, а не по пустому.

Слѣдовательно самой долгъ велитъ намъ не только сей конецъ, или намѣреніе Божеское узнавать стараться, но и всегда оной содержать въ своей памяти, дабы можно было всѣ свои
дѣла

дѣла такъ разполагать , чтобъ они могли согласны бытъ съ симъ великаго Производишеля нашего намѣреніемъ , а того удаляться , что можетъ прошивно бытъ оному.

Сіе упомянулъ я для того , что безъ того не можно намъ правильно спараться о пріобрѣшеніи благополучія своего. Ибо самому сему благополучію не должно ли бытъ такому , которое бы не прошивно было помянутому намѣренію и съ нимъ согласовалось? И не щепшой ли нашъ трудъ будешъ , есѣли мы въ такихъ вещахъ оное полагаемъ и искаемъ спанемъ , копорыя съ онымъ намѣреніемъ не согласуются и ему прошивны? Ибо можно ли его найшишь въ томъ , въ чемъ ему бытъ не назначено , и въ чемъ никогда его не бывало?

Не входя въ подробныя изслѣдованія и доказательства и осматривая по Философамъ , скажу только , что всѣми здравыми разсужденіями , заключеніями нашего разума доходимъ мы ,
что

что концу, на копорой мы челоѡвки созданы и на сей землѣ жиѡть назначены въ слѣдующемъ состоянѣ должно, а именно.

Чтобѣ мы общими и совокупными нашими произвольными, а не принужденными стараніями приучали души наши къ добродѣтели и онуюбѣ производили и укрѣпляли, и чрезѣ то приводилибѣ души наши въ разсужденіи нравственнаго ихѣ состояніа отъ часу въ лучшее совершенство; а при томѣ дозволеніе имѣлибѣ безѣ предосужденіа добродѣтели благими сего свѣта, или вещами въ немѣ находящимися, къ спокойствію и увеселенію своему наслаждаѡся и пользоваѡся. Послѣ чего преселены мы будемѣ въ другую и безконечную жизнь въ томѣ нравственномъ состояніи нашихѣ душѣ, въ какомѣ сіа перемѣна ихѣ заспигнетѣ. Въ копорой жизни добродѣтельные совершенно блаженными учиняѡся, а непослушные наказаны будутѣ, и въ копорой какѣ награжденія, такѣ и наказанія будутѣ распо-

лагаются по пропорціи добродѣтелей и не добродѣтелей, или такъ называемыхъ пороковъ и беззаконій.

Вотъ конецъ, на которой дана намъ нынѣшняя жизнь. А изъ сего не слѣдуютъ ли сами собою слѣдующія важныя и великаго примѣчанія достойныя слѣдствія.

Во первыхъ, что самымъ первымъ и главнымъ концемъ есть не иное что, какъ производство добродѣтели, или учрежденіе нашихъ дѣлъ во всемъ согласно съ волею Божескою: ибо всякая добродѣтель не иное что есть, какъ дѣйствія согласующіяся съ волею нашего производителя. И потому добродѣтель должна быть у насъ всегда предъ глазами и мы ее всего выше и больше въ свѣтѣ почищать и производить спарашься должны.

Во вторыхъ, что увеселеніе и сопряженное съ тѣмъ временное благополучіе не иначе можно почестъ, какъ побочнымъ концемъ нашей жизни. Слѣ-
дова-

довашельно мы онаго пополику только искашь можемъ и должны, поколику то безъ предосужденія добродѣтели, яко главнаго и перваго намѣренія учинишься можешъ.

Въ третѣихъ, что мы необходимо должны бышь увѣрены, что когда мы къ шакому намѣренію наипремудрѣйшимъ Создателемъ назначены: то необходимо уже одарены опъ него всѣми попребными къ тому силами и способностями, чрезъ копорыя бы мы до того достигнуть и сіе намѣреніе исполнишь были въ состояніи. Въ противномъ случаѣ было бы тщетно назначивашъ насъ къ намѣренію, а при томъ сдѣлашь насъ къ исполненію того неспособными.

Въ четвѣртыхъ, что сіе намѣреніе должны мы исполняшь самопроизвольно и безъ всякаго принужденія. Самое сіе обстоятельство дѣлаешъ насъ способными къ полученію награжденія и къ наказаніямъ.

БѢ сходствіе всего вышеупомяну-
таго премудрой ТворецѢ, одаривѢ насѢ
шоль многими совершенствами, между
прочимѢ снабдилѢ насѢ свободою
или произволомѢ, посредствомѢ копо-
рой силы можемѢ мы изѢ дѢла любя
выбирашѢ, либо добрыя, либо худыя,
и слѢдовать такимѢ желаніямѢ, какимѢ
сами заблагоразсудимѢ.

Сіи желанія, какѢ выше уже до-
вольно упомянуто, не всѢ вѢ насѢ вро-
ждены, но шолько не многія, прочія
же происходятѢ уже опѢ нихѢ во
время жизни нашей; но о всѢхѢ
ихѢ вообще можно сказать, что они
вѢ самомѢ началѢ своемѢ добрыя, а
не злыя, злыми же дѢлаются они
опѢ худаго и злаго употребленія
нами. Премудрый ТворецѢ вложилѢ вѢ
насѢ шолько не многія и начальныя
желанія, кѢ произведенію же про-
чихѢ придалѢ имѢ шолько способ-
ность, равно какѢ и кѢ тому, чшобѢ
всѢ какѢ они, такѢ и происходящія
опѢ нихѢ могли увеличивашѢся и
уменьшашѢся. Сіе же увеличиваніе и у-
мень-

меньшеніе оныхъ подвергнулъ нашему произволу. И все сіе учинилъ не безъ причины, но для того чѣшобъ исполненіе добродѣтели и полученіе будущаго и нынѣшняго благополучія зависилобъ отъ нашего произвола, и мы самибъ были пому нѣкоторымъ образомъ виновниками. И такъ съ его спороны учинено все и теперь зависить только отъ насъ, хопимъ ли мы согласовашься съ его распоряженіемъ и всѣ врожденные въ насъ способности и силы употреблять къ пому, къ чему они устроены и чрезъ то исполнишь намѣреніе, къ которому мы назначены.

Чѣшобъ нѣкоторымъ образомъ сіе важное обстоятельство яснѣе изобразить: то скажу, что не безъ причины даны намъ не иныя, а тѣ коренныя стремленія, какія мы имѣемъ. Наиважнѣйшее изъ оныхъ, а именно: стремленіе совѣстное, долженствующее насъ ежеминутно побуждать къ исполненію воли Божеской, дано намъ для того, чѣшобъ мы не могли извиняшься незнаніемъ того, что дѣлать и неимѣніемъ

О 3

емъ

емѢ къ тому дальнаго побужденія. Ежели разсудитѣ о необходимо сопряженныхъ съ симѢ природнымѢ спремленіемѢ врожденныхъ поняшій о БогѢ и о Его законѢ: то не погрѣшая можно сказать, что законѢ Божій написанѢ у насѢ въ сердцѢ, и къ исполненію онаго вложена въ насѢ такая пружина, копорая бы могла насѢ не только ежеминутно къ тому побуждать, но и всегда бытъ наставникомѢ и руководителемѢ, естѣлибѢ только могла имѣть совершенное свое дѣйствіе и ей не дѣланы были нами помѣшательства. Спремленіе къ совершенству дано намѢ для того, чтобѢ оно побуждая насѢ приводитъ себя въ лучшее состояніе и совершенство, могло бытъ нѣкопорымѢ образомѢ подпорою первому, естѣлибѢ только дѣйствіе онаго пребывало въ своихъ предѣлахъ и спремленіе сіе не взяло верѣхъ надѢ первымѢ: наконецѢ шрешье коренное спремленіе, или любовь къ совершенствамѢ, или склонность къ соединенію съ оными, то естѢ любовное спремительство, назначено къ тому, чтобѢ мы силою онаго

онаго не только равномѣрно ко многимъ хорошимъ дѣламъ имѣли побужденіе; но какъ безчисленныя желанія, ошѣ сего спремленія происходящія, легче и скорѣе прочихъ могутъ насыщаемы бытъ, то во всегдашнее время моглибъ наслаждаться безчисленными увеселеніями, а чрезъ то совершались побочной конецъ нашей жизни, ешѣлибъ только оное въ надлежащей своей величинѣ могло всегда дѣйствовать.

Однимъ словомъ всѣ желанія наши не съ тѣмъ въ насъ вложены, чѣтобъ они по своему произволу дѣйствовали, но чѣтобъ находились они въ надлежащемъ и такомъ распоряженіи и другъ у друга повиновеніи, какое надобно. А именно, чѣтобъ совѣстное спремленіе имѣло верьхъ предъ обоими прочими, сіи же не болѣе бы дѣйствовали, какъ сколько безъ предосужденія перваго бытъ можетъ. Но такъ ли въ насъ происходитъ и въ такомъ ли они другъ у друга повиновеніи и между собою содержаніи находятся, о томъ остаеся теперь еще спрашивать.

Желалъ бы я, чтобъ могъ на сей вопросъ сказать отвѣтъ не отрицательной! Но что дѣлать, когда сего не можно и когда неволя великъ признайся, что нынѣшнее расположение желаній нашихъ и содержаніе между оными далеко не таково, какому ему бытъ надобно! Въмѣсто того чтобъ имѣть верхъ совѣстному и любовному спремленію и всѣми прочими обладать, нынѣ имѣемъ верхъ спремленіе къ совершенству и по несчастію такъ усилилось, что всѣми прочими обладаетъ; а что важнѣе всего за великостію сего спремленіе совѣстное такъ мало угнѣшено, что вмѣсто величайшаго дѣйствія имѣемъ такое, которое дѣйствіемъ почти называть не можно.

Если спросятъ меня, чтожъ бы сіе мѣшало и какія слѣдствія отъ того произошли? То скажу, что не инья какъ печальныя. Не успѣло сіе спремленіе взять верхъ, какъ произвело во всей человѣческой душѣ величайшей безпорядокъ. Всѣ склонно-

спи-

сти и желанія пришли въ превеликое замѣшательство. Тѣ, копорымъ бы наиболѣе въ человѣкѣ дѣйствовать и увеличиваться надлежало, сдѣлались угнѣжены, малы и потеряли всю величину своего дѣйствія, а мѣста ихъ заступили новыя и происходящія отъ стремленія къ совершенству, съ шою еще несчастною особливостію, что вышедъ изъ надлежащихъ предѣловъ и соединившись съ скотскими стремительствами, лишились натуральной своей доброшы, сдѣлались злыми и худыми. Величина ихъ превзошла величину свободности и произвола. Они сдѣлались по Аллегоріи нашей барсами, медвѣдями и слонами, и пошому взяли надъ человѣкомъ полную власть. Связали ему шакъ сказать руки и ноги. Сдѣлали его себѣ рабомъ; произвели и въ разумѣ и волѣ его превеликое нестроеніе и господствуютъ надъ нимъ по своей волѣ, побуждаютъ или паче сказать неволею заставляющъ его дѣлать не то, что надобно, а то, къ чему они сами стремятся. А отъ всего шого и произошло то несчастное

послѣдствіе, что большая часть людей нынѣ вмѣсто вышеупомянушаго намѣренія, или конца, на которой ихъ жизнь назначена, почишаютъ тѣмъ только свой мамонъ или ложное совершенство, и ему одному служатъ и ему работають. О Богъ же, о его законахъ и о истинномъ своемъ благополучіи всего меньше помышляють и радѣють, а чрезъ то всю жизнь свою въ непрерывныхъ почти хлопотахъ, заботахъ, печаляхъ и неудовольствіяхъ препровождаютъ. Можноль же хуже сихъ какимъ слѣдствіямъ быть?

Еслили спросятъ меня теперь, о всѣхъ ли людяхъ сіе сказать можно; и во всѣхъ ли произошелъ сей внутренней въ душѣ нашей безпорядокъ? То скажу, что конечно во всѣхъ; потому что мы по несчастію съ тѣмъ уже всѣ и родимся на сей свѣтъ.

Сіе безсомнѣнно инымъ удивительно и странно покажется и найдущся можетъ быть такіе, которые пожелають знать, отъ чего бы это такъ дѣла-

дѣлалось? Но я не знаю, ошвѣтствовашь ли имѣ на сіе или нѣшѣ: для того что ошвѣтомѣ на сіе можешѣ бышѣ вооружу прошивѣ себя нѣкошорыхѣ, кошорые нѣжностѣ своихѣ мыслей выводяшѣ изѣ границѣ, и коимѣ ошвѣшѣ мой можешѣ бышѣ покажешѣ споль спраненѣ, что они не преминутѣ меня и все сочиненіе мое поднятѣ на смѣхѣ. Однако что дѣлашѣ когда я споль глупѣ, что сажу почишаю черною и что глаза мои не споль остро-зришельны какѣ у нихѣ и не могутѣ въ ней примѣшитѣ никакой бѣлизны. Ешѣли могутѣ они мнѣ доказашѣ и въ томѣ совершенно увѣришѣ, что сажѣ бѣла, а снѣгѣ черенѣ, а не бѣлѣ: то и я согласенѣ буду съ ихѣ высокими мнѣніями и не буду болѣе того ушверждашѣ, а до того времени да не прогнѣвающѣя они на меня, что я слѣдуя самой истиннѣ не обинуѣся скажу: что кто бы что ни говорилѣ, но то останешѣя справедливо, что всему вышеупомянутому поврежденію и замѣшательству произшедшему во внутренности души нашей ничто иное какѣ

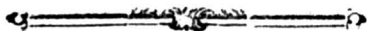
какъ паденіе нашего праотца Адама причиною. Въ немъ первомъ по несчастію произошла сія переменна, а отъ него наслѣдовали и наслѣдующъ пошомъ всѣ его попомки. И сіе самое можеть служишь великимъ и очевиднымъ доказательствомъ истиннѣ Христіянскаго закона и всего ошкровеннаго Слова Божія.

Естьлибъ спалъ кто любопышствуя далѣе меня спрашивать. Какимъ же образомъ это дѣлается и мы повидимому невинно съ своей стороны терпимъ соучастіе въ несчастныхъ слѣдствіяхъ паденія нашего праотца: то симъ не обинуясь признаюсь, что сего вопроса рѣшивъ я не въ состояніи. Потому что сіе принадлежитъ къ тѣмъ таинствамъ, которыя угодно было ошъ насъ для неисповѣдимыхъ своихъ судьбъ сокрышь великому нашему Производителю. Почему и имъ совѣшую въ семъ пунктѣ далѣе не любопышествовать: но довольствоваться тѣмъ только однимъ, что намъ ошкрыто. Довольно когда ежедневное искусство до-
казы-

казываешѢ намѢ, что сіе наслѣдіе прашеческаго грѣха дѣйствительно есть и мы на свѣтѣ съ шѣмѢ уже родимся. А что о томѢ намѢ знать не дано, по чему и какимѢ образомѢ сіе происходитѢ, такѢ не могутѢ ли быти пому разныя причины? По чему знать, можетѢ быти эшо такое таинство, котораго знаніе въ предѣлы нашего разума не вмѣстимо? МожетѢ быти причиною пому, что мы умѢ и прочія совершенства имѣемѢ не въ безконечномѢ градусѢ? МожетѢ быти пребывали шого другія какія не исповѣдывыя Творца нашего намѣренія. -- ОднимѢ словомѢ, что о томѢ много говорить. Довольно когда мы увѣрены, что такое великое и всесовершенное Существо, каковѢ нашѢ БогѢ, какѢ ничего напраснаго и несовершеннаго дѣлалъ, такѢ и худое попустилъ безѢ причины не можетѢ; не можемѢ ли мы изѢ шого съ дословѣрностію заключать, что конечно онѢ имѣлъ къ пому уже свои святыя причины и сіе одно не въ состояніи ли уже усмирить все наше излишнее любопытство и насѢ успокоить!

На-

Напротивъ того естѣлибѣ кто пожелалъ не въ семѣ а въ томѣ любопытствовашъ, ошѣ чего и какимъ образомъ въ Адамѣ сіе замѣшательство во внутренности души произошло: по и до сего хощя однимъ разумомъ дойти не можно, но естѣли взявъ себѣ въ вспоможеніе опкровенное намѣ въ священномъ писаніи Божеское слово: по уже не столь шрудно будешъ сдѣлавъ вѣроятное заключеніе.

Исторія сообщенная намѣ въ ономъ о семѣ важномъ приключеніи подаешъ намѣ желаемое всему изъясненіе. Мы чипаемъ, что Адамъ по созданіи своемъ съ Еввою введенъ былъ въ Едемской садъ наполненной всякими изобиліями, гдѣ дозволеніе ему было все бсть, что пожелаетъ, кромѣ плода съ одного дерева, до котораго запрещено было допрогивашься. Что иное сіе значить какъ то, что всемогущему Богу для извѣстныхъ ему и намѣ не опкрытыхъ намѣреній угодно было поставитъ Адама на пробу и видѣть послушаетъ ли онъ его или нѣтъ. Не
древо.

древо и не плодъ съ него былъ важенъ, но важность состояла болѣе въ томъ, предпочтешъ ли Адамъ повелѣніе Божеское своему хотѣнію. Для чего сія проба учинена была, того намъ не открыто, но ежели разсудить о воспо- слѣдовавшихъ онъ непослушанія Адамова ужасныхъ и великихъ слѣдствіяхъ: то можно уже съ вѣроятностію заключить, что проба сія для какихъ нибудь весьма важныхъ причинъ была надобна. Священное писаніе повѣ- ствуетъ намъ, что до того времени имѣлъ Адамъ всѣ шѣ совершенства, съ какими онъ созданъ въ полномъ гра- дусѣ. Разумъ его былъ просвѣщенъ. Живошныя и вся почти натура ему повиновалась; а по сему съ вѣроятностію можно заключить, что и желанія въ душѣ его были въ надлежащемъ по- рядкѣ и такомъ содержаніи другъ про- шивъ друга, какое надобно: то есть, что спремленіе совѣспи, или къ пови- новенію Божеской волѣ было больше спремленія къ собственному своему со- вершенству. Можетъ бы и оспалось оно навсегда такъ, естлибъ онъ вы- дер-

держалъ пробу; можешъ бы сохранилъ онъ чрезъ то всѣ свои преимущества и совершенства, и воля бы его уже такъ освящена была, какъ воля Ангеловъ, и чрезъ то бы не могъ уже болѣе дѣлать такіа дѣла, которыя Богу неугодны, или по крайней мѣрѣ не было бы ему и намъ съ нимъ такихъ помѣшательствъ, какія мы нынѣ претерпѣваемъ. Но по несчастію сего не воспослѣдовало. Адамъ палъ и лишился своихъ преимуществъ.

Священное писаніе описываетъ обстоятельно все произшествіе сего паденія. Дьяволъ сей опшадшей проклятый духъ имѣлъ причину завидовать человѣческому блаженству и спаранься преклонить его къ преступленію Божескаго повелѣнія, дабы чрезъ то ввергнуть и человѣка въ такоежъ несчастіе, въ какомъ самъ находился. Средства, чѣмъ можно возбудить желаніе, были ему довольно извѣстны. Онъ вѣдалъ, что нужно ему только возбудить въ Еввѣ и Адамѣ стремленіе къ собственному совершенству

ству и сдѣлать его больше совѣстнаго стремленія, какъ не въ состояніи уже будутъ они прошивишься и охопно на желаніе его согласаться. Для сей причины разговаривая съ Еввою въ видѣ змѣи, ничѣмъ инымъ ихъ къ тому не убѣдилъ, какъ помянутымъ средствомъ. Онъ старался увѣрить ихъ, что если они вкусятъ плода отъ запрещеннаго дерева, такъ будутъ совершенствомъ своимъ подобны самому Богу. Ибо вѣдалъ, что таковая мысль можетъ увеличить и воспалилъ ихъ стремленіе къ совершенству. Что и воспослѣдовало. Евва не успѣла услышать, что они будутъ несравненно совершеннѣе и равны Богу, буде съѣдятъ плодъ съ того дерева, какъ мысль сія воспалила пошчасъ желаніе къ собсвенному совершенству: а чѣмъ больше сдѣлалось сіе, тѣмъ меньше принуждено было сдѣлаться стремленіе къ повиновенію Богу. Тогда не могли уже они владѣть собою и учинили то, чего желалъ дьяволъ и къ чему усилившееся тогда въ нихъ стремленіе къ совершенству побуждало.

Слѣдствія произшедшія опѣ того извѣстны; почему мнѣ о прочихъ говорить не для чего, а я то только упомяну, что между прочимъ сожалѣнія достойно было и то, что съ того времени усилившееся спремленіе къ совершенству удержало свой верьхъ надъ прочими коренными спремительствами и произвело въ душѣ весь пошѣ безпорядокъ, о которомъ я упоминалъ выше, и всѣ уже Адамовы потомки спали родиться съ онымъ, и потому охотнѣе дѣлали то, что Богу прошивно, нежели то, что ему пріятно и надобно. И сіе - то есть истинное произшествіе такъ называемаго нравственнаго зла, о которомъ такъ многіе и различные опѣ ученыхъ бывающѣ толки и разсужденія.

Я окончу разсужденіе сіе тѣмъ, что хопя по силѣ вышеупомянутаго мы и родимся уже съ тѣмъ, что спремленіе къ совершенству въ насъ несравненно болѣе спремленія совѣстнаго; и пошому мы, такъ сказать, опѣ природы уже болѣе ко злу нежели къ добру

бру склонны, однако не должно думать, чѣмъ всѣ люди равно сему злу подвержены были. Большая часть худыхъ желаній родящся уже во время растѣнія нашего и продолженія жизни, почему много въ семъ случаѣ зависить отъ воспитанія, худыхъ привычекъ и сообщества съ порочными людьми. Но какъ бы то ни было, однако не можно сказать, чѣмъ кто нибудь совершенно отъ худыхъ желаній освобожденъ былъ, а разность состоить въ томъ, что внутреннее душевное поврежденіе въ одномъ человѣкѣ болѣе, нежели въ другомъ.

Такимъ же образомъ не должно и того думать, чѣмъ сіе зло всѣмъ неотвратно, или вовсе безъ лекарства было. Правда корень онаго такъ глубоко въ насъ вкоренился, что едва ли кто оной истребить можетъ: однако для уменьшенія въ себѣ сего зла не лишены мы всѣхъ еще способовъ. И во первыхъ хотя съ трудомъ, однако можемъ мы и сами оное нарочито уже уменьшивъ, буде только того похотимъ,

шимъ и съ прилѣжаніемъ спарашься спанемъ, а во впорыхъ можемъ пользоваться въ томъ посшороннею помощію и шѣмъ награждашь недосшашокъ силъ своихъ. Сію помощь обѣщаль намъ самъ человѣколюбивой Создатель нашъ и шребуешъ къ тому шолько нашего начала и хощѣнія. Сей пунктъ есть по справедливосши примѣчанія достшойнѣйшимъ и шаккой, кошпкой дѣлаешъ намъ Христіянской законъ наидрагоцѣннѣйшимъ. Ибо сію помощь можемъ мы не инако, какъ посшредсшвомъ онаго получаешь, и чрезъ то скорѣйшимъ пушемъ, какъ до временнаго несовершеннаго, шакъ посшомъ до вѣчнаго и совершеннаго благополучія досшигашъ, а безъ него и одними своими силами, едвали мы когда нибудъ что важное произвестъ можемъ.

Вотъ все, что я за нужное почелъ упомянуть вообще о состояніи нашихъ желаній. Признаюсь, что сіе не совсѣмъ еще любопытнаго человѣка удовлетсшвовашъ можешъ. Онъ пожелаетъ

лаешъ обстоятельству въдашь, какія бы собственно слѣдствія отъ помянутого поврежденія въ душѣ нашей, или нравственнаго зла происходящъ и какіе бы способы и средства могли употребляемы быть къ испребленію, или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію онаго, дабы въдая поименно всѣ наши худыя склонности и желанія и средства къ испребленію оныхъ, могъ принимашъ свои мѣры и шѣмъ старашся о пріученіи себя къ добродѣтельной жизни и къ исполненію чрезъ то того конца, на которой онъ назначенъ. Но какъ самого того и намѣреніе мое требуетъ: ибо во первыхъ безъ добродѣтели и благополучіе ничто и намъ не будетъ пользоваться; а во вторыхъ самое помянутое нравственное зло, или худыя наши склонности всего болѣе благополучію мѣшаютъ: ибо отъ нихъ происходящъ наиболѣе всѣ наши досады, печали и неудовольствія: то за необходимое почишаю и о семъ вкратцѣ упомянушъ и къ тому назначишъ особыя разсужденія.

РАЗСУЖДЕНИЕ VIII.

*О нравственномъ злѣ, или о худыхъ
нашихъ склонностяхъ.*

Когда главной конецъ, на которой жизнь наша назначена, есть добродѣтель, и когда намъ временное благополучіе наше пополику только искашь должно, поелику то безъ предосужденія добродѣтели чиниться можетъ: добродѣтельной же жизни ничто такъ не мѣшаетъ, какъ находящееся въ насъ, такъ называемое нравственное или душевное зло, то есть усилившіяся худыя склонности и желанія побуждающія насъ къ прошивнымъ воли Божеской и не согласующимся съ добродѣтелью дѣламъ; и когда первѣйшій долгъ человѣка состоятъ въ спараніи сіе зло колико можно испреблять и уменьшать спараться: къ сему же при-
сту-

ступитъ прежде не можно, покуда мы о семъ нравственномъ злѣ и худыхъ нашихъ желаніяхъ не будемъ имѣть довольнаго свѣденія: то думаю, что всякой со мною въ томъ согласится, что изслѣдованіе сего зла будетъ не излишнимъ, но паче полезнымъ и надобнымъ дѣломъ. Сіе побудило меня назначить къ тому сіе разсужденіе, и въ ономъ вкратцѣ изобразить все то, что къ сему пункту относится можетъ.

Подъ именемъ нравственнаго зла вообще разумѣются такіа склонности, кои не согласны съ волею Божескою и копорыя наиболѣе подъ именемъ порочныхъ желаній извѣстны. Порядокъ велѣлъ бы мнѣ теперь изслѣдовать въ шонкость, откудабы сіе вкрившееся въ свѣтѣ зло имѣло свое происхожденіе? Отъ ограниченности ли нашего существа или натуры, какъ многіе думающъ, или отъ иныхъ какихъ причинъ оное произошло и происходитъ. Но сіе изслѣдованіе не только завелобъ меня въ великое простран-

ство, но будучи совсѣмъ постороннее и при томъ шонкое Философическое дѣло, не принадлежишь къ шеперешнему намѣренію моему, чего ради я не хочу шѣмъ много прискучивашъ вамъ дорогой чпшашель: но вкращуъ шолько скажу, чшо сіе зло происхожденіе свое имѣешь ни отъ чего инаго, какъ отъ злоупотребленія нашей свободности, или произвола состоящаго въ томъ, чшо человекъ сею драгоцѣнною и великую важность составляющею намъ данною отъ Бога силою не такъ пользуется и не на шо употребилъ и употребляетъ, къ чему она назначена, но на худое и противное воли Божеской.

Вотъ подлинное и такое онаго произшествіе, которое вкупѣ объясняетъ намъ и шо, по чему сдѣлался человекъ онаго виновнымъ и подвергъ себя чрезъ шо Божескому наказанію. Разумъ нашъ сіе говоритъ: а священное писаніе подшверждаетъ и объясняетъ далѣ сію истинну. Оно присовокупляетъ къ тому шо, до чего
однимъ

однимъ разумомъ дойшишь мы не можемъ: а именно что поспѣшествовало и поспѣшествуетъ къ тому много прельщеніе злаго духа, то есть дьявола. Однако ему одному собственное происхожденіе и причину онаго приписать не можно, ибо въ семъ случаѣ былъ бы человекъ съ своей стороны не виноватъ и могъ бы оправдаться, что не онъ, а злой духъ тому причиною. Слѣдовательно было бы не справедливо наказывать человека за то, что не отъ него произошло: но такой несправедливости Богу какъ всесовершенному и при томъ правосуднѣйшему существу учинить никакъ не можно. Сіе обстоятельство достойно великаго примѣчанія шѣмъ паче, что оно служило къ разрушенію двоякаго и весьма важнаго заблужденія, которыми многіе люди въ разсужденіи сего пункта бывають подвержены. Оба они составляють крайности и спремнины которыхъ великая причина есть оспергаться всякому здоровой разсудокъ имѣющему человеку. Одна изъ нихъ та, что иные люди уже съ лишкомъ

много приписываютъ дьяволу и всѣ свои худыя дѣла на его счетъ полагаютъ, и обвиняя его одного себя тѣмъ, но щещно оправдаютъ думаютъ. А другая въ томъ, что иные люди принимаютъ совсѣмъ прошивную сторону, и не только поспѣшествованію или прельщенію отъ дьявола, но и ни самому сему злому духу на свѣтѣ бытъ не думаютъ. Но сіи господа подумалибъ, что утверждаетъ первое: то есть, чтобъ злымъ нашимъ дѣламъ причиною былъ одинъ дьяволъ: прошивно не только нашему разуму, но и самымъ божескимъ совершенствамъ. А утвержденіямъ впрочемъ, то есть, чтобъ дьявола вовсе не было, опровергается вдругъ все опкровенное слово Божіе, говорящее столь во многихъ мѣстахъ и очень ясно о бытіи сихъ злыхъ духовъ. Они забываютъ то, что ежели сіе опровергнутъ, то надобно опровергнутъ вкупѣ и всю связь Христіанскаго закона. Но сіе не смотря на всѣ усилія и старанія прошивоборниковъ онаго, едвали кѣмъ когда нибудь учинисья можеть. Сколько въ томъ по сіе время

мя

мя ни говорено было и сколько суеш-
 ность разума человѣческаго ни усрем-
 лялась прошивъ онаго и ни старалась
 одолѣть сію великую божественную и
 непреборимую истинну, или короче
 сколько самые оныя злыя духи ни
 употребляли свою хитрость къ изо-
 щренію человѣческихъ мыслей, къ па-
 губному сему для человѣковъ, а для
 ихъ вождѣнному опроверженію и
 сколько они въ томъ ни успѣвающъ,
 однако не смотря на то истинна сія
 останется на вѣкъ не преборимою и
 враша адовы ея не одолѣющъ. Но не
 моя должность о семъ далѣе говорить.
 Я оставляю то Богословамъ, самъ же
 упомянувъ о семъ только мимоходомъ,
 поелику то къ моему намѣренію пре-
 бовалось, пойду далѣе.

Ежели спросятъ меня теперь ка-
 кимъ же образомъ поступишь и какія
 мысли имѣешь въ семъ случаѣ? На то
 скажу, что благоразумнѣйшее и при-
 томъ надежнѣйшее и безопаснѣйшее
 дѣло будетъ, ежели между обѣими
 упомянутыми крайностями избираешь сре-

среднюю дорогу и злыя наши дѣла приписывать собственно и наиболѣе себѣ и злоупотребленію нашей свободной воли, а дьяволу приписывать только прельщеніе, то есть, хитрое поощреніе къ тому человѣковъ, однако не всегдашнее и не такое, которое бы мы одолѣвъ и кошорому вопрошивишья не могли, но такое, которое одолѣвать намъ есть возможность. Слѣдовательно прельщеніе его намъ ни въ малое оправданіе служишь не можетъ. Сіе будетъ и съ Священнымъ Писаніемъ и съ ученіемъ Христіянскаго закона и съ самымъ разумомъ нашимъ согласно. Ибо и сей хощя и не можетъ самъ собою до того дойтишь, что злые духи есть и что прельщеніе отъ нихъ дѣлается, но по крайней мѣрѣ не можетъ опровергнушь, чтобъ имъ такимъ, какими описываетъ ихъ Священное Писаніе, и такому отъ нихъ прельщенію, о какомъ выше упомянуто, не было возможности бытъ. А когда разумъ нашъ говоритъ, что сіе не невозможное дѣло, такъ сего уже довольно.

Даль-

Дальнѣйшія доказательства тому я оставляю; потому что сіе не только не принадлежитъ къ моему намѣренію, но и многимъ нѣжнымъ слухамъ и шакъ называющимся высокимъ духамъ, привыкшимъ о томъ инако помышлять, матерія сія будетъ съ лишкомъ не по вкусу. Я бы и сего не упомянулъ, естлибъ не побуждалъ меня долгъ защищать всякую истинну.

Однако какъ многіе можетъ быть найдутся, копорые охотно пожелають знать, какимъ бы образомъ возможно было злымъ духамъ прельщать насъ къ злымъ дѣламъ и въ чемъ бы сіе прельщеніе состояло? То симъ въ удовольствіе присовокуплю я еще нѣсколько словъ о сей важной матеріи.

Подлиннаго о семъ важномъ пунктѣ сказать ничего не можно, потому что существо силы и дѣйствія сихъ злыхъ духовъ всего меньше извѣстны: а вѣрояшно заключить можемъ слѣдующее. Изъ Священнаго Писанія видимъ мы, что сіи злые духи въ началѣ сво-

своемъ составляли лучшей и совершеннѣйшей родъ созданій, нежели мы человеки; слѣдовательно одарены были прошивъ насъ множайшими силами и совершенствами разума и воли; то есть, чѣмъ разумъ ихъ въ состояніи былъ болѣе знать нежели нашъ, а воля болѣе въ дѣйство производить нежели наша. Сколь великъ ихъ разумъ и сколь сильна воля предъ нашею, того мы не знаемъ. Но положимъ, чѣмъ разумъ ихъ между прочимъ такъ далеко предъ нашимъ преимуществовалъ, чѣмъ онъ зналъ въ точность внутреннее устройство душъ нашихъ и сопряженіе разныхъ ихъ силъ между собою и дѣйствіе оныхъ. Чего всего въ шонкоспъ мы не знаемъ; а воля бы ихъ, или сила такъ далеко простиралась, чѣмъ могла чрезъ какія нибудь посредства производить во внутреннихъ души нашей дѣйствіяхъ нѣкоторыя перемѣны. Ограничимъ сію силу воли его и положимъ, чѣмъ она не далѣе простиралась, какъ только до нашихъ мыслей и вся перемѣна производимая злымъ духомъ состояла въ томъ, чѣмъ

чтобъ онъ могъ возбудить въ душѣ нашей мысли какими нибудь неизвѣстными намъ средствами. Свободность же наша или произволъ чтобъ совсѣмъ былъ освобожденъ отъ его навѣшовъ и онъ не могъ бы на оной непосредственно дѣйствовать; слѣдовательно насъ къ чему нибудь неволею принудить. Все сіе положить не пропивно разуму и сего положенія довольно будетъ для изъясненія всего дѣла.

Ибо какъ изъ сообщеннаго мною въ V. Разсужденіи аллегорическаго моего изъясненія души, ея силъ и дѣйствій, которое на сей случай прошу читателя напомнить, явственно: что всѣ дѣла наши происходятъ отъ движенія души и дѣйствія въ тѣлѣ; душа же въ движеніе приводится хотѣніями и стремительствами; хотѣнія же возбуждаются и увеличиваются мыслями; мысли же разбужаются въ насъ паки движеніемъ души происходящимъ отъ дѣйствія наружныхъ нашихъ чувствъ и отъ другихъ внутреннихъ въ тѣлѣ между машинами онаго дѣйствій: то не слѣ-

слѣдуетъ ли само собою , что злomu духу произведеніемъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ намъ , а ему извѣстныхъ дѣйствій въ нашихъ чувствахъ , или во внутренности нашего тѣла , нужно только привести душу въ извѣстное ему движеніе и чрезъ то возбудить въ ней надобныя ему мысли и привести ихъ въ такую живность , чтобъ они могли возбудить какое нибудь ему надобное желаніе и оное до того увеличить , чтобъ оно величиною своею превзошло величину свободности и чрезъ то довести насъ до того , чтобъ мы тому желанію послѣдовали и произвелибъ какое нибудь худое дѣло , а чрезъ частое повтореніе того обрашилибъ сіе желаніе въ привычку и сдѣлали спрасью . Теперь спрошу я , еслили во всемъ семъ какой нибудь видъ не-возможности ? А еслили сіе такъ , то не останемся ли мы съ своей стороны , не смотря на его прельщеніе , злomu дѣлу виновны ? Потому что дѣло произошло только отъ того , что мы дали волю злomu духу себя обмануть ; то есть , оплошностію своею допустили

спили его оныя мысли и желанія въ насъ возбуждая увеличитъ и доведетъ до того, чѣмъ оно превзошло величину нашей свободности, до которой собственно онъ самъ касаться не можетъ. А мы не допустимъ до того находимся всегда въ силахъ и въ состояніи надъ мыслями своими во всякое время господствовать и ихъ останавливать, какъ то довольно изъ опытовъ извѣстно; а сверхъ того и я послѣ докажу подробнѣе и вкупѣ предложу средства, какія къ тому удобнѣе употреблять можно.

Вотъ въ чемъ только по вѣроятности состоимъ все прельщеніе злыхъ духовъ. А еслили напомнимъ приведенную мною исторію о паденіи Адамовомъ, то происшествіе тогдашнихъ обстоятельствъ подтвердитъ сіе положеніе, такъ что мы сомнѣваться въ томъ почти уже не можемъ. Ибо еслилибъ сіе не такъ было, и можно было дьяволу Адама и Еву инымъ образомъ прельстить и принудить его къ преслушанію Бога своею силою: то

Часть I. Р на

на что бы ему предпринимать такія околичности и такую хитроссть, какую онъ употребилъ? На что бы сказывать имъ и увѣрять, что они подобны будущъ Богу, есѣли сѣдять отъ запрещеннаго дерева? Не явсшвуетъ ли изъ сего, что ему нужны были только ихъ мысли и возбужденіе плѣхъ, которыя сами собою спремленіе къ совершенству возбудишь могутъ, а о прочемъ былъ онъ уже увѣренъ, что само собою воспослѣдуетъ, есѣли только Адамъ и Евва въсамомъ началѣ не осперегущся? И не виноватыли они, что дали себя обмануть, не употребили въ пользу своей свободности и не выгнали ея сіи пагубныя мысли въ самомъ началѣ изъ головы, и чрезъ то не удержали желанія быть равнымъ Богу; но допустили такъ ему увеличиться, что имъ его послѣ за малостию произвола одолѣть было уже не можно?

Симъ надѣюсь довольно уже я изъяснилъ вамъ, дорогой читатель, происхожденіе нравственнаго зла вообще:
теперь

теперь обращусь къ самому предмету сего моего разсужденія, или къ подробному изчисленію всѣхъ слѣдствій онаго и произшедшихъ отъ того вновь и нынѣ происходящихъ въ человѣкахъ худыхъ склонностей и желаній.

Паденіе Адамово и произшедшее отъ того нравственное, или такъ называемое моралическое зло произвело великую перемѣну во внутренности души нашей. Я уже упомянулъ, что между прочимъ усилившееся спремленіе къ собственному совершенству одержало уже свой верхъ и сдѣлалось такъ велико, что не только прочія оба сдѣлались его гораздо меньше, но и самой нашъ произволъ будучи предъ нимъ безсиленъ совсѣмъ его одолѣть не можетъ. А какъ по натуральному свойству нашихъ желаній, всякое увеличившееся желаніе въ состояніи уже производитъ отъ себя множество другихъ желаній, которыя такимъ же образомъ увеличаться и опять отъ себя дѣшея производить могутъ: что послѣдовало сіе и съ спремленіемъ къ

совершенству. Оно не преминуло произвестъ множество другихъ желаній, копорыя всѣ будучи подкрѣпляемы своимъ начальникомъ, сдѣлались также сильны и произволомъ съ трудомъ одо-
лѣваемыми. Но при томъ одномъ еще не оспалось. Но какъ по сокровенному отъ насъ таинству напуры, слѣд-
ствіе Адамова паденія просперлось и на всѣхъ его потомковъ, и всѣ они родяшся уже съ тѣмъ, что спремле-
ніе къ совершенству въ нихъ съ лиш-
комъ велико: то натурально спало уже и во всѣхъ производивъ многія другія желанія клонящіяся къ разнаго рода совершенствамъ, хопя не во всѣхъ чело-
вѣкахъ одинакія. Но какъ сіи со-
вершенства многоразличны, какъ на примѣръ существишельныя и побочныя, истинныя и ложныя, а разбираемы должны бытъ разумомъ и мыслями. Всякое же желаніе имѣетъ натураль-
ную способность дѣйствовать въ раз-
умѣ и принуждаетъ его къ произве-
денію свойственныхъ мыслей; по и послѣдовало отъ того несчастное слѣд-
ствіе, что усилившіяся и болѣе про-
чихъ

чихъ дѣйствующихъ желанія къ совершенствамъ вмѣшались въ дѣла силъ разума и произвели въ нихъ великіе безпорядки и довели до того, что силы разума, или помянутые въ Аллегоріи моей начальники пшичекъ сбились съ пуши и начали совершенства полагать въ ложныхъ и такихъ вещахъ, въ чемъ ихъ не бывало, и ложныя почитать истинными, а побочныя существишельными и такъ далѣе. Къ тому присовокупилось еще другое печальнѣйшее слѣдствіе, а именно. Какъ помянутой произшедшей въ душѣ безпорядокъ былъ причиною тому, что и произволъ въ челоѣкахъ сдѣлался безсиленъ и принужденъ поперять главную свою команду и власть надъ желаніями, и сдѣлался почти рабомъ помянутымъ усилившимся желаніямъ; то пользовались симъ его изнеможеніемъ и всѣ скопскія спремишельства, или шѣ склонности, кои въ Аллегоріи моей называны машпрозами. И какъ ихъ предметъ есть шѣло и должность ихъ состоить въ стараніяхъ о снабденіи онаго нужными вещами, а чело-

вѣческое спремительство къ совершенству, или такъ названной мною камериръ съ произшедшими отъ себя опрасльми съ одной стороны о томъ же, что есть о приведеніи тѣла человѣческаго, о его пользахъ и объ отвращеніи ему зла стараться долженъ. Слѣдовательно съ сей стороны оба рода сихъ спремительствъ согласны, то натурально не препящивовали они другъ другу, но паче соединяли силы свои, совокупно дѣйствововали и взаимно одни другимъ помогали, и отъ самаго того вышли изъ предѣловъ, въ коихъ бы имъ по учрежденію натуре бытъ слѣдовало, и такъ между собою перемѣшались, что произошло отъ того неслезанное множество новыхъ совсѣмъ безпущныхъ и тѣхъ желаній, коихъ подъ именемъ худыхъ склонностей болѣе извѣстны и коимъ я ниже сего сообщу родословную, такъ сказать роспись. Прочія же всѣ, а особливо добрыя и главныя названныя мною миниспромъ и прокуроромъ, потеряли природную свою величину и сдѣлались противъ нихъ слабы и не-

мощ-

мощны, а отъ того самаго и произошло, что вся сія душевная республика ппицѣ и звѣрей, или все сборище нашихъ мыслей и желаній находится нынѣ по большей части въ людяхъ въ великомъ неспроеніи. Управляютъ ею не природные и не законные начальники, но глупые, здорные и несродные къ правительству бунтовщики и мяшежники: то есть помянутыя произшедшія отъ смѣшенія скопскихъ спремительствъ съ желаніями совершествъ худыя склонности и желанія. И вся область души наполнена бунтами, мяшежами и внутренними безпорядками и возмущеніями. Главные же и природные начальники, то есть разумъ и произволъ съ помощниками своими миниспромъ и прокуроромъ должны либо во всемъ имъ повиноваться и дѣлать то, что они хотѣли, либо находиться въ великомъ изнеможеніи, и такъ сказать сидѣть въ изгнаніи и започеніи и рѣдко уже и не во всѣхъ просыпаются, выпускаются наружу и производятъ свои но слабыя уже дѣйствія, и не иначе могутъ получить прежнюю свою власть

и господствіе , какъ при вспоможеніи уже самаго Бога и при употребленіи къ тому отъ человѣка трудовъ и стараній.

Вотъ слѣдствія произшедшія отъ паденія Адама ; кто не видитъ , что они весьма для насъ важны. Однако самое помянутое Божеское вспоможеніе дѣлаетъ уже сіе зло не совсѣмъ неизлечимымъ : и намъ есть еще средство избавишься отъ того , буде только мы похотимъ и сами о томъ постараясь , ибо и въ семъ случаѣ правосудіе Божеское требовало того , чтобъ оставишь произволъ нашъ въ своемъ дѣйствіи.

Теперь приступаю я къ изчисленію оныхъ худыхъ желаній , склонностей и привычекъ , или къ сообщенію ихъ , такъ сказать родословной помянутымъ душевнымъ бунтовщикамъ и мясоежникамъ , кои по самой справедливости внутреннихъ нашихъ и злѣйшими злодѣями почтешья могутъ. Всѣ они могутъ на три рода , или на три шай-
ки

ки раздѣлишься и по дѣйствіямъ своимъ относитесь либо къ разуму, либо къ воли, либо къ обоимъ совокупно. То есть во первыхъ на такія, копорыхъ дѣйствія производятъ безпорядки между мыслями, во вторыхъ такія, копорыя причиняютъ внутреннія безпорядки и замѣшательства между желаніями, то есть въ воли, въ претъихъ, кой и въ разумъ и волю совокупно дѣлаютъ замѣшательства. А чѣмъ лучше можно было ихъ понимать и помнить, то можно вамъ любезному чинашелю моему, буде угодно, воображать себѣ видомъ разнаго рода звѣрей и давать имъ такія имена, какія самимъ вамъ заблагоразсудится. Ибо естьли мнѣ сіе дѣлать, то заведу меня сіе въ великое пространство. Чего ради я то оставя упомяну объ нихъ только вкратцѣ, да и то только о знаменитѣйшихъ, ибо все по безчисленному ихъ множеству изчислить никоимъ образомъ не можно. Я начну съ тѣхъ, копорыя относятся къ разуму.

I.

Относящіяся къ разуму, или производящія въ мысляхъ нашихъ, или между птичками безпорядки худыя склонности и желанія суть слѣдующія:

1. Склонность оставаться при шемныхъ и не ясныхъ о вещахъ понятіяхъ. Сіе бываетъ основаніемъ всѣмъ заблужденіямъ и замѣшательствамъ въ мысляхъ, и неохотѣ къ наукамъ и ученію. Сего звѣрка можно сравнить на примѣръ съ осломъ. Однако не смотря на то находится въ человѣкахъ великая опвага полагаться понынѣшъ на собственныя свои разсужденія, а особливо въ нравоучительныхъ маперіяхъ, не смотря каковыбъ не основательныя его мнѣнія ни были. Отъ того и происходитъ, что большая часть людей не смотря на все свое невѣжество и скудоуміе, имѣютъ склонность почитать себя умными, и какъ не могутъ безъ досады сносить, естли ихъ кто глупцами назоветъ; такъ не любящъ, естли кто ихъ мнѣнія опорочивать спанетъ.

2. Склонность къ предразсудкамъ, подѣ именемъ копорыхъ разумѣются такія недоказанныя мнѣнія, копорыя въ насъ въ такую привычку обрапились, что мы и не знаючи имъ слѣдуемъ. Они усиливаются въ насъ либо отъ того, когда разумъ нашъ привыкнеть одинакимъ образомъ о чемъ нибудь мыслишь, либо вкупѣ и отъ того, есѣли интересующся при томъ нѣкопорыя наша хотѣнія. Отъ того и происходишь, что многіе люди не хопяшь иногда вѣришь наияснѣйшимъ доказательствамъ какой нибудь истинны, единственнѣ только для того что они противное тому съ младенческа или издавна зашвердили. Обыкновеннѣйшіе и наизнаменитѣйшіе въ людяхъ предразсудки суть слѣдующіе: 1) когда они всѣ произшествія въ свѣтѣ приписываютъ неперемѣнному року, или судьбѣ и думаютъ, что всѣмъ вещамъ необходимо уже такъ происходишь надлежало, какъ они происходишь; 2) когда они воображаютъ себѣ ложной конецъ на копорой свѣтъ назначенъ и забираютъ себѣ въ голову,

что

что Богъ мало о человѣческихъ дѣлахъ печется; 3) когда они съ лишкомъ уже на себя во всемъ надѣются, или уже съ излишкомъ себѣ не довѣряютъ: и прочія многія.

3. Наружное и внутреннее небреженіе или невниманіе. Отъ которой склонности и происходитъ то, что многіе люди хотя и часто слышатъ важныя и до пользы самихъ ихъ касающіеся разговоры, но пускаютъ ихъ, такъ сказать, мимо ушей и ни мало не хотятъ о томъ подумать, а того меньше войти въ себя и когда нибудь себя разсмотрѣть. Отъ того же самага происходитъ и нелюбленіе многихъ читать важныя и до сущевительной пользы человѣческой касающіяся сочиненія и книги, или читаютъ, но безъ всякаго вниманія и зѣваячи и проч.

4. Излишнее любопытство, то есть склонность и охота къ узнаванію и распровѣдыванію постороннихъ и до насъ не касающихся приключеній для еди-

единой только новости оныхъ, не смотря хотябъ по съ упущеніемъ иныхъ важнѣйшихъ дѣлъ происходило. Коль безчисленные худыя слѣдствія производить сія худая привычка, о томъ не для чего мнѣ упоминать; также и о томъ, что перенашивание вѣспей изъ дому въ домъ и дѣланіе чрезъ то всякихъ сплешней отъ того же самого имѣетъ свое происхожденіе и прочее тому подобное.

5. Суевѣріе состоящее въ склонности, сокровенныя силы, копорыми свѣтъ и человѣческія приключенія управляются, безъ всякой разумной причины и здраваго разсужденія и неизнаиѣйше въ такихъ вещахъ искашь и полагаешь, копорыя къ тому ни мало не способны. Коль многія и разныя, а иногда совсѣмъ глупыя суевѣрія бывають въ народахъ, о томъ было бы съ лишкомъ пространно упоминать. Всѣмъ они довольно извѣстны.

6. Невѣріе, подъ копорымъ именемъ Разумѣеся склонность, не вѣришь ничему

чему такому, чего не можно ощущаѣть чувсшвами, или понимаѣть въ совершенной ясности, хотя бы находилось по-тому довольно и сполько доказательствъ, сколько надобно, или сколько та вещь въ своемъ родѣ имѣть можетъ. Недовѣрка, сомнѣніе и невѣріе въ разсужденіи Хриспійанскаго закона сущь опродія онаго. Подверженной тому, или заразившейся по случаю какими нибудь предосудительными мыслями о немъ человѣкѣ, не можетъ упокоишъся покуда себя подлинно, или ложно увѣряетъ, что возможно бытъ еще вышшей степени удостовѣренія, котораго онъ и пребудетъ; а въ прошивномъ случаѣ старается опровергать, не смотря хотя бы тому дѣлу такое количество доказательствъ было, которое бы обязывало уже всякаго разумнаго человѣка по принятъ за истинну, хотя бы и не присовокуплялось къ тому другаго рода удостовѣренія, илибъ оно было не возможно. При чемъ онъ всегда склоненъ новыя сомнительства вышариваѣть и выискиваѣть, а при всемъ томъ неперпблिवъ разрѣшенія оныхъ

выслушивашь. Склонность же остававшаяся при своихъ мнѣніяхъ побуждаетъ его вниманіе свое только къ тому устремлять, что подтверждаетъ его мнѣніа, а опровергаетъ опъ того, что въ состояніи было принудить его покинуть оныя.

II

Относящіяся же къ воли худыя склонности и привычки, или не сложные поврежденія сей души нашей силы наизнаиѣйшія суть слѣдующія.

1. Лѣнь, или привычка опъ такихъ дѣлъ убѣгать, копорыя намъ тягостны и единственно для того, что они намъ тягостны. Подъ нѣкопорыми условіями происходитъ опъ сей привычки склонность къ предпріятію совсѣмъ не надобныхъ и до насъ ни мало не принадлежащихъ дѣлъ, и предпочиташь маловажныя важнѣйшимъ.

2. Нѣга, то есть съ лишкомъ великое опроверженіе опъ всякаго рода шѣлесныхъ непріятностей.

3. Чувствительность, или склонность къ исканію благополучія своего въ вещахъ, или предметахъ до нашихъ чувствъ, какъ то зренія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія касающихся. Сей склонности подвержена большая часть людей и она находится во всѣхъ въ великомъ степени. Господствіе скопскихъ желаній надъ человѣческими есть одно опродіе опъ онаго; и опъ самаго того происпекаетъ, что люди болѣе о плѣсныхъ, нежели о душевныхъ благихъ, или совершенствахъ спараются и пекутся.

4. Отвращеніе, или ненависть ко всякимъ обязанностямъ. Сему злу всего обыкновенѣе бываемъ мы подвержены, а пошому и происходитъ опъ того упорство противъ введенныхъ порядковъ и уставовъ. Тайная ненависть къ Христіанскому закону и къ плѣмъ людямъ, которые его хранятъ, почишаютъ и защищаютъ. Тайное желаніе чшобъ не было у насъ Бога, или по крайней мѣрѣ чшобъ не было намъ нужды имѣть съ нимъ никакого дѣла,

а иногда отвращеніе отъ всѣхъ благо-
разумныхъ и по правиламъ учрежден-
ныхъ дѣлъ. Въ семъ несчастномъ со-
стояніи по природное и невинное же-
ланіе къ вольности, о которомъ имѣлъ
я случай прежде сего упоминать, на-
ходится въ великомъ заблужденіи. Все
же сіе зло отъ владычества надъ нами
негодныхъ желаній имѣетъ свое проис-
хождение, а какія худыя слѣдствія
отъ того прозсѣкаютъ, о томъ до-
вольно извѣстно.

5. Испорченное, или поврежденное
самолюбіе, которое ничто иное есть
какъ отъ увеселенія мнимыми своими
совершенствами происходящая привычка,
себя предъ другими безъ причины и
безъ дальнѣйшихъ намѣреній предпо-
чищать, и требовать того, чтобы насъ
и другіе предпочитали. Которая
привычка увеличившись обращается въ
спрасъ многія худыя слѣдствія за со-
бою приносящую.

6. Корыстолюбіе состоящее въ томъ,
когда мы во всѣхъ своихъ дѣлахъ соб-

ственную только свою пользу, или интересъ высочайшимъ предметомъ имѣемъ, а изъ любви и должности ничего дѣлать не хотимъ. Сей склонности, какъ извѣстно, подвержена большая часть людей.

7. Непостоянство происходящее отъ того, что мы въ негодныхъ вещахъ сълишкомъ много доброты ищемъ, а напрошивъ того доброту въ совершенныхъ и хорошихъ предметахъ не усматриваемъ, и отъ того бываемъ въ предпріятіяхъ своихъ и намѣреніяхъ не тверды и непостоянны, и получаемъ склонность къ премѣнности.

8. Жестокость пристрастій, или Аффектовъ и сълишкомъ великая способность къ скорому и легкому воспаленію въ насъ оныхъ. Отъ сего происходятъ не помѣрная склонность къ смѣянію, вспыльчивость и склонность къ гнѣву и любушенію, излишняя пужливость и боязливость, великая способность къ печали и горести и опчаянію и прочее тому подобное.

9. Ужасное множество сбившихся съ пуши желаній, склонносней и спремишельствъ. Какъ на примѣръ желаніе имѣть завсегда одни только рѣдкія, или все новыя вещи; или желаніе чѣмъ все дѣлалось скоро на скоро; спремленіе къ тому, чѣмъ всегда играть, шумить, балагуришь и прочее тому подобное. Нѣкоторыя изъ таковыхъ произведенныхъ желаній и склонносней уже такъ съ пуши сбились, что не только въ нихъ нѣкоторыя обстоятельства исправленія требовалибъ, но въ нихъ и ничего уже добраго не осталось и они сдѣлались уже совершенно злыми и негодными. Таковаго рода суть на примѣръ слѣдующія: 1. Зависть, то есть такое душевное состояніе, когда благополучіе инаго производитъ въ насъ досаду и неудовольствіе, и для того стараемся мы того его лишитъ и охотнѣебъ видѣли, чѣмъ того лучше никто не имѣлъ, нежелибъ онъ, шѣмъ пользовался. 2. Зложеланіе, или увеселеніе чужимъ несчастіемъ, то есть когда мы радуемся о чужой гибели и веселимся шѣмъ, когда поспо-

роннимъ лядямъ дѣлается какой вредъ или несчастіе. 3. Свирѣпство состоящее въ томъ, когда мы увеселяемся такою прискорбною и печалію посторонняго, которая имъ нами произведена и мы тому сами причину подали. Родъ таковыхъ же совершенно злыхъ желаній есть. 4. Желаніе дѣлать дѣла другимъ на зло или на смѣхъ. 5. Желаніе почитать другаго глупцомъ и дуракомъ. 6. Шпынство и подниманіе на смѣхъ, то есть склонность утѣшаться воображеніями истинныхъ и мнимыхъ пороковъ и погрѣшностей другихъ людей, и прочее тому подобное.

10. Поврежденной нравственной или собственнѣе душевной вкусъ, то есть когда мы заблудившись, такими вещами утѣшаемся и почитаемъ ихъ хорошими, въ какихъ того нѣтъ. Онъ бываетъ въ людяхъ весьма многообразенъ, и въ сей классъ между прочимъ принадлежатъ нѣкоторыя изъ бываемыхъ модъ и пущія и смѣшныя иногда охоты и препровожденія времени, на примѣръ съ пшцами, скошами и звѣрями и прочее тому подобное.

II. Упрямство и своенравіе, которое по извѣстности своей не пребудетъ дальнаго изъясненія.

Какимъ собственно образомъ и манеромъ, какъ сіи, такъ безчисленные и другія поврежденія нашей воли дѣлающіяся, о томъ подробно говорить было бы съ лишкомъ пространно, да и къ намѣренію моему шеперь того не пребудетъ. Чего ради желающіе въ томъ далѣе любопытствовать, могутъ освѣдомляться о томъ въ упомянутой мною Философической наукѣ называемой Телематологіею, которая разбираетъ все, что до человѣческой воли касается. А я только скажу, что ежели въ тонкость разобрать; то всему тому наконецъ причиною и виною будетъ либо совершенное неупотребленіе, либо употребленіе да недостаточное, либо употребленіе совсѣмъ злое нашей свободности или произвола, которая сила должна распоряжать наши хотѣнія.

III.

Теперь не разпространяя далѣе словъ, упомянемъ и о сложныхъ родахъ по-

врежденія нашей воли, имѣющихъ основаніе въ обоихъ главныхъ силахъ души нашей, то есть въ разумъ и воли совокупно.

Изъ сихъ поврежденныхъ или худыхъ склонностей и желаній примѣчанія достойны наиболѣе только три: а именно честолюбіе, сребролюбіе и сластолюбіе или роскошь; и какъ опъ того большая часть нашихъ пороковъ происходишь, которыми мы всего чаще подвержены бываемъ, и пошому они въ особливости примѣчанія достойны: то упомянемъ о каждомъ изъ нихъ въ особливости и начнемъ съ сластолюбія.

І. Сластолюбіе, или роскошь въ шбсномъ знаменованіи можемъ почесъся такою привычкою нашего нрава, когда мы однихъ такихъ увеселеній безъ дальнихъ намѣреній желаемъ и ищемъ, при которыхъ мы либо по большей части не въ дѣйствуемомъ, а спрадательномъ сосшояніи можемъ ошавашься. Оно раздѣляется на шблесное, которое

шорое шѣлеснаго увеселенія ищетъ и мысленное или душевное, кошорое къ мысленнымъ и духовнымъ увеселеніямъ спремишся. Разнаго рода шѣлеснаго сласполобія суть слѣдующія: 1. прихотливостъ или лакомство, 2. обѣяденіе, 3. пьянство, 4. нѣжность, 5. сонливостъ, 6. венерическое сласполобіе, кошорое послѣднее паки бываетъ либо болѣе любострастное, либо болѣе влюбчивашельное. Понятія о сихъ разныхъ родахъ сласполобія по ихъ имени всякому извѣстны и не требуютъ дальняго изъясненія. Чего ради я о томъ умолчавъ то только скажу, что сласполобивые или роскошные имѣютъ обыкновенно и многіе другіе пороки въ себѣ, не для того чтобъ они изъ сласполобія происпекали, но для того что они сласполобію всего меньше мѣшаютъ, и потому шѣмъ желаніямъ, кошорыя тому собственнымъ основаніемъ суть, въ склонномъ къ роскоши нравѣ не дѣлается помѣшательства. Таковыя суть: безмѣрная склонность къ игрѣ, къ танцованію и пляскѣ, къ вершопрашесству, любопытству, вели-

колѣнію , щегольству , мотовству , распоченію и къ прочему тому подобному. Кромѣ сего примѣчанія достойно, что роскошные бывающѣ весьма непостоянны и переменны; попому что они обыкновенно и наиболѣе бывающѣ сангвинической натуры.

Въ пространномъ же знаменованіи называется иногда именемъ роскоши и сластолюбія заблудившееся желаніе нашего благополучія: и тогда такъ называемая ученая роскошь, или склонность и обыкновеніе упражняться въ шпудированіи и наукахъ единственно для своей забавы и увеселенія составляетъ примѣчанія достойной классъ оной.

2. Честолюбіе ничто иное есть, какъ склонность и привычка безъ дальнаго намѣренія желать того, чтобы насъ люди другимъ предпочитали. Лучшие роды онаго стараются заслуживать по своимъ качествамъ и достоинствамъ, и попому пребываютъ и желаютъ истинной чести и такое честолюбіе непорочно. Таковые люди же-
дающѣ

дають либо внутренней чести и наружныхъ признаковъ оной, которые наружною честью называются совокупно, либо одною внутреннею честью довольствуются. Негодные же роды честолюбія пребудутъ почтенія и чести безъ всякихъ истинныхъ достоинствъ, и потому такіе люди либо думаютъ, что они ее за природныя свои дарованія и за дарованія счастья уже достойны, либо по вънренности принимаютъ на себя прищворной видъ достоинствъ, либо употребляютъ всякія наружныя средства, которыми подлой народъ удивлялся и за то другимъ того предпочитаетъ склонность имѣетъ, какъ на примѣръ великолѣпіе, пышность, шипулы, обхожденіе съ знашными людьми и прочее тому подобное; либо ищутъ уже чести силою и хитростию, обидами и прищесненіями другихъ, оклеветаніями и другими всякими несправедливостями. Однимъ словомъ сколько разныхъ родовъ благъ и совершенствъ есть, для которыхъ честолюбивыми одно состояніе предъ другимъ предпочитается бываешь, столь-

ко и разныхъ средствъ есть, которые честолюбіе къ своему концу и намѣренію употребляетъ, и потому по разности средствъ и честолюбіе разными званіями называться можетъ, какъ напримѣръ: иной человѣкъ ищетъ чести въ наукахъ, и такое честолюбіе можетъ назваться честолюбіемъ ученымъ. Иной ищетъ чести въ видѣ набожности, или въ ревности къ закону и въ спорахъ до закона касающихся. Сіе можно назвать духовнымъ. Иной ищетъ чести чрезъ услуги оказуемая другимъ съ видомъ великодушія, и такое можно назвать величественнымъ. Иной полагаетъ честь въ силѣ и крѣпости шѣлесной и мужественныхъ шѣлесныхъ упражненіяхъ, и такое честолюбіе можно назвать мужественнымъ. Иной полагаетъ честь въ неуспрашимои храбрости на войнѣ и на дракахъ, и такое называется воинскимъ. Иной напрошивъ шого спарается красою и щегольствомъ получить себѣ предъ другими преимущество, и такое честолюбіе можно назвать женскимъ или бабьимъ; однако сіе

сіе не должно смѣшивать съ честолубіемъ женскимъ состоящемъ въ снисканіи себѣ истинной чести опѣ искуснаго домоводства. Иной думаетъ вперить въ людей высокія о себѣ мнѣнія чрезъ разныя рассказыванія и думаетъ снискать себѣ чрезъ то преимущества, не смотря истинныя ли то, или вымышленныя были, и такое честолубіе можно назвать хвастливымъ. Иной ищетъ себѣ чести привязываясь къ самымъ бесполезнымъ мѣлочамъ почищаемымъ имъ важными вещами и направляя весь разумъ свой на оныя, и такое честолубіе можно назвать педантическимъ. Иной старается снискать себѣ преимущество разными смѣшными шлодвиженіями, жестами и словами свидѣтельствующими по мнѣнію его о неуспрашимости и мужествѣ его духа, и такое называется буянствомъ. Наконецъ мужицкою спѣсью, или надменностію называется то, когда кто думаетъ честь чрезъ то получить, что самъ себя другимъ предпочитаетъ; но только такъ, что стараніе его очевидно и сопряжено съ великимъ неискusstvomъ.

ствомъ. Сіи суть наизнапѣйшіе роды честолюбія; однако и кромѣ сихъ могутъ быть многіе другіе роды.

Впрочемъ съ честолюбіемъ очень тѣсно сопряженъ другой порокъ извѣстной подѣ именемъ гордоспи. Подѣ копорымъ именемъ разумѣется привычка себя предѣ другими для съ лишкомъ уже высокаго мнѣнія о своихъ истинныхъ, или мнимыхъ совершенствахъ болѣе, нежели причина есть предпочиташъ, и пошому всегда и очень способно можетъ изѣ гордоспи честолюбіе, а изѣ честолюбія гордоспъ со всѣми своими опродіями, какъ то спѣсю, пышноспію, и шому подобное происходишъ.

Впрочемъ честолюбію прошивоплагается другой порокъ называемой раболѣпностію и состоящей въ обыкновеніи преимущества безѣ всякаго добродѣтельнаго намѣренія, а шолько опѣ недостатокъ познанія, или для лѣнкости и опѣ владычествва надѣ собою худыхъ желаній презирашъ.

Наконецъ со всѣми сими различными родами честолюбія или любочеспія

не должно смѣшивашь той чеспи, или паче честности, которая состоишѣ въ честныхъ поступкахъ и дѣлахъ. Сіе не можно назвашь честолюбіемъ, но любленіемъ добродѣтели и правды; ибо всѣ честные поступки и дѣла не иное что суть, какъ дѣла добродѣтельные, естли только сіе слово не всеу употребляется; такъ какъ то иногда бываетъ, а именно, когда подъ именемъ честныхъ поступокъ разумѣюся дѣла нимало существа чеспи въ себѣ не заключающія.

3. Что касается до сребролюбія, то подъ симъ именемъ вообще разумѣется шомъ порокъ, когда заблудившееся и къ единственному владѣнію имѣніемъ идущее желаніе устремляется къ безопасности впредь, и мало по малу отъ надлежащаго своего предмета удаляется. И такъ сребролюбіе въ самомъ началѣ своемъ есть желаніе ко-
 лико можно поспѣшествовать безопасности своей въ предбудущее время владѣніемъ имѣнія. Но какъ человеки сей предметъ мало по малу позабываютъ, то и превращается оно попомъ
 въ

въ привычку желашь владѣнія имѣніемъ и безъ дальнихъ намѣреній; а ошъ того и происходитъ то, что сребролюбивой не хочешъ уже пріобрѣшеннаго пращитъ, хошябъ того требовали и надобности. Онъ старается ошъ часу получить болѣе и довольствуется однимъ владѣніемъ. Однако сребролюбіе вообще не должно смѣшивашъ съ собственнымъ желаніемъ денегъ, или богатолубіемъ вообще, которое сопрягается и съ другими желаніями и богатства только какъ такихъ средствъ желаетъ, чрезъ копорыя онъ до намѣреній своихъ доспигнуть можетъ; какъ на примѣръ лѣнливой желаетъ для того денегъ, чтобъ ему не прудиться; роскошной, чтобъ могъ удовольствовашъ свои роскоши; честолубивой, чтобъ могъ себя оказашъ людямъ и произвестъ великія намѣренія и шакъ далѣе: на прошивъ того сребролюбецъ желаетъ владѣть имѣніемъ только для того, чтобъ копишъ и умножашъ. Однако могутъ и съ сребролюбіемъ иныя снлонности сопрягашъся, а ошъ того и происходитъ пошомъ различныя дѣйствія.

Низ-

Низкая степень сребролюбія состоишѣ въ томѣ, когда человекѣ деньги собираешѣ и не охотно уже ихѣ спрашивѣ, никому же неправды и обиды не дѣлаешѣ, и такое сребролюбіе называется скупосшѣ; а высокая степень въ томѣ, когда кто вредомѣ и убыткомѣ другихѣ людей набогатишѣся ищешѣ, и такое сребролюбіе называется лихоимствомѣ. Ежели кто другихѣ недоспашокѣ терпѣшѣ допускаешѣ, самѣ же не допускаешѣ себя ни въ чемѣ до оскудѣнія, такое сребролюбіе можно называть завистливымѣ. А ежели кто и самѣ себя не жалѣешѣ, но собиранію богатства жершвуешѣ честію, покоемѣ и увеселеніемѣ своимѣ; такой по справедливости можетѣ назваться скрягою и такѣ далѣе.

Вотѣ крашкое, но далеко еще не полное родословіе господствующихѣ въ насѣ худыхѣ склонностей, и мнѣ оспашается шеперь о всѣхѣ ихѣ вообще слѣдующее замѣнитѣ: а именно. Чшо когда кошорое нибудѣ изѣ негодныхѣ желаній такѣ усилишѣся, чшо свободность, или произволѣ нашѣ не можетѣ
либо

либо воя, либо по крайней мѣрѣ того
моменту его преодолѣть, то такое,
какъ я уже прежде упоминалъ, назы-
вается уже спрасью, для того
что человѣкъ принужденъ уже тогда
по самой неволѣ ему слѣдовать и шер-
пить нѣкоторымъ образомъ въ душѣ
спраданіе. Такая же спрась, по кошо-
рой мы всего чаще дѣйствуемъ, назы-
вается господствующею спрасью.

Симъ можнобъ уже было мнѣ окон-
чить сіе разсужденіе, естлибъ не оспа-
лось мнѣ еще упомянуть одно слово;
а именно, что знаніе сего родословія
не принесетъ намъ дальнѣйшей пользы,
естли помышляя объ оныхъ не будемъ
мы помышлять вкупѣ и о тѣхъ пе-
чальныхъ слѣдствіяхъ, которыя отъ
нихъ въ обществѣ человѣческаго рода
происходятъ, и о вредѣ какой произ-
водятъ они въ самомъ человѣкѣ. Сіе
по справедливости требовало бы по-
дробнѣйшаго разсмотрѣнія и для того
назначилъ я къ тому особое разсужденіе.

РАЗСУЖДЕНИЕ IX.

*О предныхъ слѣдствіяхъ происходящихъ
отъ худыхъ нашихъ склонностей
и желаній.*

Хотя того по справедливости нико-
му нѣтъ нужды сказывать, что
отъ худыхъ нашихъ спрасей и склон-
ностей происходятъ въ человѣческомъ
обществѣ многія вредныя и печальныя
слѣдствія; ибо сіе всѣмъ по несчастію съ
лишкомъ довольно извѣстно: однако и
то останется всегда истинною спра-
ведливостію, что ничто насъ къ спа-
раніямъ къ преодоленію сихъ нашихъ
внутреннихъ злодѣевъ и къ удаленію
отъ пороковъ, а къ пріученію себя къ
добродѣтели такъ сильно побуждаетъ
не можетъ, какъ частое и сколько мо-
жно живѣйшее воображеніе всѣхъ оныхъ
вредныхъ слѣдствій, какія отъ худыхъ
нашихъ склонностей какъ въ обществѣ

всего человѣческаго рода, такъ и во внутренности самихъ насъ происходящъ.

Сіе, равно какъ и по обстоятельству, что помянутыя вредныя слѣдствія въ самомъ дѣлѣ не всѣмъ такъ довольно знаемы, чтобъ о томъ упоминашь не стоило, побудило меня назначить единственно сему сіе не большое разсужденіе, а особливо для того что и благополучію нашему ничто такъ не мѣшаетъ какъ оныя.

Такимъ образомъ приступая къ намѣренію прежде всего скажу, что разсуждая о всѣхъ оныхъ вредныхъ слѣдствіяхъ нахожу я, что они нѣкопорымъ образомъ на три рода раздѣлены бытъ могутъ. Одни суть такія, которыя оны пороковъ собственно въ самихъ насъ происходятъ и намъ вредящъ. Другія касающя до того предосудительнаго содержанія, въ которое мы чрезъ то съ другими людьми впадаемъ, или короче сказать, которыя вредящъ всему человѣческому обществу.

А претѣи и важнѣйшія наконецъ касающія до того несчастнаго содержанія, въ которое мы чрезъ нихъ съ производилемъ міра и нашимъ Творцемъ и Богомъ приходимъ.

Я начну съ первыхъ или съ тѣхъ, которыя отъ того въ самихъ насъ происходятъ. Вредъ претерпѣваемой нами отъ того конечно великъ и примѣчанія достоинъ. Мы чувствуемъ онѣи и въ душѣ и тѣлѣ нашемъ и не инако должны ихъ признавать, какъ натуральнымъ наказаніемъ за наше упорство и нехотѣніе повиноваться повелѣніямъ нашего Создателя. Вся наша душа, или прямѣе сказать, все состояніе душевныхъ нашихъ силъ дѣлаеши и оспаеши чрезъ то несовершеннымъ. Порочныя наши желанія оспуюши на единственномъ только собственномъ нашемъ самихъ себя обманываніи, состоящемъ въ томъ, когда мы вещамъ либо совсѣмъ ложное и не таковое существо, какое они имѣютъ, или по крайней мѣрѣ ложную степень доброты и вредности, драгоцѣнности и

малоцѣнности приписываемъ. Однимъ словомъ худыя наши желанія подають поводъ намъ всякой часъ себя обманывать, и мы не можемъ за ними правильно разсуждать о добрѣ и худобѣ вещей. То, въ чемъ нималога нѣтъ добра, но паче въ чемъ кромѣ сущаго для насъ вреда ничего не находишь, по наущенію ихъ мнимъ находишь мы не вѣдомо какія прелести и драгоцѣнности и надѣясь получить не вѣдомо какія себѣ пользы, шому слѣдуешь и за сею мечшою гоняемся. Напрошивъ шого шакія вещи, копорыя въ самомъ дѣлѣ намъ полезны и въ копорыхъ кромѣ добраго ничего нѣтъ, мы упускаемъ совсѣмъ изъ примѣчанія, или шого хуже мнимъ находишь въ нихъ худобу и для себя вредъ и опъ нихъ бѣгаемъ и удаляемся, вмѣсто шого чшобъ намъ ихъ искашь долженствовало. Я могъ бы доказать сіе тысячами примѣровъ, ештлибъ не завело меня сіе въ великое просшранство; чего ради оставляя сіе пойду далѣе.

Сіе собственно самихъ насъ наше обманываніе просширается еще далѣе

и не до одного разсудка о вещахъ, но и до стараній нашихъ о насыщеніи сихъ желаній нашихъ касается. Мы предпринимая дѣла для удовольствованія оныхъ не милосерднѣйшимъ образомъ себя обманываемъ, думая, что шѣмъ все и кончится, когда мы то получимъ, чего желаемъ. Однако не только что иное, но самая практика доказываетъ намъ совсѣмъ тому противное и то, что желанія наши далеко шѣмъ еще не довольствуются, но дѣлаются чрезъ то еще жаднѣе и начинаютъ насъ еще болѣе тревожить, что иначе и быть не можетъ. Самое существо и свойство оныхъ то съ собою уже приносятъ. Ибо какъ они не находясь въ такомъ другъ у друга повиновеніи, какое надобно и какое между хорошими желаніями бываетъ, а дѣйствуютъ и усиливаются по своей волѣ и безъ всякаго препятствія: то необходимо должны они шѣмъ жаднѣе и голоднѣе дѣлаться, чѣмъ чаще будетъ по нихъ исполняемо; ибо сіе сподобитъ только увеличивать ихъ болѣе и опъ часу далѣе удалять опъ

совершеннаго насыщенія. Возьмемъ въ примѣръ сребролюбіе и честолобіе. Можетъ ли погруженной въ сіи спраспи человѣкъ когда нибудь доволенъ быть? Не всегда ли онъ захочетъ получить еще болѣе богатства или чести, не смотря хотябъ онъ имѣлъ съ излишкомъ много? Не почиаетъ ли онъ тогда ихъ себѣ наинадобнѣйшими, когда повидимому споитъ въ нихъ по уши? А сіе и натурально; пошому что во все то время, въ которое онъ сего богатства или чести искалъ, желаніе его увеличивалось и часъ отъ часу умножалось. Что касается до роскошныхъ и сластолюбивыхъ, то хотя сіи одинакими предметами скоро прискучивающъ, но желаніе имѣть на мѣсто ихъ другія и новыя перемѣны становится всегда болѣе, въ самомъ же нравѣ дѣлается ко всему омерзѣніе и чувства для ощущанія пріятности тупѣе такъ, что наконецъ имъ ничто не пріятно и не хорошо; что происходитъ отъ того, что и прочія наши чувства имѣютъ такъ какъ вкуса свойство портиться

шишься не выключая и самого душевнаго вкуса.

Третье вредное слѣдствіе состоитъ въ томъ, что происходящее отъ пороковъ несовершенное души нашей состояніе часъ отъ часу увеличивается. Изъ одного порока впадаемъ мы обыкновенно въ другой и величайшей; пошому что всѣ пороки въ такомъ между собою сопряженіи находятся, что изъ одного въ безчисленные другіе впасъ можно. Причиною тому то, что въ душѣ такого человѣка нѣтъ того надлежащаго верховнаго владычества добродѣтели, кошорая одна только можетъ всѣми силами, безчисленными желаніями и побужденіями ихъ управлять и содержать ихъ въ порядкѣ. Сверхъ того какъ предслѣдующей порокъ душу нашу къ высочайшей степени либо самой шойже, или другой суешности и злоси предуготовляетъ, то натурально и злосъ всего нрава шодикимъ же градусомъ должна часъ отъ часу увеличиваться и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже спановишься.

Въ четвертыхъ слѣдуетъ само собою то, что пороки превращаются часъ отъ часу въ величайшія привычки, которыхъ истребленіе и преодоленіе чѣмъ далѣе тѣмъ съ множайшими сопрягается трудностями.

Въ пятыхъ увеличивается въ чело-вѣкѣ чрезъ то упрямство, и онъ отъ часу становится несклоннѣйшимъ къ приниманію добрымъ увѣщаній и къ безпристрастному объ нихъ разсужденію; напрошивъ того могущество предразсудковъ становится часъ отъ часу больше, а чрезъ все сіе спрашивается отъ часу умножается, а возможность къ истребленію оной отъ времени до времени уменьшается.

Въ шестыхъ наконецъ не иное что отъ всего помянушаго послѣдуетъ, какъ то, что душа въ такую попадаетъ неволю, изъ которой не можетъ уже освобождена быть никакимъ нравственнымъ средствомъ, и такой чело-вѣкъ погружается совсѣмъ въ пороки и нерѣдко погибаетъ, такъ сказать, и тѣломъ и душою.

Вопъ

Вотъ въ какое несовершенство приводятъ худыя желанія нашу душу. Но чтожъ отъ сего несчастнаго состоянія истекаетъ? Не иное что, какъ безчисленные неудовольствія, прискорбія, горести, досады и несчастія. Ибо какъ безпорядочныя желанія сбродомъ и безъ всякаго порядка дѣйствуютъ, и одни другимъ противны, и потому не могутъ всѣ совокупно удовольствованы быть: то происходитъ отъ того внутренней мятежъ и беспокойство. Воспалющіяся пристрастія и склонности воюютъ тогда между собою, и что одному изъ нихъ въ угодность сдѣлается, то бываетъ другому не въ угодность и по большей части первое, сіе послѣднее едва только превышаетъ. Къ противнымъ же и не согласнымъ съ порочными нашими намереніями произшествіямъ не иначе какъ чрезвычайно много случаевъ быть натурально должно; потому что пороки не иное что суть, какъ мятежники противъ учрежденнаго Богомъ вѣщамъ порядка и старающіяся, такъ сказать, плыть въ верхъ рѣки противъ стремленія

ленія воднаго. Не должноли жѣ напурально вспречашься съ ними тысячи препятствіямъ и помѣшательствамъ и подашь поводъ къ безчисленнымъ досадамъ и неудовольствіямъ человѣку; ибо напурально когда порочной духъ не получаетъ того, чего ищетъ, то терпитъ отъ того досаду, и прискорбіе его бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ желаніе его было не обузданіе. Когда же наконецъ такой человѣкъ примѣнитъ, что онъ самъ себя обманулъ, то произойдетъ отъ того раскаяніе, стыдъ, боязнь и угрызеніе совѣсти; напрошивъ того пороки лишаются совѣмъ того истиннаго и основательнаго увеселенія, которое произошло отъ добродѣтели.

Чтожъ касается до слѣдствій отъ худыхъ склонностей и желаній въ разсужденіи нашего тѣла и до вреда ими въ немъ производимаго, то о семъ не для чего мнѣ много говорить. Кому не извѣстно, коль многія и печальныя слѣдствія бываютъ порочной и невоздержной жизни? Я то только скажу, что

что они ни въ чемъ иномъ состоятъ, какъ въ многочисленныхъ болѣзняхъ и наконецъ въ преждевременной смерти и мню, что сего уже довольно будетъ къ изображенію того, важныли они, или не важны.

Сіи суть слѣдствія касающіяся до человека въ особливости. Теперь по-смотримъ, каковы они въ разсужденіи всего человѣческаго общества и того содержанія, о какомъ мы въ случаѣ пороковъ съ прочими людьми находимся. Но надобно ли мнѣ и о семъ много говорить? Кому не извѣстно, какой великой вредъ происходитъ отъ пороковъ въ человѣческомъ обществѣ? Не разрушается ли единственно отъ нихъ союзъ онаго, отъ котораго единственно все благосостояніе человѣковъ зависитъ? Не вредитъ ли одинъ другому, а сей прешьему? Одинъ обижаетъ того, а самъ отъ другаго такія же обиды претерпѣваетъ! Къ какимъ неправдамъ, къ какимъ утѣсненіямъ, къ какимъ вѣроломствамъ, наглостямъ, беззаконіямъ, злымъ или паче сказать

звѣр-

звѣрскимъ и человѣку ни мало не приличнымъ и шоль всѣму ихъ обществу вреднымъ дѣламъ, не доводятъ человѣковъ негодныхъ ихъ склонности и желанія? И не мѣшаютъ ли они чрезъ то одинъ другому въ достиженіи какъ главнаго конца своей жизни, такъ и въ наслажденіи спокойствомъ и веселіемъ. Я то шолько скажу, что ежели прямо разсмотримъ, то большая часть зла угнѣщающаго человѣческой родъ не отъ печенія напущающаго, но отъ пороковъ происходитъ и что часто слѣдствія порочныхъ дѣлъ единаго человѣка распространяются на многихъ другихъ, дѣлающихся отъ того несчастными.

Что касается до содержанія, въ какомъ мы въ случаѣ порочной жизни съ прочими людьми находимся: то порочныя дѣла дѣлаютъ насъ обыкновеннымъ образомъ другимъ людямъ ненавистными и производятъ то, что они насъ не любятъ и не оказываютъ намъ нужныхъ услугъ, для того что почитаютъ насъ того не достойными. А иныхъ пороки наши доводятъ до того, что они

они готовы намъ вредить, для опмщенія либо за себя, либо за своихъ пріятелей, или опасаясь, чтобъ такіе порочные люди не могли впредь для насъ быть вредными. Кромѣ сего многіе пороки доводятъ насъ до безчестія и поношенія и до того, что мы не можемъ быть никѣмъ терпимы, но какъ негодные опъ всѣхъ презираемы, или до того, что насъ всѣ честные люди любя свою честь и спокойства, какъ нѣкоего яда бѣгаютъ.

Наивреднѣйшими же бываютъ они намъ въ разсужденіи того несчастнаго содержанія, въ какое мы чрезъ нихъ приходимъ съ своимъ производителемъ. Но о семъ пунктѣ не знаю говорить ли мнѣ или нѣтъ? Ибо та несчастная истинна мнѣ съ лишкомъ довольно извѣстна, что мы дожили наконецъ до такихъ временъ, что многіе запыкаютъ того момента уши и опвращаютъ и мысленными и тѣлесными очами, какъ скоро рѣчь дойдетъ до Бога и до нашихъ къ Нему должностей; и вмѣсто того, чтобъ важнѣйшую сію
маше-

матерію всего болѣе внимаешь, оную не только своимъ примѣчаніемъ не удостоиваешь и не только опъ ней отвращаешься, но какъ опъ огня бѣгая даже до того доходяшь, что въ стыдъ себѣ спавяшь не только говоришь, но и помышляешь объ оной; но и о шѣхъ не вѣдомо, какія предосудительныя мысли получаютъ, которые о томъ говоришь по глупости своей предпринимая шѣмъ нѣжной ихъ слухъ раздражаетъ отвѣживаются. Сія неоспоримая правда за вѣрное меня увѣряешь, что и я многимъ не ужоу и опъ нихъ не опмѣнно включенъ буду въ число глупцовъ, естли я въ матерію сію часто углубляюсь и имъ сими такъ опъ нихъ называемыми шаринными враками надобдашь и наскучиваешь буду. Это я довольно знаю. Но что дѣлаешь, что я зараженъ сею глупостію! Обычай, говорися, не клѣшка, съ мѣста на мѣсто не переспавишь: а я какъ-то уже привыкъ о томъ болтать и находишь въ томъ лучшей вкусъ, нежели какой другіе находятъ; и для того прошу помянутыхъ Господъ

миѣ

мнѣ поелику сродному къ слабостямъ
человѣку, сію слабость отпустишь и
дозволишь нѣсколько словъ сказать и
о семъ пунктѣ. Тѣмъ паче, что они,
если имъ угодно, такъ могутъ сего
и не читать и шѣмъ не раздражать сво-
его слуха, но оставляя сіе шѣмъ ко-
торые такой же глупости подверже-
ны, какъ я, и коихъ душевной вкусъ не
такъ еще испорченъ, чтобъ они не мо-
гли терпѣть таковыхъ душевныхъ пи-
щей, но находить въ нихъ нѣкоторые
пріятные и питательные соки.

И такъ вамъ, любезные мои пова-
рищи, хочу я нѣсколько словъ о семъ
пунктѣ сказать. Вамъ они будутъ не
противны и вы не поскучите вѣрно
удостоить ихъ своимъ прочтеніемъ.

Содержаніе, въ которое впадаемъ
мы чрезъ питаніе въ себѣ худыхъ на-
шихъ склонностей и желаній и чрезъ
производство по нихъ различныхъ дѣлъ
поистиннѣ достойно наивеличайшаго
примѣчанія; и слѣдствія произскаю-
щія отъ того ужасны и несравненно
важ-

важнѣ всѣхъ другихъ выше сего изочпленныхъ. Тупѣ дѣло касается до содержанія не самихъ насъ съ собою и не съ другими человѣками, но съ шѣмъ, кошорой всѣхъ насъ побольше и коего Имя безъ шрепеша мы вспомнишь не долженствовалибъ. Ужасность онаго содержанія не многія слова изобразить могутъ! Одного слова почти довольно къ выраженію оной! Довольно, когда сказаешь, что чрезъ порочную нашу жизнь приходимъ мы въ вражду съ своимъ Создателемъ и дѣлаемся мятежниками, врагами, ослушниками и противниками противъ Бога! Противъ такого всемогущаго Существа, кошорое въ одинъ мигъ моглобы насъ въ ничто обратишь, естлибъ только похотѣло и шо учинишь другія свящія его свойства ему не мѣшали, и теряемъ чрезъ шо несказанное множество неощбенныхъ выгодъ и вкупѣ не только будущее, но самое нынѣшнее благополучіе! Сего, говорю, одного довольнобъ уже было для изображенія намъ всей важности!

Однако дозволюще мнѣ еще сказать нѣсколько словъ пому въ изъясненіе. И такъ спрошу я только васъ. Не шакого ли сіе великое Существо свойства, которое какъ доброе въ безконечномъ градусѣ любви, такъ напрошивъ того всякое зло безконечно ненавидишь, и которому всѣ такія ошѣ худыхъ нашихъ склонностей происходящія злыя дѣла прошивны и ненавистны, и не для того ли самого онѣ намъ шоль накрѣпко повелѣваетъ убѣгать оныхъ? Когдажъ сіе не оспоримо и справедливо: то напомнимъ же, кто бы сей шаковъ былъ, кто сіе намъ повелѣваетъ и того хочешъ и желаетъ, чшобъ мы ихъ бросили и спарались не имъ а пому слѣдовать, что онѣ намъ предписуетъ? Не безконечное ли Существо имѣющее шакую власть, что небо и земля повинующіяся его мановенію, и коего одно слово могло весь міръ создать и можетъ опять уничтожить? Не шакое ли, у котораго въ безпредѣльной власши не только что иное, но самая наша жизнь и дыханіе состоишь? Не шакое ли, ошѣ котораго мы все, что

ни имѣемъ, получили, и у котораго все не смотря на наше мнимое владѣніе и самихъ себя обманываніе, состоитъ въ совершенной власти? Ибо можемъ ли мы по справедливости почестъ собственно своимъ, когда бездѣльной пылинки произвестъ изъ ничего не въ состояніи и ничего съ собою на свѣтъ не принесли, да и жизнь свою не сами себѣ дали и не опъ насъ зависѣло родиться въ такомъ званіи и состояніи, въ какомъ мы родились? — Не такое ли, котораго опъ произволенія быніе всѣхъ вещей начало свое получило, и которое вкупѣ и насъ создало и нашу ру нашу учреждало и лучше нашего знаетъ, что для насъ дурно, что хорошо, что вредно, что полезно, и намъ добра всего паче желаетъ? Не такое ли, которое всѣми произшествіями въ свѣтъ, слѣдовательно и благоденствіями и несчастіями нашими по наипремудрѣйшему своему провидѣнію управляетъ и ихъ распоряжаетъ, и безъ котораго воли и поущенія ничего не дѣлаемся? Не въ правду ли думаемъ мы, что всѣ произшествія въ свѣтъ безъ

безъ его воли и попушенія происходящъ и онъ о нашихъ дѣлахъ не печется и что мы сами коваши собственнаго своего благоденствія? Или не въ правду ли думашъ, что всѣ произшествія въ свѣтѣ происходятъ по непремѣнному предѣлу и опредѣленному напередъ порядку, и что чему назначено бытъ, то уже никакъ миновать и намъ того ничѣмъ перемѣнить не можно? Ахъ нѣтъ, любезные собрашя! Въ обоихъ сихъ случаяхъ совсѣмъ уже не къ ешаши и съ лишкомъ грубо обманемъ мы себя! Это двѣ крайности, копорыя насъ погубить могутъ, и коихъ намъ остерегаться надобно! Пускай говоритъ кто какъ хочетъ и самъ себя насильно обманываетъ и напуру на свой ладъ передѣлываетъ старается: но истинна останется всегда истинна и во вѣки не преодолѣется, а напура для мнѣнія ихъ не передѣлается. Она останется всегда тажъ и всѣмъ устройеніемъ своимъ всегда намъ свидѣтельствовать и благовѣститъ будетъ, что все не слѣпымъ случаемъ, равно какъ и не все по неизбѣжной необхо-

димости дѣлается; но что Производителъ не только ее создалъ и распорядилъ, но ею произвольно правительствуетъ и всегда имѣлъ, нынѣ имѣетъ и впредъ имѣть будетъ объ ней вообще и о созданныхъ по образу и подобію своему созданіяхъ наипремудрѣйшее попеченіе и далеко отъ того удаленъ, чтобъ оставить ихъ безъ всякаго уже присмотра, или такъ себѣ связать руки, чтобъ въ разсужденіи ихъ не могъ уже учинить никакихъ перемѣнъ, не прошивныхъ святымъ своимъ свойствамъ, а къ пользѣ ихъ клонящихся, какъ то въ нынѣшнія времена многіе старающіеся себя увѣришь, позабывъ, что они не безконечны, а имѣютъ ограниченной и такой разумъ, коимъ какъ бы ни старался, но все дѣла не постижимаго постигнуть не въ состояніи!

И такъ когда все сіе справедливо и когда то неоспоримая истинна, что непремѣнное распоряженіе въ теченіи натуры касается болѣе только до устройства вещественнаго міра: въ разсужде-

сужденіи жъ духовнаго, или разумомъ и свободностію одаренныхъ созданій непремѣнное положеніе состоишь въ томъ, что всякое доброе отъ произвола ихъ происходящее дѣло и производишь добрыя послѣдствія и когда ни будь неопшѣнно наградишься, а злое никогда добрыхъ послѣдствій, а такое жъ зло, само собою производишь и необходимо долголи, или корешко накажешься, естли сему показанными средствами предварено не будешь; прочее жъ зависишь отъ произвола всемогущаго нашего Бога, управляющаго всѣмъ міромъ самовластно и могущаго шоль часно въ вещественномъ мірѣ дѣлать перемѣны, колы часно шо для какихъ ни будь причинъ въ разсужденіи духовнаго, для котораго шомъ созданъ, востребуешься. Зло же ему въ безконечномъ градусѣ прошивно: шо разберише, какія слѣдствія должны произскашь отъ произвольнаго послѣдованія и производства нами помянушаго зла! Не должноли оно по самому учрежденію нашурь производишь намъ пакы зло и сверхъ того навлечь на насъ

неоптмѣнное наказаніе и справедливой гнѣвъ отъ Владѣтеля міра ; пошому что мы ему шѣмъ досаждаемъ и не только повелѣнія его въ ничто обра- щаемъ , но и желанію его противоборс- ствуемъ ? Но подумаемъ только , кто и кому въ семъ случаѣ противоборс- вуетъ ? Кто и кому досаждаеиъ , и кто и кому не хочетъ повиноваться ? Равной ли человекъ человеку , или соз- даніе себѣ подобному созданію ? Не су- щей ли немошной червь такому вели- кому властителью , отъ котораго гнѣ- ва не въ состояніи его или насъ никакая тварь избавишь , естли онъ на насъ наконецъ прольется и мы продолжае- мыми и на всѣ его старанія о исправ- леніи нашемъ и поощреніе къ обраще- нію на истинной путь не смотря , толь- часто повторяемыми досадами , упор- ствомъ , грубостію и противоборствомъ во зло употребимъ его долготерпѣніе и принудимъ его наконецъ себя по до- стоинству наказати.

Сіе въ состояніи , надѣюсь , каждо- му изъяснитъ ужасность слѣдствій отъ
поро-

пороковъ. Однако сего еще не довольно, но кромѣ всего того пишая въ себѣ худыя склонности и слѣдовавъ имъ только однимъ большую часть нашихъ дѣлъ предпринимая, не теряемъ ли мы безчисленныхъ и неоцѣненныхъ выгодъ, а особливо не лишаемся ли мы чрезъ то въ семъ великомъ нашемъ, насъ хотя бесконечно любящемъ, однако при томъ всякое зло бесконечно ненавидящемъ Создателѣ, наилучшаго себѣ друга, милосливѣйшаго благодѣтеля, вѣрнѣйшаго защитника и покровителя, и однимъ словомъ наилучшаго и такого Отца, на котораго мы во всякое время и во всемъ дерзновенно надѣясь и полагаясь можемъ, и подъ его покровительствомъ счастливо, спокойно и бесконечно жизнь препровождать? Ибо разберите, хотя онъ и милосливъ, чловѣколюбивъ, милосердъ и о всѣхъ печется, но такъ ли уже можемъ обращаться къ тѣмъ, которые не только того не достойны, но не хотяшъ усиленно того никогда и достойными быть, и всего меньше имѣшъ о томъ какое нибудь стараніе и попеченіе, но всю

жизнь свою такъ препровождаютъ , какъ бы надъ ними ни Господа , ни повелишеля не было , или того еще хуже не только не исполняютъ , но еще на смѣхъ поднимаютъ его повелѣнія ? Не долженъ ли онъ натурально имъ какую нибудь ошмѣну дѣлать ошъ шѣхъ , которые сами его любятъ , о исполненіи повелѣній его пекутся и усердно стараются включить себя въ число шѣхъ , коихъ онъ удостоиваетъ называть своими дѣтьми , друзьями и любимцами.

Наконецъ самыя онныя господствующія въ насъ и нами обладающія худыя склонности и желанія не всего ли болѣе ошдаляютъ и ошводятъ насъ ошъ любви , почтенія и послушанія сему великому спрашному , но при томъ такому Существу , котораго милость и любовь всего для насъ полезнѣе , всего нужнѣе и всего прочаго необходимо надобнѣе , а гнѣвъ всего ужаснѣе ? Не они ли занимаютъ все наше время , такъ что мы въ цѣлыя годы , мѣсяцы и недѣли не находимъ и нѣсколькихъ не многихъ праздныхъ минутъ на
здра-

здравое помышленіе о себѣ и о немѣ и о истинныхъ своихъ пользахъ, но всѣ свои дни и часы на помышленія и спаранія о удовольствованіи и насыщеніи сихъ внутреннихъ нашихъ злодѣевъ не только въ настоящее, но и въ будущее и такое время, до котораго сами знаемъ, что не доживемъ, упошребляемъ, и чрезъ то всего болѣе истинному своему благополучію мѣшаемъ и оное не искашь, но всякой часъ разрушаешь и ему препоны полагаешь спараемся!

Вотъ все, что я за нужное почелъ упомянуть о себѣ вкратцѣ. Теперь окончу сіе сказавъ: что когда отъ худыхъ склонностей и отъ происходящихъ отъ того порочныхъ нашихъ дѣлъ со всѣхъ сторонъ полъ вредныя слѣдствія для насъ произшекаютъ; когда мы и въ тѣлѣ и душѣ претерпѣваемъ отъ того ужасной вредъ; когда и людямъ въ ненависть приходимъ и вредъ всему обществу причиняемъ, а паче всего когда гнѣвимъ своего Создателя и къ наказанію его

У 5

себя

себя приневоливаемъ, а чрезъ все по не только никакой пользы, кромѣ суешныхъ и крапковременныхъ и ложныхъ увеселеній не получаемъ, но паче и нынѣшнее временное и будущее вѣчное благополучіе самопроизвольно теряемъ: то не должно ли всему тому по справедливости ежечасно насъ побуждать къ помышленію получше о своей истинной пользѣ и о возможномъ уменьшеніи сего въ насъ обиташаго зла, прилагая стараніе искашь всѣ удобовозможные къ тому способы и не опекладывать того опѣ времени до времени, но приступать къ тому чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

РАЗСУЖДЕНІЕ X.

О возможности уменьшенія нравственнаго зла и о исправленіи нашемъ вообще.

Теперь хочу я съ вами, любезной мой читатель, о весьма важной и особенной матеріи говорить, и прошу васъ объ одной бездѣлицѣ, а именно, чтобы вы слѣдующія спроки удостоили благосклоннымъ своимъ вниманіемъ. Сдѣлайте сіе пожалуйста. Можете быть не будете вы сами послѣ въ томъ раскаяваться. Да хотябъ сего не было, такъ по крайней мѣрѣ для меня это сдѣлайте. Я испрашиваю отъ васъ сего въ награжденіе за всѣ мои труды, которые имѣлъ я при сочиненіи сей книги для пользы моихъ согражданъ и въ томъ числѣ для собственно вашей предпріятыя. И буде я чѣмъ нибудь вамъ въ оной угодилъ, такъ заплашите мнѣ за то исполненіемъ

ніемъ шеперешней прозбы. Я упо-
требляю къ вамъ ее не для того, чтобъ
побуждало меня къ тому какое ни-
будь суешное или честолубивое намѣ-
реніе. Нѣтъ любезной читатель! Но
усердіе къ собственной вашей пользѣ
меня къ тому поощряетъ. Мнѣ хо-
чешся того, чтобъ они въ состояніи
могли бытъ принести вамъ хотя ма-
ленькую сущесвишельную пользу, ко-
торую безъ того не можете получить,
буде не удостоите ихъ особливаго
вниманія. Не сдѣлайте того, чтобъ я
и въ разсужденіи васъ принужденъ
былъ вздохнуть о щещности тру-
довъ сему подобныхъ и для такихъ
же намѣреній предприниманныхъ, для
какого сей трудъ предпріять, и до-
кажите, что вы болѣе себя любите,
нежели многіе другіе и усерднѣе своей
испинной пользы желаете.

Надпись сего разсужденія изъясни-
ла, можетъ бытъ, вамъ уже отъ части
будущее содержаніе онаго. Но какъ я
и съ сей стороны боюсь, чтобъ вы не
почли и сіе разсужденіе такимъ же по
мнѣ-

мнѣнію вашему поспороннимъ и къ главному предмету сей книги не принадлежащимъ дѣломъ, какимъ всѣ предсѣдующія можетъ быть вы почитали: такъ и въ семъ случаѣ принужденъ я васъ просить, чтобъ вы возъмѣли объ немъ лучшія мнѣнія, и повѣрилибъ мнѣ какъ сочинителю оныхъ, что какъ сіе, такъ и прежнія съ помянутымъ главнымъ предметомъ сей книги, по есть показаніемъ способовъ къ снисканію благополучія, болѣе связаны, нежели вы думаете. Сами вы послѣ сіе усмотрите, и увидите, что не впунѣ и не попустому изъяснилъ я самъ и говорилъ такъ много какъ о существѣ и свойствахъ, такъ и о происхожденіи и разныхъ родахъ нашихъ желаній, равно какъ и нравственнаго зла и слѣдствій онаго, и всѣмъ тѣмъ надоѣдалъ и наскучивалъ вашему слуху; да хотябъ сего не было и хотябъ сіе такое жъ постороннее вранье было, такъ по крайней мѣрѣ возьмите уже терпѣніе прочесть и послѣднее. На многое васъ спало, не уже ли на малое не спанетъ? По крайней мѣрѣ будыте увѣ-

увѣрены, что сія посторонняя матерія уже послѣдняя и болѣе сего я вамъ надобдашь не стану, но приступлю къ главному моему предмету.

Теперь приступая къ дѣлу повпору, что предметъ сего разсужденія составляетъ не только важную, но и совсѣмъ особливую вещь. Въ предсѣдующихъ разсужденіяхъ разбиралъ я, что такое нравственное зло, откуда получило свое происхожденіе и какія производитъ оныя себя слѣдствія: а въ семъ хочу съ вами, любезной читатель, о томъ говорить, есѣли намъ или нѣтъ возможности къ освобожденію себя оныя сего пагубнаго для насъ зла, и буде есѣ, то совершенноли оно можетъ испреблено быѣ, или до какого нибудь только градуса. И есѣли можетъ сколько нибудь уменьшено быѣ: то какими же бы собственными средствами могло то наиудобнѣе въ дѣйство производимо быѣ и что при томъ наблюдать слѣдуетъ. Вотъ будущее содержаніе сего и послѣдующаго за симъ разсужденія.

Не многія сіи слова, надѣюсь, въ состояніи были изобразить великую важность онаго. Ибо естли чшо извѣстнѣе и дословнѣе того, чшо весь человѣческой родъ вздыхаетъ подъ тяжкимъ игомъ сего зла, и найдется ли кшо нибудь, кошорой бы когда не явнаго, такъ по крайней мѣрѣ сокровеннаго желанія не имѣлъ бытъ отъ того освобожденнымъ, шо естъ чшобъ лишеннымъ пороковъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ? Общее и хопя неравное и когда не подлинное, такъ ложное и пришворное любленіе и почтеніе добродѣтели и омерзѣніе и ненависть къ порокамъ иноели чшо, какъ не сіе доказываетъ? Отъ чего происходитъ шо, чшо мы себя только не хошимъ исправить, а прочихъ всѣхъ за пороки и беззаконія ежеминутно готовы казнить и вѣшать? Не первые ли бы мы готовы опредѣленіе подписать, чшобъ въ свѣтѣ никшо никакого зла не дѣлалъ, но чшобъ всѣ были неопшѣнно честные и добрые люди и исполнялибъ только добродѣтель? Не требуемъ ли мы того отъ всякаго, кромѣ

мѣ

мѢ самихъ только себя? Не вздыхаемъ ли, не смѣемся ли, не осуждаемъ ли, не бранимъ ли, не досадуемъ ли, не проклинаемъ ли мы всякой день злосць и развращенную жизнь другихъ людей; а они не пою же ли монешою самимъ намъ оплачивающъ? Что иное, говорю все сіе доказывающъ, какъ не общую и врожденную въ насъ ненависть къ порокамъ и природное любленіе добродѣтели? — Но когда такъ, то скажите, почтожъ мы не любимъ первыхъ и желаемъ вторыхъ только въ другихъ людяхъ, а не въ самихъ себѣ? Къ чему не хотимъ слѣдовать симъ самимъ Богомъ въ насъ врожденнымъ святымъ стремительствамъ, и шѣмъ явимъ въ себѣ участокъ святаго его свойства и подобія? Не доказываетъ ли сіе, что въ насъ самихъ пагубное оное зло обитаетъ, и что не иное что, какъ оно причиною тому, что мы по словамъ Устроителя нашей натуры, въ очахъ другихъ людей сучокъ, а въ своихъ собственныхъ бревна не видимъ.

Когдажъ все сіе справедливо, и когда по предсѣдующимъ разсужденіямъ

ніямъ зло сіе шоль пагубныя для насъ производитъ слѣдствія : то не истинной ли долгъ и не все ли благоразуміе великъ принимашъ сей пунктъ въ лучшее уваженіе и почиашъ его такимъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть, то есть всѣхъ прочихъ вещей примѣчанія и разсмотренія достойнѣйшимъ ?

Мудрые и почиали его во всякое время шакowymъ и удостоивали его потребными разсмотреніями. Но я желалъ бы, чшобъ они въ изслѣдованіяхъ касающихся до сего пункта между предметами дѣлали лучшей выборъ и болѣе бы то изслѣдовашъ и находить старались, какимъ образомъ и какими средствами можнобъ было сіе зло въ насъ уменьшашъ и оное изъ себя испребляшъ, нежели о происхожденіи сего зла и о различныхъ онаго родахъ умшвовали. Правда не лзя шого сказать, чшобъ оба сіи пункты не были нужны. Оба они достойны разсмотренія : однако не смотря на то изслѣдованіе послѣдняго несравневно уже нужнѣе перваго. Ибо чшо пользы въ томъ, когда мы будемъ знашъ, откуда произошло сіе

Часть. I. Ф зло

зло и въ чемъ собственно оное состо-
итъ, когда не пойдѣмъ далѣе и не
будемъ изслѣдовать, можноли и чѣмъ
и какимъ образомъ оное испребишь,
или по крайней мѣрѣ уменьшишь въ
насъ? Поможетъ ли намъ одно знаніе
наше? Не принужденыль мы будемъ
остаться при прежнихъ жалобахъ, сте-
нашь подъ тягоспую сего бремени, и
только то швердить, что мы несчаст-
ны, а пособить себѣ быть не въ со-
стояніи? Не доказываетъ ли намъ то-
го ежедневное искусство и не проис-
ходитъ ли отъ того то слѣдствіе,
что большая часть нравоучительныхъ
нашихъ книгъ наполнена только общи-
ми и подробными предписаніями, что
дѣлать и чего не дѣлать намъ долж-
но, а какъ то дѣлать, или не дѣлать
и какимъ образомъ къ тому наиудоб-
нѣе приступать и желающему себя ис-
правлять должно, о томъ всего мень-
ше упоминается. Всѣ только швер-
дятъ: дѣлай, дѣлай! Исправляй себя,
исправляй! А какъ то дѣлать и чего
не дѣлать должно и какъ себя испра-
влять, того никто почти не сказыва-
етъ

ваешъ. И такъ можно ли при такихъ обстоятельствахъ имѣть спаранію и трудамъ нравоучителей возжелѣнное дѣйствіе? И не представляющъ ли многіе въ семъ случаѣ собою такихъ врачей, которые больнымъ и помощи отъ нихъ пребудущимъ только сказываютъ, что въ нихъ такая да такая болѣзнь, то-то и то худо, сіе да сіе поправленія пребудетъ: нужнагожъ къ тому лекарства не только сами не даютъ, но иногда и не сказываютъ, какое оное, въ чемъ должно состоять, гдѣ оное взять, или какимъ образомъ его всякому для себя составлять и въ какое время и когда принимать и употреблять надобно. Не выходилъ ли изъ всего вышеупомянушаго наконецъ того слѣдствія, что мы чрезъ то узнаемъ только часъ отъ часу больше величину нашего несчастія и тѣмъ болѣе только получаемъ причины жаловаться на оное.

И такъ не распространяя словъ и не ходя далѣе, остановимся на часокъ и разберемъ напередъ, естли полно

возможность, къ совершенному испре-
бленію сего зла и къ освобожденію се-
бя воя отъ досадныхъ, худыхъ и
намъ всѣмъ свойственныхъ склонностей
и спрасей, или ее воя уже нѣтъ?
Вопросъ этотъ важенъ, дорогой чипа-
тель! И какъ рѣшеніе онаго для всей
связи моей книги необходимо надо-
бно: то извините меня, что я по мѣ-
рѣ силъ моихъ шеперь оной разобрать
постараюсь и отвѣдаю, не могули я рѣ-
шить онаго.

Въ семъ случаѣ желалъ бы я, чтобъ
могъ отвѣтствовать на сей вопросъ
по желанію многихъ. Но что дѣлать,
когда при размышленіи о семъ пунктѣ
нахожу, что существо вещи требуетъ
прошивнаго, а долгъ мнѣ не великъ
подтверждать того, чему вѣришь мно-
гихъ суешныя ихъ сердца преклоняютъ,
но напрошивъ того повелѣваетъ дер-
жаться самой истинны, и бѣлаго чер-
нымъ не спараться насильно дѣлать.

Сіе сказалъ я для того, что изъ
ежедневнаго искуства довольно мнѣ
из-

извѣстно, что есть многіе люди, которые охотнобѣ пожелали слышать, что истребленіе сего зла есть совсѣмѣ невозможное дѣло. Кому не извѣстно, что вошло уже въ привычку утверждать, что многія худыя страсти нѣтъ намѣ никакого способа истреблять и что человѣкъ родится уже съ ними и напурѣ своей никакѣ перемѣнить не можетѣ? Не жалуются ли многіе, что они родились уже таковыми, и отѣ природы уже напирѣмѣ злы, сердиты, вспыльчивы, мстительны, завистливы, честолюбивы, своенравны, скупы, непостоянны, сластолюбивы, лѣнивы, распочительны, и прочее тому подобное, и тѣмѣ однимѣ всѣ свои худыя склонности и страсти извинить и себя оправдать стараются? Не всѣ ли мы къ таковымѣ извиненіямѣ какѣ въ помянутыхѣ, такѣ и во многихѣ другихѣ случаяхѣ склонны? Но сіе и напурально. Кому хотѣлось бы быть виноватымѣ и кто бы не хотѣлъ быть чистѣ, непороченѣ и освобожденѣ отѣ всякаго рода обвиненій. И не отѣ того ли самага прои-

спекаетъ, что всякому изъ насъ не мило, когда кто насъ въ нашихъ погрѣшностяхъ обличаетъ и за нихъ обвиняетъ станетъ. И такъ всѣ таковыя одну природу свою обвиняетъ привыкшіе охотно бы хотѣли, чтобъ то была подлинная правда, что имъ ее перемѣнить и исправить никоимъ образомъ не можно. Но что дѣлать, говорю, когда существо вещи великъ другое говоритъ и сама натура требуетъ, чтобъ свободилъ ее отъ напраснаго ей нареканія!

Въ сходствіе чего принужденъ я противное имъ и многимъ другимъ сказать, что невозможность сія далеко не такова велика, каковою они ее себѣ представляютъ; совершенной же ей бытъ никоимъ образомъ не можно. Знаю, что сіе требуетъ великаго доказательства и объясненія; но и доказать сіе не великаго труда стоить, ибо я прошу только слѣдующее принять въ разсужденіе.

Естьлибъ была совершенная невозможность перемѣнить намъ своей худой

дой природы, то естъ испребить господствующія въ насъ и отъ часпи съ нами родящіяся худыя склонности и желанія: то не слѣдовало бы уже само собою, что мы съ своей стороны уже вовся не виноваты тому, что даемъ имъ надъ собою владычествовать и имъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ слѣдуемъ. Ибо чѣмъ мы виноваты тому, что уже шакъ рождены, когда рожденіе наше не отъ насъ зависѣло, а перемѣнили мы не въ состояніи, и можно ли по справедливости обвинять и наказывать насъ за то, что учинили не было намъ никакой возможности? Какъ же скоро сіе положишь: то не послѣдуетъ ли само собою, что во первыхъ Творцу и Богу нашему не можно и взыскивать отъ насъ того, чтобы мы исправились и нашу свою перемѣнили; потому что сему пресовѣршеннѣйшему Существу неопмѣнно надобно быть правосуднѣйшему, шакоежъ взысканіе было бы не согласно съ правосудіемъ и ему не прилично. Во вторыхъ не можно бы ему намъ и предписывать того и давать намъ законы шребующіе

именно сего исправленія, пошому что въ семъ случаѣ стало бы, что онъ либо не вѣдаетъ нашей напуры, либо требуетъ отъ насъ невозможнаго; но обоого сего положишь никакъ не можно. Ибо напуру нашу не можно ему не знать, когда онъ самъ ее учреждалъ и припомъ всевѣдущее Существо, а невозможнаго отъ насъ требовать было бы не согласно съ его безконечною премудросшію, и прошивно его святымъ и безконечнымъ совершенствамъ. Неясное ли и не довольное ли сіе уже доказательство? Ибо не выходитъ ли изъ сего, что одному чему нибудь быть надобно; либо тому, чшобъ помянушой переменѣ и испребленію худыхъ склонностей и спрасей быть возможной, либо Богу нашему быть не правосудному, не справедливому и припомъ не благоразсудному? Но какая шварь опважися утвердить сіе послѣднее о своемъ Создатель? И не всѣли здравой разумъ имѣющіе согласися въ томъ, что такому Богу быть никимъ образомъ не можно. И такъ не выйдеть ли само собою, что помянушой пере-

перемѣнѣ такъ называемой нашей напущ-
ры надобно бытъ неопмѣнно возмож-
ной и намъ исправить себя есть спо-
собы.

Вотъ короткое, но непреборимое
и такое доказательство, которымъ всѣ
вѣрующіе опроверженному слову Божію
могутъ бытъ уже довольны. Но какъ
въ нынѣшнія времена есть по несча-
стію много такихъ, которые онымъ
не уважаютъ, но давая предъ нимъ
преимущество гласу суешнаго и раз-
вращеннаго своего сердца, хотятъ не
иному чему, какъ одному своему къ по-
грѣшностямъ и заблужденію всего бо-
лѣе способному разуму слѣдовать, и
позабывъ, что онѣ имѣютъ опредѣлен-
ные предѣлы и не безконечны, дѣ-
лаютъ его судьей всѣмъ дѣламъ и по-
ступкамъ непоспориимаго и безконеч-
наго своего Создателя и шѣмъ надъ
самымъ имъ превознесшися стараются:
то знаю, что для нихъ сіе доказа-
тельство не будетъ еще составлять
дальней важности. По извѣстной ихъ
и пагубной склонности къ возраже-
ніямъ

нїямъ, копорыя мнѣ довольно извѣстны, всего скорѣе они сказать могутъ, что они и того еще не знаютъ, подлинно ли Богъ такого исправленія опѣ насъ пребуешъ и того взыскиваетъ и что говорится о томъ только въ священномъ писанїи, копорое само еще пребуешъ доказательства: то симъ господамъ я также не многими словами сіе требованіе и не касаясь до священнаго писанія докажу, а именно самымъ шѣмъ обстоятельствомъ, о копоромъ я впереди имѣлъ случай упомянуть. А именно, я прошу только ихъ мнѣ сказать: откуда же происходило бы то общее во всѣхъ человѣкахъ желаніе, чтобъ другіе люди исправились и ошвыкли опѣ пороковъ и худыхъ склонностей? Опѣ чего имѣемъ мы хотя слабую, но во всѣхъ человѣкахъ одинакую любовь къ добродѣтели? Опѣ чего самыхъ беззаконниковъ прогаютъ иногда добродѣтельные дѣла? Опѣ чего въ обществахъ и самыхъ злодѣевъ пребуется наблюденіе нѣкопорыхъ должностей, также правды, вѣрности и другихъ видовъ добродѣтели и наказывающ-

зываются обманы и невѣрности? Кто научилъ сердце наше ненавидѣть всякое постороннее зло и бытьъ защитникомъ правды и добродѣтели и требовать отъ всякаго, чтобъ оказывана намъ была справедливость и не дѣлана была никакая обида и зло? Не врождено ли во всѣхъ насъ уже природное и самое по стремленіе, которое я прежде подъ именемъ совѣснаго имѣлъ случай описать? А когда всего сего они оспоришь не могутъ: то спрошу я ихъ далѣе, чтожъ иное доказываетъ намъ сіе какъ не то, что помянутое Божеское требованіе написано у насъ уже на сердцѣ, и что собственное наше сердце намъ на ухо шепчетъ, что Творецъ міра, сего исправленія отъ насъ требуетъ и хочетъ, чтобъ мы тоже и прежде еще въ самихъ себѣ въ дѣйство произвели, чего въ другихъ желаемъ. А когда справедливо то, что онъ сего и напурою и изусиленно требуетъ, то надобно сему по предсѣдующему доказательству бытьъ уже и возможнымъ. А сія возможность и дѣлаетъ насъ уже виновными,

ными, когда мы сему требованію будучи въ состояніи не послѣдуемъ и не похощимъ о премѣненіи напуры своей, или о исправленіи своемъ приложитъ старанія.

Теперь знаю, что многіе не смотря на всѣ сіи доказательства на семъ пунктѣ уприся и остановятся. Предразсудокъ, что напура наша не преборима, съ лишкомъ великъ и такъ сильно въ насъ вкоренился, что не скоро можешь насъ допустить въ сей истиннѣ удостовериться. Какъ бы я и многіе другіе ни говорили, что спраши намъ преодолевать и зло господствующее въ насъ когда не совсѣмъ истребимъ, такъ знатнымъ градусомъ уменьшивъ возможно, и чтобы ни предлагали тому въ доказательство, но всегда найдутся многіе, которые въ семъ случаѣ усмѣхнутся и не преспадутъ утверждать, что сіе неспасочное дѣло и что противное утвержденію моему доказываетъ ежедневное искусство. Кому не извѣстно, скажутъ они мнѣ, сколь же многіе себя испра-

испра-

исправляющѣ и кто не знаетѣ, что не смотря на наши старанія и труды мы въ томѣ дальнаго успѣха имѣть не можемѣ? И оспоримая ли то истинна, что единѣ Богѣ только безгрѣшенѣ, а изѣ человѣковѣ и праведникѣ безѣ грѣха не бываетѣ? Однимѣ словомѣ, можно ли опѣ природы вспыльчивому и сердитому на примѣрѣ человѣку сдѣлаться смирнымѣ и крошкимѣ? Можно ли завистному позабыть свою зависть? Можно ли лѣнивому сдѣлаться трудолюбивымѣ, упрямому неупрямымѣ, своенравному несвоенравнымѣ, честолюбивому смиреннымѣ, скупому щедрымѣ и такѣ далѣе? И сходное ли съ разумомѣ утверждать тому возможность, и погрѣшаемѣ ли мы въ томѣ, когда полагаемся въ семѣ случаѣ на свидѣтельство и доказательство глазѣ нашихѣ ?

Говорите, государи мои, говорите; вы сказывайте все, что только можете вспомнить. Я все опѣ васѣ буду выслушивать съ терпѣніемѣ и дамѣ вамѣ волю. А самѣ между тѣмѣ вамѣ ска-

скажу, что всѣ такія возраженія происходящѣ отъ самаго сего господствующаго въ насъ зла, о которомъ шеперь рѣчь идетъ. Оно, а не иное что васъ къ тому побуждаетъ. Оно влагаетъ въ васъ сіи мысли и старается васъ о невозможности увѣрить, дабы вы на него когда нибудь прямо не осердились и не вздумалибъ его изъ себя вашей выгнать. Пребываніе его въ васъ и жилище ему мило. Оно родившись съ вами гошова и во гробъ ишши и не подумаетъ никогда само вышши, буде вы его всегда ласкаете и насильно въ себѣ удерживаете и защищаете спанете. . . . Теперь все ли вы переговаривали и все ли вы сказали? Ежели все, такъ я на всѣ ваши возраженія, которые мнѣ довольно и безъ васъ извѣстны, слѣдующее вамъ въ отвѣтъ скажу, а именно: что всѣ помянутыя мнимыя невозможности и трудности не иное что доказываютъ, какъ то, что сіе пагубное зло съ лишкомъ глубоко въ сердцахъ нашихъ вкоренилось и пустило въ оныхъ шоль глубокіе корни, что никакая человѣческая ру-

ка

жа одна и сама собою не вѣ состояніи
онаго извѣ него совсѣмъ испоргнушь.

Ба! закричите вы теперѣ , не давѣ
мнѣ далѣе говорить ; не на нашемъ ли
теперѣ спалось и не самъ ли пы на
пожѣ согласился и теперѣ прежнему
прошивное ушверждаетъ ? Никакѣ го-
судари! Никакѣ, пожалуйста не спѣшите
такими восклицаніями. Я еще не все
выговорилъ, а вы не только не все вы-
слушали, но и не все, можете быть, за-
примѣшили. Это правда, что человѣ-
ку самому собою нѣтъ никакого спосо-
ба совершенно испребишь извѣ себя сіе
обишающее вѣ насъ зло. Но что ска-
жете вы мнѣ , когда скажу что сего
опѣ него именно и не пребуется ?

Вотѣ новое прошиворѣчіе , закри-
чите, можете быть, вы теперѣ опять.
Никакѣ ! Ошвѣспвую вамъ : а я гово-
рю то , что вѣ самомъ дѣлѣ есть , и
хочу сказать то , чему многіе, можете
быть , засмѣются. Однако смѣхъ сихъ
господѣ для меня не важенъ. Они пу-
скай оспаются при своихъ высокихъ
мнѣніяхъ , а я буду держаться истин-
ны

ны, копорой безсомнѣнно вѣрю и имѣю многія причины шому вѣришь. А именно, что всевѣдущему Творцу и Устроителю нашей натуры довольно было извѣстно, сколь сильны дѣйствія вкоренившася вѣ насѣ по несчастію зла и сколь мы сами собою сдѣлались уже слабы и немощны къ совершенному испребленію и искорененію онаго. Но какѣ онѣ и прежде паденія нашего не сдѣлалѣ насѣ машинами, а свободными существами: по тѣже самыя свящія причины, копорыя его къ шому побудили, не допустили его и послѣ оставишь насѣ вѣ такомѣ состояніи, чшобѣ мы сему злу оспались на вѣкъ порабощены и не имѣли способовѣ къ преодолѣнію онаго и чрезѣ по бышь подобнымѣ машинамѣ, или безсловеснымѣ живопнымѣ. И что для самаго шого безконечная его любовь и побудила его сыскашь средство, копорымѣ бы сему злу пособишь и насѣ вѣ такое состояніе привесшь можно было, чшобѣ мы могли прежде помянутое нравственное зло преодолѣвашь, и когда не совсѣмѣ испребишь, такѣ по крайней мѣрѣ

мѣрѣ уменьшишь значнымъ градусомъ, и привесъ въ такое изнеможеніе, чтобъ оно ошашочнымъ своимъ дѣйствиємъ не соспавляло дальней важности. Сіе средство состоишь въ собственномъ его вспоможеніи. Онъ самъ положилъ помогать намъ въ томъ своею десницею. А какъ ему уже ничего невозможнаго нѣтъ, то чрезъ самое сіе дѣлается и наше исправленіе и премѣненіе напущы въ разсужденіи насъ возможнымъ.

Чтобъ далѣе сію великую истинну изъяснишь: то скажу, что и сіе Божеское вспоможеніе не просто намъ обѣщано и дается, но сопряжено со многими условіями. Наиглавнѣйшія изъ оныхъ состоятъ во первыхъ въ томъ, чтобъ мы признались, что безъ его помощи сами собою себя исправимъ не въ состояніи. Во вторыхъ, чтобъ мы сему его обѣщанію безсомнѣнно вѣрили. Въ третьихъ принималибъ къ нему прибѣжище и его о томъ проеили. Въ четвертыхъ старались бы неоптѣнно приобрѣтати себѣ сіе вспомо-

Часть I. X женіе

женіе такими средспвами, какія онѣ самѣ предписалѣ и доходитъ до того такими пущами, какіе онѣ назначилѣ; то есть чрезъ принятіе и послѣдованіе всему его опкровенному намѣ слову и вкупѣ Христіянскому закону. Въ пашыхъ и что важнѣе всего, чѣобѣ мы неопмѣнно сами напередѣ исправленію своему учинили начало, но и послѣ всѣми своими силами и возможностьми тому поспѣшествовать старались, а не сидѣлибѣ безѣ дѣла, но трудились въ томѣ сколько нашихъ силѣ есть.

Сіи суть наиглавнѣйшія условія, безѣ копорыхъ намѣ онымѣ обѣщаннымѣ вспоможеніемѣ пользоваться, слѣдовательно нашуру свою перемѣнить и себя исправить никоимѣ образомѣ не возможно. Ежелижѣ спросите теперь меня, любезной читатель, для чегожѣ не просто Богѣ намѣ сіе вспоможеніе даетѣ и для чего должно происходитьсѣ такими околичностьми: то на сіе скажу, что сіе въ тонкость объяснитѣ, мнѣ безѣ объясненія напередѣ
всей

всей связи Христіянскаго и поль
для насъ спасительнаго закона и важ-
нѣйшихъ онаго таинствъ никоимъ об-
разомъ не можно. Но какъ сіе не поль-
ко завелобъ меня въ великое простран-
ство, но припомъ и не мое званіе
входитъ въ сіе великое дѣло и изъяс-
няютъ касающіяся до сего важныя Бого-
словскія истинны: то я предоста-
вляя самимъ вамъ искасть дальнѣйша-
го объясненія въ ученіяхъ нашего свя-
таго закона, объясню вамъ сіе корот-
кими словами и скажу, что все то
предположишь великой, премудрой и
попустому ничего не дѣлающей нашъ
Создатель имѣлъ свои святыя причи-
ны. Наиглавнѣйшія изъ оныхъ состоя-
ли во первыхъ въ томъ, что по неиз-
реченному своему человеколюбію хотѣлъ
онъ, чтобъ самое сіе обѣщанное и
ниспосылаемое намъ его собственное и
сильное вспоможеніе не дѣлалобъ сво-
бодности или произволу нашему ника-
кого насилія, но чтобъ мы оставались
при совершенномъ онаго дѣйстви , а
чрезъ самое то можнобы ему было, не
смотря на сіе постороннее вспоможе-

ніе, исправленіе наше приписать самимъ намъ и насъ за то, такъ какъ за произвольное наше дѣло, наградишь. Во вторыхъ, чтобъ самое сіе могло служить средствомъ къ побужденію насъ къ охотнѣйшему послѣдованію Христіанскому закону, и чрезъ то преподашь намъ легчайшей способъ къ снисканію себѣ неоцѣненными онаго и извѣстными выгодами и въ шѣхъ преступленіяхъ опущенія, которыми мы и до того учинили, да и во время самага исправленія нашего по слабости нашей учинишь всегда въ состояніи и кои въ прошивномъ случаѣ неопимѣнно вѣчно и безконечно наказаныбъ быти должныствовали, а чрезъ все то опворишь намъ врага и входъ въ безконечную и ту жизнь, гдѣ совершенное блаженство обитаетъ.

Вотъ важнѣйшія причины всѣхъ помянутыхъ условій изъбавляющія черты неизреченнаго человеколюбія нашего Зиждителя и вкупѣ великую важность, неоцѣненность и прелестныя выгоды спасительнаго закона, основаннаго

наго самимъ Богомъ. Ибо кто не видѣтъ изъ сего, что онъ намъ необходимо нуженъ и полезенъ и что безъ онаго намъ какъ въ исправленіи нашемъ, такъ и въ снисканіи благополучія нашего мало успѣть можно. А все сіе и объясняетъ вкупѣ и шу извѣстную изъ опытовъ истинну, что усердствующіе прямо оному закону и пользуясь онымъ Божескимъ вспоможеніемъ дѣйствительно себя до весьма высокаго градуса исправленія довели и доводятъ, какъ то мы въ примѣрѣхъ шоль многихъ угодившихъ ему видимъ, и дѣламъ ихъ превосходящимъ по видимому человѣчеству удивляемся, также и то, ошъ чего не помышляющіе объ ономъ и мало объ немъ радящіе шоль слабы и къ преодоленію страстей своихъ и обитающаго въ себѣ зла неспособны.

И такъ изъ всего вышеписаннаго надѣюсь довольно уже оказалось, что помянутое исправленіе по случаю паденія нашего праотца и ошъ сдѣлавшагося ошъ того въ душѣ нашей и

прежде мною довольно изъясненнаго поврежденія, хошя само собою и сдѣлалось невозможнымъ, но невозможность сія употребленными Божескими средствами уничтожена и сдѣлалась возможнымъ и такимъ, которое зависитъ отъ нашего произвола. А сіе не оправдаетъ ли великаго нашего Зиждишеля во всѣхъ его святыхъ и справедливейшихъ отъ насъ требованіяхъ и взысканіяхъ. Естлибъ не было искупленія, естлибъ не обѣщана и не посылаема была намъ отъ самаго его помощь, естлибъ не предложено было намъ отъ душевнаго нашего зла и болѣзни лекарства исцѣлишь оное могущаго; тогдабъ не можно было и ему отъ насъ исправленія нашего и исполненія святыхъ его заповѣдей, какъ такого дѣла требовать, которое мы по поврежденію нашей натуры произвестъ не въ состояніи: тогдабъ было сіе требованіе несправедливо, но такого онъ и не требуетъ. Но когда все сіе учинено, когда намъ снискана совершенная къ тому возможность, когда предписаны намъ самымъ шѣмъ, ко-
рой

рой учреждалъ нашу напуру и всѣ произшествія бывшія съ нею и нынѣшнее ея состояніе довольно знаетъ, способы, и показанъ путь, какимъ образомъ намъ себя вылечить и исправить можно и когда все то подвержено нашему произволу и при томъ такъ облегчено, что самъ Божественной Искупитель нашъ увѣряетъ насъ, что иго его благо и бремя его легко есть: то скажите, можно ли Творца нашего чѣмъ уже съ сей стороны обвинить, и не справедливо ли онъ поступилъ и поступаетъ пребуя отъ насъ того, что къ нашей же истинной пользѣ служишь? И онъ ли уже тому виноватъ, что мы не хотимъ предписаніямъ сего душевнаго нашего врача слѣдовать, и спасительныя его повелѣнія уважать и исполнять стараться, но болѣе воображенію своему нежели святымъ и справедливымъ его увѣреніямъ вѣримъ? И чѣмъ можемъ мы уже оправдаться того не учинивъ, когда учинишь то было возможно и мы находились въ состояніи? Ахъ государи мои! Будетъ ли когда нибудь вре-

мя, чтобъ мы опамятовались и слова и повелѣнія господни удостоили лучшаго уваженія, нежели какимъ мы нынѣ ихъ удостоиваемъ? Будетъ ли когданибудь конецъ тому общему заблужденію и самихъ себя ослабленію, въ копоромъ мы всѣ находимся? Прекратятся ли когданибудь потѣ душевной сонъ, въ копоромъ мы всѣ погружены наиглубочайшимъ образомъ? Проснемся ли когданибудь изъ онаго и очнувшись взглянемъ ли когданибудь на себя душевными очами? Или уже на вѣкъ зареклись мы не просыпаться и не вѣришь и не уважаешь словами того, копорого всякой день уснами исповѣдуемъ, но всѣмъ исповѣданіемъ своимъ и словами и повелѣніями его равно какъ играть и упоминать ихъ только для препровожденія времени. Но игрушки эти и на толи намъ они даны, чтобъ ими только забавляться?

Но я удалился уже отъ главнаго моего предмета и любовь къ истинѣ завела меня въ великое простран-

ство

ство и въ сію надобную посторонность. Опустите мнѣ сіе дорогой чашпель. Теперь не буду болѣе вамъ скучать сими можетъ быть непріятными вамъ доказательствами и изъясненіями и приступаю къ собственному намѣренію.

И такъ знайте, любезной чашпель, что нравственное зло, или всѣ худыя наши склонности, спраши и привычки одолѣвать намъ конечно есть возможность, и что сіе одолѣваніе должно быть двоякое, посредственное и непосредственное. Подъ именемъ посредственного разумѣю я такое, когда мы будемъ пользоваться постороннею, то есть Божескою помощію, а подѣ именемъ непосредственного то, которое мы непосредственно сами собою въ дѣйство производить должны. Оба они должны неопмѣнно сопрягаемы быть неразлучно вмѣстѣ и одно безъ другаго быть никоимъ образомъ не можетъ. Причину тому вы изъ предлагающаго надѣюсь усмотрѣли. Ибо посредственное надобно для того, что мы

съ лишкомъ слабы и безъ Божеской помощи исправить себя не можемъ , а безпосредственное для того, что Богу намъ безъ собственнаго нашего старанія и содѣйствія упомянутую помощь подавать намъ для сохраненія нашей свободности , и для другихъ святыхъ причинъ не можно. Почему необходимо надобно намъ самимъ призвавъ его въ помощь начинать и употреблять всѣ къ тому удобовозможные и шѣ способы , какіе намъ въ семъ случаѣ нашъ разумъ показать можетъ.

Теперь порядокъ велѣлъ бы мнѣ обоимъ рода одолѣванія разобрать въ понюхъ и сказать вамъ объ нихъ все, что знаешь надобно: но я долженъ признаюсь, что мнѣ въ разсужденіи обоимъ того учинить не можно. Ибо первое, то есть посредственное на большую часть есть таинственное, невидимое, отъ насъ сокрытое и принадлежащее къ великимъ таинствамъ Христіанскаго закона , слѣдовательно не мое дѣло входить въ сію важную матерію, но я долженъ оставлять по
на-

нашимъ пастырямъ и учителямъ. И такъ могу вамъ, дорогой чапашель, услужить только въ разсужденіи въпраго и сказать, какимъ образомъ и чрезъ что мы сами исправленію нашему съ своей стороны поспѣшествовать должны и можемъ и подашькъ тому по мѣрѣ силъ своихъ довольное уже но хотя крашкое и буде осмѣлюсь сказать опъ часпи на практикѣ основанное руководство. Послѣдующее разсужденіе будетъ содержать оное, въ кошоромъ найдете вы то, чего донынѣ вамъ чипать, можешъ бышь, не случалось.

РАЗСУЖДЕНІЕ XI.

*О существѣ и порядкѣ исправленія
пообще.*

Доказавъ въ предслѣдующемъ разсужденіи возможность исправленія и обѣщавъ сказать вамъ, дорогой читатель, какимъ образомъ и чѣмъ намъ съ своей стороны къ тому поспѣшествовать должно и можно и какія средства предписываетъ намъ къ тому разумъ, исполню теперь мое обѣщаніе, но не прежде какъ попросивъ васъ опять напередъ, чтобы вы послѣдующія спроки удостоили своего благосклоннаго вниманія. Сдѣлайте сіе любезной читатель! Можетъ быть самымъ вамъ понравится послѣдующая матерія по своей особливости, а можетъ быть и по новоспи. Я предложу вамъ въ семъ разсужденіи краткое опи-

описаніе одной войны, которая достойна любопытства и вниманія. Когда охотники вычиташь вѣдомости, такъ по крайней мѣрѣ сочтите сіе иностранными вѣдомостями, сообщающими извѣстія о военныхъ и внутреннихъ происшествіяхъ въ нѣкоей особой и такой области, которая намъ нужна и съ которою сопряжена наша польза, и удостоите послѣдующія спроки хотя такимъ же вниманіемъ, какимъ удостоилибъ вы такіа вѣдомости, когда не хошите ихъ удостоить лучшаго. Сверхъ того напередъ вамъ сказываю, что разсужденіе сіе не велико, и естли вы не любите читать длинныхъ пісѣ, такъ въ разсужденіи сей не опасайтесь, чтобъ вы съ лишкомъ утрудились.

И такъ приступая къ дѣлу прежде всего долженъ я вамъ сказать, что великое дѣло нашего исправленія достойно наивеличайшаго примѣчанія и сколько можно подробнѣйшаго разобра-
нія и изъясненія. Однако я жалѣя всѣхъ и боясь опягошить длиною маперією не отважился приступить къ такому
въ

въ семѣ разсужденіи, а назначилъ къ тому особо и за симѣ слѣдующее, а въ неперешнемѣ для лучшаго угожденія вамѣ положилъ сокращитъ рѣчь мою о семѣ какъ можно короче, но припомѣ такъ, чѣтобѣ была она и не безѣ пользы, а именно: чѣтобы въ случаѣ когда не можете вы терпѣть длинныхъ сочиненій моглобѣ и сіе вамѣ все нужное вкращѣ изъяснитъ, а ежели для васѣ сносны и длинныя сочиненія, когдабѣ только были они полезныя, то чѣтобѣ тѣмѣ яснѣе и удобопоняннѣе могло бытъ и послѣдующее, въ которомѣ содержатъсѣ будетѣ дальнѣйшее сему изъясненіе.

Размышляя о помянутомѣ исправленіи и о способахѣ, какимѣ бы образомѣ мнѣ наиспособнѣе, яснѣе и такъ все нужное вамѣ вкращѣ изобразитъ можно было, чѣтобѣ вамѣ тонкая сія философическая матерія не могла наскучитъ, но была бы любопытна, инаго кромѣ того не нахожу, что мнѣ не опмѣнно надобно взятьъ прибѣжище мое къ прежней моей Аллегоріи, копорою
ста-

спарался я изобразить все внутреннее состояніе души нашей и общошательства касающіяся до свойствъ и дѣйствій различныхъ силъ ея. И сіе для того, что исправленіе наше должно на помѣ какъ на фундаментѣ имѣть свое основаніе: ибо всѣ правила касающіяся до исправленія нашего наиспособнѣе и всего надежнѣе могутъ извлечены быть изъ свойствъ нашихъ склонностей и желаній. По кошорой причинѣ естли вамъ была прежняя моя Аллегорія не угодна, я прошу васъ, дорогой читатель, оппустишь мнѣ то, что я опять о мысляхъ и желаніяхъ нашихъ, сихъ невещественныхъ силъ и дѣйствій души нашей, подѣ видомъ естественныхъ ппичекъ и звѣрковъ говоришь буду. Вещественное такое ихъ воображеніе, сколько я самъ изъ себя и изъ другихъ примѣнить могъ, помогаетъ много намъ при семъ нужномъ и важномъ нашемъ подвигѣ. Почему хочу, чтобъ и вамъ оно сполькожъ пользовало, сколько самому мнѣ.

И шакъ позабывъ на часокъ себя, предсавте, дорогой читатель, себѣ въ мысляхъ, что душа человѣческая предсавляла бы цѣлую обласъ звѣрковъ и пщичекъ, находящуюся въ превеликой и такой разспройкѣ, какую я прежде имѣлъ случай изобразить. То есть, чтобъ она наполнена была внутренними мящежами и беспокойствами и всякой бы часъ происходили въ ней замѣшательства и беспорядки. Причиною тому было бы то, что по случаю премѣнился порядокъ законнаго правительства и что верховная власть природныхъ и законныхъ правителей похищена многими усилившимися бунтовщиками и злодѣями, воюющими всегда между собою и приводящими всю обласъ часъ отъ часу въ худшее состояніе, и что законные правители находились у нихъ въ порабоженіи и въ неволѣ и принужденны были отъ части исполнять повелѣнія оныхъ, отъ части быть безъ дѣйствія. Верховнѣйшимъ законнымъ начальникомъ или самымъ владѣтелемъ почтissime разумъ, а произволъ его товарищемъ и соправителемъ

вышелемъ. Прочія же хорошія склонности ихъ офицерами, находящимися съ государемъ своимъ въ такомъ же порабощеніи; а бунтовщиками и злодѣями наши спраси и худыя склонности.

Теперь не трудно уже заключить, что существо всего желаемого исправленія должно не въ иномъ въ чемъ состоять, какъ въ освобожденіи помянутыхъ начальниковъ съ ихъ офицерами изъ ихъ неволи и въ приведеніи ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли помянутыхъ бунтовщиковъ одолѣть, низложить ихъ силу, поработить себѣ и возстановить во всей обласи природной порядокъ и спокойство.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ все сіе намъ или паче сказать помянутымъ начальникамъ, разуму и произволу въ дѣйство произвестъ былобъ наиудобнѣе? Ибо легко можно всякому заключить, что никому иному какъ имъ самимъ, то есть разуму и произволу, а особливо сему по-

Часть I. Ц слѣд-

слѣднему въ помѣ шрудисья и наиглавнѣйше работашь надобно. Они должны себя освобождать. Они должны себя усиливать и они должны одолѣвать своихъ злодѣевъ и враговъ.

Сей вопросъ не шруднобѣ было рѣшить, естѣлибѣ не было одного обстоятельство, а именно, когдабѣ оба сіи главные начальники не находились въ неволѣ и не приведеныбѣ были въ такое изнеможеніе, что имѣ не можно уже съ усилившимися буншовщиками, овладѣвшими всею областью, порядочную начать войну и преодолѣвать ихъ собственною своею силою. Въ семъ случаѣ стоило бы имѣ только возшашь прошивъ оныхъ, пойшить на нихъ грудью и низложивъ силою оружія взойшить на тронъ правительсва. Но какъ сіе то самое обстоятельство по несчастію естѣ и они съ лишкомъ уже обезсилены, а сверхъ того и злодѣевъ къ преодолѣнію имѣющъ не немногихъ, а многихъ: то легко можно разсудить, что силою шупѣ имѣ ничего сдѣлать не можно и все стараніе ихъ къ преодолѣнію

лѣнію оружіемъ или грудью будетъ щепно.

Чтожъ въ такомъ случаѣ дѣлать, спросите вы? Инаго не остается, опивш-спвую, какъ слѣдовавъ такимъ же обыкновеніямъ и правиламъ, какія въ вещественныхъ и настоящихъ войнахъ между людьми въ подобныхъ сему случаяхъ употребляющся. А именно, когда не можно надѣяться на свою силу: то надобно награждать недостатокъ силъ хитростію и проворствомъ, или такъ называемою полишикою, и стараться непріятелей своихъ одолѣть не столько силою, сколько умѣньемъ.

Ежели спросите меня теперь, въ чемъ же бы должна состоять сія полишика: то скажу, что я размышляя о духовной сей воинѣ у разума и произвола съ своими бунтовщиками или у насъ съ спрасями, нахожу, что она очень во многомъ подобна вещественной и настоящей, и нужно только перемѣнить нѣкоторыя обстоятельствова, какъ такія же правила употре-

Ц 2

блать

блять можно, какія въ оныхъ упошребляющся, а по крайней мѣрѣ могутъ они показати намъ слѣдъ къ усмошренію того, что намъ дѣлать надобно. Въ сходствіе чего скажу, что и помянутая хитросль и проворство не въ иномъ въ чемъ состоишь какъ въ томъ, чтобъ весль напередъ войну не явную, а тайную полишическую, состоящую въ томъ, чтобъ себя напередъ разными средствами тайно усилишь и привесть въ такое состояніе, чтобъ можно было съ лучшею надежностью начать явную войну или прошивоборство, а непріятелямъ безъ бою причинишь существишельной вредъ и шѣмъ уменьшитъ ихъ силу и привесть въ изнеможеніе, и чрезъ то сдѣлать хорошее и сильное къ послѣдующей войнѣ приушповленіе.

Ежели спросите далѣе, какимижъ средствами сіе произвестъ можно и что при томъ наблюдать надобно: то скажу, что я въ разсужденіи сего пункта нахожу разные досшойныя примѣчанія обстоятельства, изъ которыхъ могутъ

извлечены бысть подѣ многіяжѣ и разныя къ наблюденію правила. Въ особливости же примѣчаю, что всѣ военныя дѣйствія нашего разума и произвола могушѣ раздѣлены бысть на три рода и состояшѣ во первыхъ, въ предварительныхъ и тайныхъ военныхъ приуготовленіяхъ. Во вторыхъ, въ первыхъ и начальныхъ военныхъ предпріятіяхъ и болѣ тайныхъ, нежели явныхъ надѣ непріятелемъ поискахъ. Въ третьихъ, въ самыхъ сраженіяхъ или дѣйствительной войнѣ. Чтobъ лучше изъяснить, что именно я подѣ сими разными родами разумѣю и что къ каждому собственно принадлежишѣ: то упомяну о каждомъ въ особливости.

И такъ что касается до предварительныхъ и тайныхъ къ войнѣ приуготовленій: то они могушѣ и должны состояшѣ въ слѣдующемъ.

Во первыхъ начало учинено бысть должно шѣмъ, чтobъ разуму и произволу нашему, или лучше сказать самимъ намъ спараться должно узнать въ по-

дробность и въ шонкоснѣ всѣ обстоя-
тельствства и состояніе своихъ злодѣ-
евъ и буншовщиковъ, то есть сколько
именно оныхъ; сколь каждой изъ нихъ
великъ и силенъ; копорые изъ нихъ
другихъ важнѣе, сильнѣе, для насъ
опаснѣе и не преоборимѣе, то есть бо-
лѣе усилились и имѣютъ власти, да-
бы шѣмъ лучше можно было прини-
мать прошивъ нихъ потребныя мѣры.
Сіе составляетъ первое обстоятель-
ство войны нашей, а сколь оно важно
и примѣчанія достойно, можно пошому
заклучить, сколь нужны бывающъ ша-
кія предварительныя знанія въ веще-
ственныхъ войнахъ, и кодь много
пользуетъ, когда мы будемъ напередъ
знать величину, силу и многочислен-
ность нашихъ непріятелей и не бу-
демъ принуждены узнавать то послѣ
и съ своимъ ущербомъ. Напротивъ
того сколь предосудительно воевать
съ такимъ непріятелемъ, о котораго
силахъ не имѣемъ мы никакого свѣ-
денія.

Во вторыхъ надобно имъ стараться узнавать нравы и обыкновенія своихъ непріятелей и другія касающіяся до нихъ обстоятельство. Какъ на примѣръ, храбры ли они отъ природы въ сраженіи или прусливы? Искусны ли и хитры, или глупы и просты? Какія употребляютъ оружія? Чѣмъ питаются, откуда получаютъ военные снаряды и амуницію? Отъ чего болѣе усиливаются? Чѣмъ подкрѣпляются, и такъ далѣе. Однимъ словомъ всѣ выгодныя для нихъ обстоятельства. Но сего одного не довольно, а надобно распрѣдѣленіе свое простираетъ далѣе и узнавать, не подвержены ли они какимъ природнымъ слабостямъ, не бояшся ли чего ѣ особливости? Не можно ли и чѣмъ именно довести ихъ до того, чтобъ они сами собою пришли въ разспройку и изнеможеніе? Чѣмъ скорѣе и удобнѣе можно имъ сдѣлать диверсію, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, всѣ невыгодныя касающіяся до нихъ обстоятельства, дабы тѣмъ удобнѣе можно было лишеніемъ первыхъ, а поспѣшествованіемъ симъ послѣднимъ

ихъ обезсилишь, сдѣлашь слабѣйшими и съ ними попомъ скорѣе сладить. Сіе составляешъ второе обстоятельство войны нашей, коего о важности можно по такомужъ обстоятельству при вещественныхъ войнахъ заключить. Ибо кто не знаетъ, сколь много можешь намъ поспѣшествовать въ оныхъ, если мы подобныя сему знанія о непріятеляхъ своихъ заблаговременно имѣемъ и оными при случаяхъ будемъ умѣть пользоваться.

Въ прешьихъ, надобно разуму нашему и произволу спараться освободить себя подъ какимъ нибудь видомъ изъ неволи и получить свободныя руки. И какъ оба помянутые начальники не во всѣхъ людяхъ сидящъ въ совершенной заперти, а только у не многихъ, а у прочихъ по большей части только временно и на то только время сажаются подъ караулъ, когда господа бунповщики выходятъ наружу и упражняются въ своихъ дѣлахъ, а въ прочее выпускаются опять изъ подъ онаго и на свободѣ ходящъ: то

слаб-

слѣдуетъ само собою, что надобно имъ не опмѣнно сими свободными минутами пользоваться, и упошреблять ихъ на чиненіе дальнѣйшихъ пріуготовленій и для всего того стараться какъ можно далѣе продлить сіе свободное время и всѣми способами убѣгать неволи и посаженія себя въ оковы. Еслижъ у кого разумъ находится въ легчайшемъ еще, но поноснѣйшемъ у буншовщиковъ игѣ и поспѣшествуетъ самъ ихъ вреднымъ замысламъ и пиранснву: то стараться сіе безчестное иго съ себя сбросить, и признавъ ихъ своими злодѣями прешать имъ шоль подло раболѣпствовашь. Сіе составляетъ претіе обстоятельство войны нашей, которое не менѣе важно, какъ и прочіе.

Въ четвертыхъ, въ помянутое свободное время, то есть когда оба помянутые главные начальники разумъ и произволъ находясь на свободѣ, во время недѣйствія или въ отсутствіе буншовщиковъ, то есть въ то время, когда сіи злодѣи спятъ, надобно про-

изволу нашему какъ сопровителю и такой особѣ, которой представляеть равно какъ Фелдмаршала и вѣрнѣйшаго друга и наперсника своего Государя, всѣми образами стараться себя усиливать природными своими упражненіями и шѣмъ равно какъ экзерцироваться или навыкать лучше и проворнѣе владѣть своими членами и оружіями и драться, дабы чрезъ все то укрѣпить природныя свои силы и дѣлаться къ будущему сраженію способнѣе, шѣмъ паче что ему надобно будетъ послѣ бытъ, въ самомъ огнѣ и самому наиглавнѣйше съ непріятелями драться на поединкахъ. Сіе составляетъ четвертое войны нашей обстоятельство, которое составляетъ великую важность. Ибо чѣмъ сильнѣе будетъ сей предводитель и герой, шѣмъ страшнѣе будетъ онъ своимъ непріятелямъ.

Въ пятыхъ, въ то же время не надобно и разуму нашему какъ государю бытъ безъ дѣла, но не упускать такого свободного времени тщетно, но въ оное съ одной стороны Фелдмаршалу своему произволу всѣми возмож-

носпѣ-

носьми помогать, а съ другой упражнясья въ разныхъ размышленіяхъ и дѣланіи дѣйствительныхъ военныхъ приуготовленій. Сіи приуготовленія состоятъ въ слѣдующемъ. 1) Въ тайномъ заготовленіи всякаго рода военныхъ снарядовъ, припасовъ и аммуниціи, а особливо такихъ, которые болѣе непріятелей вредить могутъ. 2) Въ набраніи рекрутъ или такихъ пшичекъ, то естъ мыслей, которыя непріятелямъ прошивны и съ шѣми пшичками драсться могутъ, которыя обыкновенно присушествуютъ при дѣйствіи бунтовщиковъ и ихъ войсками почестъся могутъ, и въ доспавленіи ихъ въ такія мѣста, откуда бы они потчасъ могли призваны быть и на сраженіе выведены. 3) Но какъ сего не довольно, то о снисканіи себѣ изъ звѣрковъ единомышленниковъ и пріятелей и въ приглашеніи ихъ къ себѣ на помощь, а особливо шѣхъ, которые отъ природы прошивны главнѣйшимъ бунтовщикамъ и завсегда съ ними готовы драсться, дабы въ нужномъ случаѣ можно было ихъ потчасъ призвать на помощь и

выставитъ на брань противъ самихъ ихъ соперниковъ и ихъ помощію подкрѣпитъ въ сраженіи произволъ и шѣмъ удобнѣ побѣдитъ непріятелей. Таковыхъ единомышленниковъ можно множество найтить всякому; пошому что они суть самые шѣ порабощенные вмѣстѣ съ государями своими бунтовщикамъ, нижніе офицеры или природныя хоронія спремительства и склонности, которыя находясь только во снѣ и въ великомъ безсиліи и изнеможеніи: и шакъ дѣло въ томъ только состоитъ, чтобъ ихъ разбудить и не примѣнно увеличить, укрѣпитъ и снабдить всѣми нужными имъ оружіями и военными припасами. 4) Въ снисканіи паче всего посторонней какой нибудь помощи, то есть дружбу отъ сильнаго какого государя, дабы въ нужномъ случаѣ можно было пользоваться не только его защищеніемъ и покровительствомъ, но и самымъ дѣйствительнымъ, вспоможеніемъ. Все сіе составляетъ пятое войны нашей обстоятельство, важность котораго я довольно изобразишь не въ состояніи.

Сіи суть всѣ тѣ нужныя и не обходимо надобныя предварительныя военныя приуготовленія, о кошорыхъ я упоминалъ выше. Всѣ оныя учинишь, имѣюшъ разумъ и произволъ нашъ, или паче сказаешь сами мы въ помянутое свободное время наиудобнѣйшей случай. Теперь пойдемъ далѣе и посмотришь, какія должны бытъ первыя и начальныя военныя дѣйствія и поиски.

Вооруживъ себя исподоволь помянутымъ образомъ и приведя себя въ нарочитое уже соспояніе, а именно снабдивъ себя и оружіями и друзьями и помощниками и свободивъ себя и ихъ изъ подъ неволи, надобно обоимъ начальникамъ приступать къ самому уже дѣлу, то есть къ воеванію съ своими врагами. Однако и шушъ должны они употреблять великую предосторожность и не вдругъ совашься къ нимъ въ глаза, но воевашъ съ начала болѣе хитросію, обманами и проворствомъ и дѣйствовашъ болѣе оборонительно, нежели наступательно, то есть, чтобъ первыя всенныя

енныя дѣйствія и поиски были болѣе полишическія. Въ сходствіе чего и должно имѣ наблюдать слѣдующее.

Первое, спараться всѣми возмож-
ношми убѣгать отъ большихъ сра-
женій и отъ кровопролитной, такъ
сказать, брани и для того во первыхъ
всего болѣе осперегаться, чтобъ самимъ
не подать къ тому поводъ, и непріа-
телю случай къ атакванію себя. Во
вторыхъ, хотя бы онъ и самъ спалъ
искалъ случая, или готовился уже учи-
нить на насъ нападеніе, такъ спарать-
ся добромъ или хитросію отъ него
опдѣлаться и убѣжать башалии. Въ
третьихъ, удерживать его какъ мож-
но на одномъ мѣстѣ и не допускать
выходить, такъ сказать, изъ своего ла-
герьа и приводить чрезъ то въ ослаб-
леніе, тревожить всегда маленькими
паршіями не давая нигдѣ спуску по-
являющимся малымъ его разбѣдамъ и
фуражирамъ, и не прежде съ нимъ
вступать въ бой, какъ по самой уже не-
обходимости, то есть, когда онъ самъ
нечаянно нападетъ и намъ себя обо-
ро-

ронять должно. Однимъ словомъ всѣми средствами выигрывать себѣ длиннѣйшее свободное время. Все сіе требуется не попустому, но для того, что съ начала всѣ дѣйствительныя сраженія съ непріятелями не только для человѣка съ великимъ трудомъ и опягощеніемъ сопряжены; но какъ съ начала бунтовщики очень еще сильны, а мы къ сраженію не навичны, то всего скорѣе можемъ такія неравныя сраженія оканчиваться съ предосудженіемъ и вредомъ нашихъ полководцевъ, а съ выгодною бунтовщиковъ и злодѣевъ. Сіе составляетъ шестое обстоятельство войны нашей, котораго о важности можно заключить изъ того, коль вредны бывають иногда таковыя рановременныя сраженія въ вещественныхъ войнахъ и коль много разумные полководцы пользуются проваживая непріятелей своихъ цѣлыя компаніи попустому и бездѣла и приводя въ ослабленіе либо долговременнымъ удержаніемъ на одномъ мѣстѣ, либо маршами и контрмаршами и дѣланіемъ малыхъ безпокойствъ, а между тѣмъ выигрыва-

ва-

ваніемъ времени на полученіе множайшихъ сикурсныхъ войскъ и о снабдѣніи себя множайшимъ числомъ снарядовъ и припасовъ.

Второе, между тѣмъ какъ сіе будетъ производимо, должно разуму нашему и произволу стараться дѣлать надъ непріятелемъ тайные поиски, изъ коихъ первѣйшимъ можетъ почестся то, чѣмъ какими нибудь средствами лишить его всѣхъ тѣхъ выгодныхъ обществъ, о коихъ я впереди упоминалъ и кои напередъ узнать надобно. Какъ наприкладъ. 1.) прилагать стараніе отхватить отъ нихъ магазиновъ и цейхгаузы съ оружіями и припасами, или тайно въ оныя вкрадываясь ихъ такъ перепоршить, чѣмъ они къ употребленію сдѣлались неспособны, или того еще лучше сдѣлать ихъ самимъ имъ вредными. 2.) Уничтожать тѣ причины, отъ коихъ они усиливаются. 3.) Преграждать имъ пути къ полученію помощи отъ своихъ товарищей такихъ же бунтовщиковъ и къ приво-
зу

зу я снабденію себя рекрутами и нужными припасами и прочая тому подобная. Все сіе составляет седмое обстоятельство войны нашей и пунктъ весьма важной и примѣчанія доспойной. Ибо кто не знаетъ, коль великія выгоды получаемъ мы въ вещественныхъ войнахъ надъ непріятелями, естли намъ удастся опхвашишь у нихъ столь нужныя и необходимо надобныя имъ вещи. И не побѣждаешсяли однимъ шѣмъ и безъ бою иногда непріатель?

Третье, вторымъ и столь же или еще дѣйствительнѣйшимъ и для насъ полезнѣйшимъ, а для непріятелей вредительнѣйшимъ поискомъ можно почестъ и то, когда разумъ и произволъ нашъ спанешъ спарашся всѣми возмозможностями поснѣшеспвовашъ и шѣмъ природнымъ слабостямъ и невыгоднымъ непріятелей своихъ обстоятельствомъ, о копорыхъ узнаваніи я прежде упоминалъ; какъ напрімѣръ спарашся усыплять ихъ и приводить въ разспройку и внутреннее замѣшательство раз-

Часть I. Ч ными

ными хипросъями: то есть 1.) стараться всѣми образами доводить ихъ до того, чтобъ они далѣе спали и не дѣйствовали и такъ сказать стоя долѣе на одномъ мѣстѣ находились въ праздности. Сіе имъ всего болѣе вредить, а намъ пользоваться можетъ, по тому что въ семъ случаѣ равно какъ въ вещественныхъ войнахъ не только они болѣе ослабѣютъ, но имъ труднѣе будетъ доставать себѣ и нужные съѣстные припасы и снаряды, а намъ между тѣмъ свободное время будетъ дѣлать надъ ними дальнѣйшіе поиски и приуготовленія; 2.) въ случаѣ когда станетъ выходить изъ своего лагеря или предпринимать иппи насъ искать: то предполагать ему важнѣйшія препоны и стараться разными хипросъями и движеніями его устранивать и прогонять опять въ прежней лагерь; 3.) когда то не успѣетъ, то въ разсужденіи опаснѣйшихъ злодѣевъ перехватывать у нихъ путь своими войсками, а ежели въ скорости своихъ доставить не можно, такъ по нуждѣ войсками самыхъ ихъ, но такихъ товарищей,

щей, которые бы были малы, не гораздо съ ними согласны, а для насъ не столь опасны, и съ копорыми мы скорѣе попомъ уже сладить можемъ, и чрезъ то дѣлать шѣмъ задержки и ошановки, заводимъ между ними междуусобныя ссоры и несогласія и давать поводы другъ съ другомъ къ сраженіямъ и къ причиненію вреда и ущерба; а вразсужденіи себя чѣмъ симъ случаемъ можно было пользоваться и получать время къ доставленію своихъ войскъ и къ прогнанію попомъ и всѣхъ ихъ въ прежнія ихъ логовища и къ очищенію поля. Все сіе составляетъ осъмое обстоятельство войны нашей и какъ всѣмъ шѣмъ можно имъ причинить наисуществительнѣйшей вредъ, а себѣ безъ бою снискать великія надъ ними выгоды: то можно сказать, что сіе обстоятельство достойно великаго примѣчанія.

Четвертое. Наконецъ третей и послѣдней, но наиважнѣйшей политики, которой разуму и произволу надъ своими непріятелями чинить

нишь должно, состоишѣ въ помѣ, чѣмъ въ случаѣ естѣли предсѣдующіе поиски не удадутся и его не можно будешѣ удержашѣ ошѣ выступленія изъ лагеря и ошѣ шесствія къ мѣсту баталіи или самому прону повелишельства: то прилагаешѣ послѣднія силы и спарашѣся, какъ можно захватишѣ у него передѣ и заняшѣ помянутое мѣсто прежде его шуда прибытія. Для изъясненія могущей произойти ошѣ того для насѣ пользы, долженѣ я сказать, чѣо сіе одно почти обстоятельство нѣсколько ошмѣнно ошѣ обстоятельствѣ вещественной войны. Ибо въ сихѣ сраженіяхѣ бывають въ разныхѣ мѣстахѣ и гдѣ графится, а въ духовной войнѣ для всѣхѣ сраженій у разума и произвола нашего съ бунтовщиками находится только одно мѣсто или поле имѣющее посреди равно какъ нѣкое высокое, но крайне выгодное мѣсто или гору, и весь успѣхѣ въ баталіи зависить наиболѣе ошѣ того, кто прежде успѣетѣ захватишѣ передѣ и взойти прежде на сію гору, разумѣ ли и произволѣ съ своими вой-

войсками или идущей на сраженіе бун-
шовщикъ. Ибо какъ и самая драка
единственна о сей горѣ производится,
по причинѣ что съ возшествіемъ на
нее и овладѣніемъ оною сопряжена и
власть повелительская надъ всею об-
ластію, и состоитъ въ спараніи од-
нихъ о согнаніи другихъ съ ней и о
завладѣніи оною: то натурально за-
хвѣтившему оную напередъ, будетъ
несравненно уже выгоды съ ней
драсться и сбивать на нее лѣзущихъ,
нежели другому лѣзть и на нее взди-
раться. По чему ни въ какомъ слу-
чаѣ не надобно и не полезно такъ
проворство какъ въ семъ, а особливо по-
тому что не рѣдко и все дѣло шѣмъ
кончилось; ибо какъ скоро одинъ у-
спѣетъ оную заблаговременно захва-
тивъ наполнивъ ее своими войсками и
установивъ орудіями: то другому нѣ-
чего дѣлать и онъ либо безъ всякаго
дѣла принужденъ будетъ прочь итти,
либо подравшись нѣсколько и
увидѣвъ невозможность принужденъ
будетъ оставить свое предпріятіе.
Сіе составляетъ девятое обстоятель-

ство войны нашей и такое, котораго важность довольно изобразить не можно, по чему оно и достойно наивеличайшаго примѣчанія.

Вотъ въ чемъ состоятъ первыя и начальныя военныя дѣйствія и политическіе поиски. Теперь пойдемъ далѣ и спанемъ говорить о послѣднемъ родѣ, то есть о дѣйствительныхъ сраженіяхъ.

Когда уже всѣми вышеупомянутыми средствами съ одной стороны приведемъ разумъ нашъ и произволъ, или паче сами мы себя въ нарочитое уже и несравненно лучшее предъ прежнимъ состояніе и запасеніемъ себя нужными снарядами и многими сильными помощниками себя усилимъ и укрѣпимъ, а съ другой самыми шѣмѣишми средствами безъ бою съ наиглавнѣйшихъ бунтовщиковъ пособьемъ на половину спѣси и въ значное приведемъ уже изнеможеніе: тогда уже пригласивъ помянушаго сильнаго посторонняго союзника и друга въ помощь и испросивъ

сѣвъ у него въ нужномъ случаѣ себѣ подмоги и подкрѣпленія должно уже нашимъ главнымъ начальникамъ разуму и произволу не упуская времени ополчить себя мужествомъ и приступивъ къ самому дѣлу или объявивъ бушующимъ, такъ сказать, явную войну, положить швердое намѣреніе при всякомъ случаѣ какъ они ни попадутся на встрѣчу, ихъ колошить и дратья съ ними до послѣдней возможности. Таковое предпріятіе само собою составляеиъ уже десятое и весьма примѣчанія достойное войны нашей обстоятельство. Потому что оиъ него равно какъ и на вещественныхъ войнахъ, очень многое зависишь; ибо кто не знаетъ, сколь много пользуетъ намъ, когда мы ополчимъ себя храбросію, неуспрашимою опвагою и мужествомъ, и не побѣждающя ли въ семъ случаѣ часто и сильные безсильными? Напрошивъ того сколь вредительно, естли мы сердца наши наполнимъ трусостію и малодушіемъ и мы не постараемся истребить оную изъ себя. Не бываетъ ли въ семъ случаѣ того, что и

сильныя арміи не смотря на всѣ свои многочисленныя снаряды и оружія побѣждаются безсильными и слабыми, но имѣющими только храброе и отважное сердце. Впрочемъ такое предпріятіе пошому наиболѣе надобно, что къ сраженіямъ случаи и прежде того времени и невольные бывають, а именно когда непріатели нечаянно и во время еще самыхъ нашихъ приуготовленій насъ атаковать и наши замыслы разрушить стараются спануть.

По приступленіи къ такому предпріятію должно потомъ не опмѣнно и въ дѣйство оное производить и никогда оное не выпуская изъ памяти въ случающихся необходимыхъ случаяхъ къ сраженію, то есть когда бунтовщики захопятъ овладѣть или овладѣють уже горою, драхъ не оплошно, но храбро, мужественно и такъ сказать до послѣдней капли крови и не прежде пашевать, какъ при самой необходимости, и когда никоимъ образомъ успѣять или согнать уже не можно. Сіе составляетъ первоенадесять и великаго

го примѣчанія достойное обстоятельство войны нашей.

Таковыя сраженія будутъ уже тогда натурально имѣть гораздо лучшей, хотя не всегда равной успѣхъ, и опѣшго война можетъ длиться долѣе или короче. Причиною тому то, что принуждено будетъ сражаться не со всѣми бунтовщиками вдругъ и разомъ, но съ немногими поодиначкѣ, а изъ оныхъ бунтовщиковъ не всѣ могутъ быть одинаково сильны; и такъ въ разсужденіи иныхъ и тѣхъ, которые слабѣе, сраженія могутъ оканчиваться въ одинъ мигъ и герои наши того момента могутъ ихъ низложить, прогнать, или совсѣмъ взявъ въ полонъ себѣ поработить. А въ разсужденіи иныхъ сраженіе можетъ быть кровопролитнѣе и продолжиться долѣе и побѣда зависѣть опѣ искусства, проворности, терпѣнія, храбрости и неустранимости нашихъ полководцевъ и ихъ воиновъ, и чрезъ то бой оканчивался иногда благополучно, иногда худо; то есть поелику приложено бу-

дешѣ къ тому ошѣ первыхъ спараніе. Однимъ словомъ бой бываетъ равновѣсной и побѣда сомнительная. А въ разсужденіи претѣхъ и самыхъ сильныхъ обстоятельствова иногда могутъ быти и того еще хуже; побѣда не только бываетъ сомнительна, но въ самомъ началѣ уже склоняется и обращается на сторону бунцовщиковъ и бой оканчивається къ предосужденію разума и произвола. Бунцовщики будучи съ лишкомъ еще сильны побѣждаютъ ихъ либо скоро, либо не скоро, не смотря на всю ихъ еще храбрость и проворство, а особливо когда съ стороны разума и произвола учинена будетъ какая погрѣшность и оплошность, какъ напримѣръ въ случаѣ когда они съ лишкомъ скоро силы ихъ убоявшись придутъ въ шрусость, малодушіе и опчаяніе и не приложатъ всего своего спаранія, не употребятъ всѣхъ орудій или будутъ имѣть недоспашокъ въ снарядахъ или не призовутъ на помощь своихъ союзниковъ, или имѣть будутъ мало оныхъ, а особливо когда не призовутъ они въ помощь помяну-

шаго

лаго посторонняго помощника и государя. Изъ чего явствуетъ, что успѣхъ въ сраженіи наиглавнѣйше зависитъ отъ предслѣдующихъ предуготовленій и благоразумія предводителей. Имъ надобно быть и героямъ и полишкамъ и прямо разумѣть, какъ съ непріятелями и когда и какимъ образомъ драться.

Однако таковыя случающіеся несчастные случаи не должны приводить ихъ въ отчаяніе, но паче дѣлать ихъ впередъ благоразумнѣйшими и осторожнѣйшими. Первые такія неудачныя сраженія не должны они съ лишкомъ много уважать, но помнить, что они имъ и не безъ пользы были, потому что всякое такое сраженіе низлагаетъ уже много силы у бунтовщиковъ, нагоняетъ на нихъ страхъ и уменьшаетъ въ нихъ охоту впередъ драться; чего ради разуму и произволу претерпѣвъ однажды или дважды такое отъ бунтовщика пораженіе и узнавъ чрезъ то, сколь много еще онъ силенъ, надобно уже взять предосторожность, и про-

дол-

долживѢ на день первые шайные пои-
ски и средспва, самимѢ между шѢмѢ
запасаться прошивѢ него новыми со-
юзниками и оружіями и потомѢ не
иначе уже прошивѢ него выходишь,
какѢ съ приглашеніемѢ къ себѢ на
помощь помянушаго посторонняго по-
мощника и Государя, и кричаніемѢ
къ нему и прозьбою о помощи въ са-
мое то время, когда начинается сра-
женіе и предвидится опасность, по-
бодряясь швердымѢ и безсомнѢннымѢ
упованіемѢ, что онѢ поможетѢ и что
при его вспоможеніи побѣда получиш-
ся, упошребляешь съ своей стороны всю
возможною силу и храбросшь и драшь-
ся, сколько силѢ и возможностейъ ешь.
И тогда уже не можетѢ такое сра-
женіе окончиться неблагополучно. Не-
пріятель много ли или мало смощря по
обстоятельспвамѢ прѣбдишся, а нужно
съ него однажды посбишь спѢсь и
принудишь хощя не много решировашь-
ся и мѣсто башалии оставишь, какѢ
въ другой разѢ онѢ уже несравненно
слабѣе будетѢ драшься и уже въ бѣг-
ство обратишся, а въ шрепей и въ
чеш-

четвертой и того слабѣе, и къ великому удовольствію и пріумфу совершенно разбиѣ и пораженѣ быти можешѣ; а впредѣ уже никакого почти труда не будетѣ стоить его одолѣвашѣ и онѣ до того доведенѣ будетѣ, что и въ полѣ показашѣся не посмѣшѣ, а наконецѣ и совершенно въ неволю взяшѣ и порабоженѣ быти можешѣ. Сіе составляетѣ второнадесять и послѣднее, а при томѣ наиважнѣйшее войны нашей обстоятельство и такое, которое требуетѣ наивысшаго примѣчанія; ибо было бы съ лишкомѣ много, есѣлибѣ хотѣли мы вдругѣ и однимѣ разомѣ отѣ всего зла избавишѣся и побѣдишѣ всѣхѣ своихѣ непріятелей, чего и въ подлинныхѣ войнахѣ не всегда требовашѣ и ожидашѣ можно, кольми паче въ сихѣ, гдѣ не вдругѣ со всѣми, а поодиначкѣ съ разными буншовщиками дѣло имѣшѣ надобно. Но намѣ надобно попрудитѣся и взяти терпѣніе, а за то и побѣда надѣ ними будетѣ намѣ пріятнѣе и торжество веселѣе.

Ежели спросите теперь все ли тѣмъ кончися и получишь ли война все свое чрезъ то окончаніе? На то скажу, что то рѣдко случается, чтобъ тѣмъ все уже кончилось. Правда разумъ и произволъ побѣдивъ и низложивъ главнѣйшихъ своихъ злодѣевъ и похищителей престола и восходитъ хоша на престолъ законнаго своего правительсва: но легко можетъ опять его лишиться, естли и въ началѣ о сохраненіи и утвржденіи власти своей не приложитъ старанія, да и послѣ не будетъ о томъ имѣть попеченія. Причиною тому то, что побѣжденныхъ злодѣевъ своихъ преданіемъ смерти вовся истребитъ и тѣмъ всѣ могущія впредъ отъ нихъ произойти беспокойства отвратишь имъ нѣтъ способа. По несчастію они безсмертны и всѣми побѣдами надъ ними можно только ихъ уменьшитъ и чрезъ то привестъ въ изнеможеніе и равно какъ посадить въ неволю. Но изъ сей неволи легко могутъ они опять выдраться и надѣлать множество бѣдъ и беспокойствъ, естли по оплошности
пра-

правительства получаютъ они и къ увеличиванію себя удобной случай и имъ заблаговременно не сдѣлается опять остановки и они вновь въ тюрьму запершы не будутъ. Къ тому присовокупляется еще другое несчастное обстоятельство, а именно то, что по великому множеству оныхъ не всѣ они равно сильно могутъ быть побѣждены и равно приведены въ изнеможеніе, но многія изъ нихъ останутся, не смотря на свои пораженія, сильны и будучи отъ напуга очень хитры, льстивы лукавы и проворны въ состояніи, сидячи въ самой тюрьмѣ, вредить обществу и когда не сами собою, такъ возбужденіемъ сообщниковъ своихъ находящихся на свободѣ возжигать новые мятежи и безпокойства и колебать престоломъ разума и произвола, а не рѣдко опять свергая оныхъ съ него восходить на него сами или возводить своихъ товарищей. Отъ чего и происходитъ, что многіе исправившіеся впадаютъ опять въ пороки и въ прежнюю беззаконную и распутную жизнь и тогда послѣднее зло бываетъ горше перваго. Для всѣхъ сихъ

при-

причинѣ слѣдуетъ уже само собою, что разуму и произволу о каждомъ побѣжденномъ своемъ врагѣ и злодѣѣ не надобно никогда позабывать, но имѣть отъ него всегда опасность и оспорожность и не только его, но и всѣхъ товарищей его стараться содержать въ непрерывной неволѣ, имѣть за ними крѣпкой и прилѣжной присмотръ и какъ скоро примѣшится, что которойнибудь изъ нихъ подниметъ опять носъ и старается выдраться или послушать изъ тюрьмы выбѣжитъ: то того момента и не упуская ни малѣйшаго времени надобно его хватать и не давая ему усиливаться. Въ противномъ случаѣ не успѣешь оглянуться, какъ онъ соберетъ уже сильную партію и явится предъ стѣнами столицы и готовъ попряси оную. А чтобы все сіе разуму и произволу учинить удобнѣе можно было: то надобно имѣть между шѣмъ стараться часъ отъ часу болѣе ушверждать престолъ свой, освобожденіемъ и усиливаніемъ своихъ законныхъ и бывшихъ въ започеніи Генераловъ и Офицеровъ и стараться, чтобы они полу-

чили

чили свободность упражняться въ природныхъ своихъ дѣйствіяхъ и опправляя свои должности и чрезъ самое то восстановишь въ душѣ натуральной порядокъ. Ибо когда онъ сими вѣрными рабами и подданными и прямыми подпорами престола окруженъ будетъ, тогда нѣчего уже будетъ, бунтовщикамъ дѣлать, но которой бы и захотѣлъ что нибудь злое предпріять, такъ Генералы и безъ Государей своихъ ихъ угнѣспъ и съ ними сладипъ во всякое время въ состояніи будутъ.

Вопъ метода, которою должно воевать нашему разуму и произволу противъ своихъ злодѣевъ и непріятелей! И вопъ краткое описаніе найважнѣйшихъ обстоятельствъ сей войны душевной и вкупѣ порядка нашего исправленія. Теперь не знаю, какого мнѣнія были и будете вы, любезной читатель, о семъ моемъ аллегорическомъ изображеніи, и угодна ли она вамъ будетъ или негодна? Но только въ томъ не сомнѣваюсь, что мно-

Часть I. III гимъ

гимъ покажется сіе одною только забавною шушкою. Они подумаютъ, что я хотѣлъ только ихъ позабавить, и можетъ быть сочтя сіе излишнимъ, здорнымъ и безполковымъ умствованіемъ поднимутъ все вышеписанное на смѣхъ. Но я дамъ имъ волю и оставлю то дѣлать, что угодно, а между тѣмъ только вамъ, дорогой читатель, на ухо шепну, чтобъ вы, ежели мила вамъ ваша польза, пожаловалибъ имъ въ помъ не слѣдовали, но повѣрилибъ мнѣ, что я во всемъ ономъ аллегорическомъ изображеніи не говорилъ ни единого почти слова излишняго и пустаго, и что изъ сей мнимой шушки и изъ всѣхъ обстоятельствъ сей шуточной войны выйдутъ наконецъ существенныя и великаго примѣчанія достойныя важности! Возьмите только терпѣніе и выслушайте, что я далѣе въ послѣдующемъ разсужденіи говорить буду. По сіе время я только вамъ вскользь и мимоходомъ о обстоятельствахъ и состояніи сей войны упомянулъ, и вамъ оную равно какъ издали и на театрѣ представилъ,

для

для того что боялся, чтобъ вамъ пространствомъ не наскучишь; а въ послѣдующемъ разсужденіи коснусь ей поближе, разберу въ тонкость всѣ обстоятельство, изъясню, что каждое малѣйшее изъ нихъ составляетъ великую важность, и изъ каждого почти изъ оныхъ можно извлечь намъ весьма нужныя и примѣчанія достойныя правила. Но трудъ мой былъ бы щедренъ, еслибъ я изображая все то не постарался вкупѣ приобщить ко всѣмъ нужнымъ вещамъ и попребнаго хоща крапскаго руководства. Сіе я не премину сдѣлать, и можетъ быть чрезъ то буду имѣть счастье, что какъ вы, такъ и многіе другіе возъмѣютъ выгониѣшія о Аллегоріи моей мнѣнія, и оная вамъ не шакова сумазбродна и безполкова, какъ теперь, покажется.

Конецъ перпой части

